Юрій Морфесси

Жизнь Любовь Сцена

«СТАРИНА» — ПАРИЖЪ

3. VI. 34

Юрій Морфесси

Жизнь, Любовь, Сцена

Воспоминанія русскаго баяна

« СТАРИНА » — ПАРИЖЪ

Посвящаю моей женѣ —

Валентинѣ Васильевнѣ.

Пѣсни веселыя,

Пѣсни завѣтныя,

Пѣсни любви и печали.

Это было давно...
Я не помню, когда это было...
Пронеслись какъ видѣнья
И канули въ вѣчность года,
Утомленное сердце о прошломъ
Теперь позабыло.
Это было давно...
....
....

А. Апухтинъ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Я — правнукъ греческаго пирата. Мой отецъ и его трагическая смерть. Я съ восьми лѣтъ зарабатываю свой хлѣбъ. Тихіе успѣхи въ наукахъ. Первыя разочарованія. Въ Америку «за скальпами краснокожихъ». Я — малолѣтній, мой рубль и взрослый мошенникъ. Батистини обо мнѣ, и я о Батистини.

Годъ жизни исполнился мнѣ, когда отецъ и мать привезли меня изъ Афинъ въ Одессу, навсегда перекочевавъ изъ Греціи въ Россію. Отецъ мой, Спиридонъ Морфесси, былъ талантливый и разносторонній диллетантъ. Обладая феноменальнымъ голосомъ, онъ прекрасно пѣлъ, но никогда не выступалъ публично.

Диллетантомъ былъ онъ и въ адвокатурѣ. Диллетантомъ былъ и въ журналистикѣ, помѣщая время отъ времени статьи въ газетѣ «Новороссійскій Телеграфъ», которую издавалъ и редактировалъ личный другъ отца, отставной гвардейскій офицеръ Озмидовъ.

Такъ-же дилетантски исполнялъ отецъ полудипломатическія обязанности греческаго вице-консула; консуломъ-же тогда былъ извѣстный одесскій милліонеръ Родоконаки.

Это любительство во всемъ было такимъ типичнымъ для артистической натуры отца, натуры неусидчивой, буйной, тосковавшей по сильнымъ ощущеніямъ и, за отсутствіемъ таковыхъ, искавшей забвенія отъ лѣнивыхъ будней южнаго провинціальнаго города въ кутежахъ и загулахъ.

Судьба, точно смилостивившись, послала ему не будничный конецъ. Онъ погибъ трагически, погибъ на морѣ въ такую бурю, когда гибли большіе пароходы, а на сушѣ съ корнями выворачивались вѣковыя деревья.

Необходимо добавить: отецъ, какъ и я, не умѣлъ плавать, но съ тою разницею между нами въ данномъ случаѣ, что я безумно люблю море, отецъ-же его терпѣть не могъ. Прогулка подъ парусами, стоившая ему жизни, была сдва-ли не единственнымъ за его жизнь «морскимъ путешествіемъ»...

Когда это стряслось, мнѣ шелъ девятый годъ. Съ изумительной четкостью врѣзался мнѣ въ память разсказъ человѣка, на чьихъ глазахъ мой отецъ пошелъ ко дну.

Это былъ капитанъ частнаго пароходства — нѣчто совершенно стихійное по размѣрамъ и физической силѣ. Къ сожалѣнію, моя память не удержала его фамиліи. Въ одно изъ воскресеній мой отецъ, капитанъ и еще какой-то полу-рыбакъ, полу-матросъ, взятый для ухода за парусомъ, вышли на лодкѣ въ открытое море съ тѣмъ, чтобы, вдоволь надышавшись бодрящимъ солонымъ воздухомъ, вернуться въ Одессу ко второй половинѣ дня.

Чарующій воздухъ, восходъ солнца сулили одно сплошное удовольствіе. Спутники, привлекши къ отвѣту корзинку съ напитками и снѣдью и плотно позавтракавъ, уже начали подумывать о возвращеніи.

За десятки верстъ воздушнымъ миражемъ поднималась изъ морской глади красавица Одесса...

Капитанъ озабоченно всматривался въ чуть замѣтную точку въ безпредѣльной лазури небесъ. Только его профессіональный глазъ могъ усмотрѣть ее, эту точку, и понять ея зловѣщее значеніе. Капитанъ заволновался и заторопился.

— Въ чемъ дѣло? — допытывался отецъ.

— Будетъ большая буря.

— Э, какая тамъ буря! Такъ тихо! На небѣ ни облачка!..

Но уже черезъ нѣсколько минутъ появилась черная туча, а еще черезъ нѣсколько минутъ такими же тучами заволокло небеса отъ края до края. Какъ исполинское чудовище съ тяжелыхъ цѣпей сорвалась буря. Дали очень опасный при данныхъ обстоятельствахъ поворотъ черезъ фордевиндъ. Моментъ, и какъ дѣтскій корабликъ, перевернуло лодку. Всѣ три спутника очутились въ бѣшенно кипящей водѣ. За лодку нельзя было ухватиться — она тотчасъ же пошла ко дну: къ ея мачтѣ было привязано для балласта два мѣшка съ пескомъ. Слабосильный и уже въ годахъ полу-матросъ, полу-рыбакъ утонулъ первымъ... Мой отецъ, хотя и не умѣвшій плавать, съ такимъ безумнымъ отчаяніемъ боролся за свою жизнь, что ему удалось отвоевать нѣсколько минутъ у смерти. Думая какъ нибудь помочь старому другу, капитанъ подплылъ къ отцу и попридержалъ его на водѣ... Отецъ, уже теряя сознаніе, подобно всѣмъ утопающимъ, такъ вцѣпился въ рубашку капитана — клещами не разнять было бы его закостенѣвшихъ пальцевъ.

— Спасти моего Спиридона нельзя было, — разсказывалъ потомъ капитанъ, — оставалось одно изъ двухъ: либо мы вмѣстѣ погибнемъ, либо представлялась возможность, да и то весьма гадательная, мнѣ одному уцѣлѣть. Я перекрестилъ его и, захлебываясь уже, разорвалъ пополамъ свою рубаху: никакъ нельзя было иначе освободиться отъ вцѣпившагося въ нее Спиридона. Такъ онъ бѣдняга и скрылся подъ во-

дою, зажавъ лоскутья моей рубахи... а я вступилъ въ отчаянную борьбу съ волнами.

Пять часовъ продолжалась эта борьба. Обезсилѣвъ, капитанъ на мигъ терялъ сознанье, страшнымъ напряженіемъ воли возвращалъ его себѣ и вновь отстаивалъ свою жизнь. Только къ вечеру, безчувственный, онъ подобранъ былъ какимъ-то парусникомъ...

Да, чуть не упустилъ очень важную для меня подробность. Капитанъ говорилъ, что послѣдней фразой моего тонущаго отца было:

— Господи, что ждетъ моего Юрія!..

Въ этихъ словахъ его была тревога за мою участь. Отецъ мой былъ грекъ, а у грековъ, суевѣрныхъ, какъ большинство народовъ Востока, неискоренимо слѣдующее повѣріе: если отецъ умеръ неестественной смертью, точно такой же смертью погибнетъ и его сынъ...

Пока Господь Богъ хранитъ меня не только на твердой землѣ, но и на невѣрно - обманчивомъ морѣ! Именно хранитъ.... Тонуть же и весьма основательно приходилось три раза. Но объ этомъ въ свое время, попозже.

Въ тѣ далекіе, спокойные годы, пожалуй, очень рѣдко начинали люди въ такомъ раннемъ возрастѣ получать жалованье и не только зарабатывать свой хлѣбъ, но и поддерживать семью, какъ это было со мной.

По разсказамъ матери, мы когда-то были очень богаты. Мы вели крупную торговлю хлѣбомъ и для перевозки его имѣли собственные пароходы. Случилось такъ, что мы въ одинъ день потеряли громадный грузъ хлѣба и нѣсколько пароходовъ, и превратились почти въ бѣдняковъ.

Давно я это слышалъ и въ точности не могу объяснить всего происшедшаго, но было это приблизительно такъ: въ дни русско - турецкой войны изъ какихъ-то стратегическихъ соображеній нашей же рус-

ской артиллеріей транспорты двухъ торговыхъ фирмъ, Морфесси и Капари — это дѣвичья фамилія моей матери, — были потоплены. Зачѣмъ это понадобилось? Для того-ли, чтобы закрыть доступъ турецкимъ судамъ въ какой-нибудь портъ, для того-ли, чтобы хлѣбъ не достался непріятелю, — не могу сказать. Да и не это, въ концѣ концовъ, важно, а важно то, что, во-первыхъ, казна, обѣщавшая возмѣстить намъ убытки, таковыхъ не возмѣстила, а затѣмъ, во-вторыхъ, какъ я уже сказалъ, все наше богатство въ одинъ день пошло ко дну. Море не было къ намъ милостиво. Сначала оно отняло у насъ средства къ жизни, а спустя какихъ-нибудь двадцать лѣтъ, отняло у меня и отца...

Хотя это же самое море въ теченіе долгаго времени баловало, осыпая милостями и щедротами дѣда моей матери, знаменитаго въ свою эпоху пирата нѣсколькихъ морей: Чернаго, Эгейскаго и Средиземнаго. Семья Капари не была въ этомъ отношеніи исключеніемъ. Богатѣйшія и знатнѣйшія греческія семьи, обосновавшіяся въ Одессѣ, были потомками такихъ же пиратовъ, какъ и мой прадѣдъ. Назову наудачу нѣсколько фамилій: Родоконаки, Ралли, Севастопуло, Вергопуло, Маразли, Анатра, Базили, Аргиропуло, Алфераки. Впрочемъ, относительно Анатра я, пожалуй, правъ только наполовину: Анатра, дѣйствительно, потомки пиратовъ, но только не греческихъ, а сицилійскихъ.

Многія изъ приведенныхъ мною семей, прадѣды которыхъ обогатились за счетъ купеческихъ кораблей, преуспѣли и на русской государственной службѣ, и въ смыслѣ придворныхъ званій. Маразли кончилъ свою жизнь одесскимъ городскимъ головою и камергеромъ. Блестящей дипломатической карьерѣ одного изъ Базили помѣшала революція. Ахилессъ Николаевичъ Алфераки занималъ высокій постъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Одинъ изъ Севастопуло былъ въ Парижѣ совѣтникомъ Императорскаго посольства и замѣнялъ часто хворавшаго посла.

Относительно моего прадѣда ходило много цвѣ-

тистыхъ легендъ. И легендарна была его бригантина съ экипажемъ изъ пятидесяти отчаянныхъ головорѣзовъ. Не ограничиваясь грабежомъ торговыхъ и пассажирскихъ кораблей, страшный Капари производилъ дессанты не только на левантинскихъ, но и на испанкихъ берегахъ.

Ребенкомъ я слышалъ, что въ пещерѣ одного изъ скалистыхъ и голыхъ острововъ Эгейскаго моря прадѣдъ мой хранилъ несмѣтныя сокровища: боченки съ золотой монетою, ларцы съ драгоцѣнными камнями и дорогую домашнюю утварь...

Ничего удивительнаго въ этомъ нѣтъ: такія уединенныя пещеры замѣняли пиратамъ банки и сейфы. Какъ кстати пришелся бы теперь одинъ изъ этихъ боченковъ съ золотомъ, или одинъ изъ ларцевъ съ изумрудами и жемчугами! Сожалѣнія столь же позднія, сколь и безплодныя... Поэтому вернемся къ моему дѣтству.

Я выше упомянулъ о томъ, что съ восьми лѣтъ началъ зарабатывать хлѣбъ, прибавлю еще: тѣмъ же самымъ, чѣмъ и теперь — своимъ голосомъ. Одновременно съ моимъ поступленіемъ въ одесское греческое коммерческое училище, я былъ принятъ регентомъ Макавѣевскимъ въ хоръ училищной церкви. Это давало мнѣ двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ, — въ то время жалованье маленькаго чиновника. Но такъ какъ вмѣстѣ съ нашимъ церковнымъ причтомъ я исполнялъ въ частныхъ домахъ разныя требы, то мнѣ въ общемъ набѣгало около сорока рублей въ мѣсяцъ. Кое-гдѣ намъ платили еще и натурой. Однажды я, изнемогая подъ бременемъ своей ноши, притащилъ цѣлый мѣшокъ съ булками, кренделями, сдобнымъ тѣстомъ. Я былъ на седьмомъ небѣ. Мать пришла въ ужасъ. Даже руками всплеснула:

— Этого только не хватало! Какой стыдъ! Точно мы нищіе, и у насъ даже хлѣба нѣтъ! Чтобы ты никогда не смѣлъ этого больше дѣлать, Юра!

А то былъ еще случай. На кладбищѣ подчивали насъ коливомъ — нѣчто въ родѣ кутьи. Тутъ и рисъ, и медъ и еще что-то липкое, густое и сладкое. Наѣвшись коливомъ, я рѣшилъ взять этой благодати домой, про запасъ. Не долго думая, наложилъ въ фуражку липкаго мѣсива, фуражку на голову и айда къ себѣ! Результатъ получился довольно плачевный. Фуражку не безъ усилія удалось отодрать отъ головы, а мои густые волосы оказались обильно напомаженными коливомъ. Въ итогѣ мать учинила мнѣ двойную головомойку: иносказательно — словесную, и въ самомъ прямомъ значеніи — долго отмывала мои волосы горячей водой и мыломъ.

Я съ дѣтства отличался рѣдкимъ здоровьемъ, большой физической силой, порывистостью. Всегда мнѣ было тѣсно, всегда хотѣлось расправить какъ слѣдуетъ свое юное тѣло... На солнце, на море, вообще, на природу тянуло...

При такихъ данныхъ особенно усидчивымъ и старательнымъ школьникомъ никогда не будешь. Весьма преуспѣвая въ гимнастикѣ, я по части наукъ не особенно былъ гораздъ. Только русскій языкъ и графика плѣняли меня, (рисованіе и черченіе). Здѣсь я выдѣлялся и, посвяти я себя этому, изъ меня вышелъ бы недурной архитекторъ. Зато математика не давалась. Особенно высшая. И очень ужъ отвлеченно, и терпѣнія не хватало...

Учитель математики до трогательности сочувствовалъ мнѣ:

— Морфесси, другъ мой, и математика не въ ладахъ съ тобою, и ты не въ ладахъ съ нею... Лучше приналягъ на гимнастику. Вонъ у тебя плечи и грудь богатырскія!..

Убѣждать особенно не приходилось. Я и такъ часами работалъ на параллельныхъ брусьяхъ, на кольцахъ и вертѣлся на трапеціи всевозможными «солнцами».

Мои дѣтскія развлеченія? Циркъ, фокусники, бро-

дачій музей восковыхъ фигуръ съ неизмѣнно «умирающей» Клеопатрой.

Съ такимъ музеемъ восковыхъ фигуръ связано у меня первое столкновеніе, осязательное, реальное, съ человѣческой подлостью. Неизгладимое впечатлѣніе! Дѣтская душа особенно воспріимчива и чутка и къ дурному и къ хорошему. Позже мнѣ случалось быть жертвой безпредѣльной человѣческой гнусности, но никогда это не волновало и не возмущало меня до такой степени, какъ въ тотъ далекій, далекій осенній день, когда мама торжественно дала мнѣ рубль на посѣщеніе «музея». Иду я, ногъ подъ собой не чувствуя отъ предвкушаемаго удовольствія... На Дерибасовской останавливаетъ меня господинъ, тогда показавшійся мнѣ образцомъ элегантности...

Улыбнулся искательно, дружески.

— Ты куда, малышъ, торопишься?

— Въ Музей восковыхъ фигуръ.

— А деньги у тебя есть?

— Есть! Мама рубль дала!

— А хочешь изъ одного рубля два сдѣлать?

— Хочу! — жадно проснулся во мнѣ воспитанникъ коммерческаго училища.

— Тогда живо давай мнѣ твой рубль, подожди меня за угломъ. Я тебѣ черезъ пять минутъ вынесу два, и мы вмѣстѣ пойдемъ въ Музей.

Проходитъ десять минутъ, двадцать..., цѣлый часъ, а господина нѣтъ, какъ нѣтъ... Холодно, замерзъ я... Но не въ холодѣ суть и не такъ жалко рубля, какъ досадно и больно, что господинъ, обманувъ дѣтское довѣріе мое, оказался жуликомъ....

Возвращаюсь домой въ слезахъ. Принесъ матери повинную. Ничего, отпустила новый рубль, но со строгимъ внушеніемъ — не только не давать денегъ людямъ незнакомымъ, но и, вообще, не вступать съ ними въ разговоры.

И я пошелъ въ Музей и видѣлъ Клеопатру, укушенную змѣей, видѣлъ «черепъ Александра Македонскаго въ молодости», видѣлъ Наполеона въ гробу...

Какихъ только знаменитостей не перевидалъ я за свой бумажный, канареечнаго цвѣта рубль!

Но этимъ не кончилось. Я разумѣю исторію съ моимъ первымъ рублемъ. Финалъ какъ нельзя болѣе иллюстрируетъ «наказанный порокъ и торжествующую добродѣтель».

Финалъ таковъ:

Однажды, весною, вышелъ я изъ дому. На углу стоялъ городовой, знавшій всѣхъ насъ. Меня онъ любилъ, и для него я былъ «панычъ Юра». По обыкновенію, разговорились. Какъ вдругъ смотрю и глазамъ не вѣрю: мимо проходитъ обокравшій меня господинъ.

— Смотрите, смотрите, тотъ самый! — кричу я пріятелю - городовому; онъ былъ давно посвященъ въ мое злоключеніе.

Городовой нагналъ жулика, сцапалъ и отвелъ въ участокъ.

На другой день мой усатый другъ въ медаляхъ и съ желтымъ шнуркомъ отъ револьвера, — милые призраки, гдѣ вы? — рапортовалъ мнѣ:

— Ну, панычу Юра, и утюжили мы вашего злодія въ участкѣ! Только перья сыпались! Здорово утюжили!..

Все по порядку вызывать на экранѣ прошлаго не хватило бы ни терпѣнья, ни памяти, ни мѣста. Да и скучно это было-бы не только для читателя, а и самому автору. Поэтому безъ хронологіи и безъ внѣшней связи, то забѣгая впередъ, то возвращаясь назадъ, буду писать о томъ и о тѣхъ, что встало передъ глазами, чьи образы вспыхнули ярче...

Ну, какъ не вспомнить, напримѣръ, дань, отданную пылкимъ мальчишескимъ воображеніемъ этимъ мастерамъ увлекательнаго американскаго романа — Густаву Эмару, Майнъ - Риду, Куперу и — тогда во дни моего золотого дѣтства, — звѣзда его начала разгораться — Буссанару. Въ Москвѣ выходилъ журналъ

«Вокругъ Свѣта», издавали его братья Вернеръ. Боже, съ какимъ интересомъ мы, группа мальчишекъ, ждали появленія въ Одессѣ очередной тетрадки «Вокругъ Свѣта», съ заманчивымъ текстомъ, съ заманчивыми картинками. И дешевая бумага и свѣжій запахъ типографской краски, густой, пріятный, — все это было необыкновенно дорогимъ и желаннымъ...

Начитавшись, какъ упомянутыхъ авторовъ, такъ и романовъ Жаколіо въ «Вокругъ Свѣта», мы твердо, включительно до торжественной клятвы, рѣшили бѣжать въ Америку поохотиться за скальпами краснокожихъ, какъ они охотились за скальпами блѣднолицыхъ.

Кто это мы? Насъ было четверо: во-первыхъ, мои сосѣди, два брата Распоповы, во-вторыхъ, Жоржъ Лонтиновъ и я, Юра Морфесси. Въ общемъ, было намъ всѣмъ вмѣстѣ около 45 лѣтъ, когда мы задумали наше первое путешествіе въ страну вождей типа «Соколинаго Глаза» и «Черной Пантеры».

О практической географіи мы имѣли довольно смутное понятіе. Какъ - нибудь доберемся, доѣдемъ, важно сдвинуться съ мертвой точки. И прежде всего нужны деньги, деньги и деньги! Мы начали мудро накапливать наши сбереженія. У Распоповыхъ это дѣло шло удачно, ибо семья ихъ была богатая и родители баловали мальчиковъ карманными деньгами. Я, хотя и зарабатывалъ, какъ это уже было отмѣчено, около 40 рублей въ мѣсяцъ, но все это отдавалъ матери, а самъ получалъ отъ нея на свои развлеченія и удовольствія по полтиннику въ недѣлю. Иногда, въ видѣ исключенія, два полтинника сливались въ рубль.

Тѣмъ временемъ у одного рыбака на Ланжеронѣ мы присмотрѣли лодку. Она далеко не была каравеллой Колумба — такая дряхлая, зачиненная и заштопанная ржавой, готовой разсыпаться жестью. Но рыбакъ увѣрялъ панычей, что лодка его всѣмъ лодкамъ лодка и на ней можно пуститься не только въ Америку, но и въ куда болѣе дальнее плаванье...

Сто рублей — итогъ нашей неусыпной экономіи

нѣсколькихъ мѣсяцевъ — мы полностью внесли рыбаку, а онъ обѣщалъ ждать насъ въ условленный день и часъ въ условленномъ мѣстѣ. Надо-ли пояснять, что обманулъ онъ насъ самымъ наглымъ образомъ. Мы больше никогда не видѣли ни рыбака, ни его лодки, а наши сто рублей сгинули безвозвратно. Это было мое второе столкновеніе съ человѣческой подлостью...

Но первая неудача не обезкуражила юныхъ мореплавателей. Только, наученные горькимъ опытомъ, мы избрали болѣе солидный способъ передвиженія, чѣмъ подбитый ржавымъ желѣзомъ, полусгнившій челнъ. Изъ Одессы отходитъ океанскій пароходъ «Владиміръ». Онъ везъ на Сахалинъ большую партію каторжниковъ. Рѣшено было тайно проникнуть въ него, забраться въ трюмъ, а дальнѣйшее придетъ уже само собой. Распоповы и Лонгиновъ такъ и сдѣлали, а я проспалъ моментъ отхода «Владиміра», чѣмъ былъ угнетенъ до крайности. Какъ я завидовалъ этимъ счастливцамъ, охотникамъ за черепами! Но родители моихъ друзей всполошились, забили тревогу, поднята была на ноги полиція, помчались телеграммы, и «охотники за черепами» въ Константинополѣ были сняты съ «Владиміра» и, сконфуженные, доставлены въ Одессу.

Не вѣря больше обманчивой морской стихіи, третью попытку мы задумали осуществить по твердой землѣ. Раздобыли лядащихъ лошадей безъ сѣделъ, забрались верстъ за пятнадцать куда-то въ степь, а черезъ два дня, изголодавшіеся, измученные, вернулись домой, набившіе себѣ верхнюю часть ногъ такъ, что ни ходить, ни сѣсть. Вернулись, уже окончательно павшіе духомъ и посрамленные...

Прощай, Америка, прощайте, скальпы, прощайте, доблестные вожди: «Соколиный Глазъ» и «Черная Пантера»!

Скрѣпя сердце, надо было отъ романтики излюб-

ленныхъ авторовъ понемногу вернуться къ будничной дѣйствительности. Но и будничная дѣйствительность не была уже для меня такой тусклой и сѣрой. Каждое воскресенье начиналось для меня строго и важно, и я находилъ торжественную поэзію, вставая въ три часа утра, чтобы пѣть у ранней обѣдни. Глубокая тишина, кругомъ все спитъ, я встаю, умываюсь, чищу свою ученическую форму и стараюсь, чтобы все, и блуза, и поясокъ, и фуражка было пригнано съ гимназической щеголеватостью. Я шелъ въ церковь зимою среди холоднаго мрака, лѣтомъ подъ лучами восходящаго солнца, чувствуя себя далеко не послѣдней фигурой въ нашемъ училищномъ хорѣ. Мой дискантъ, какъ то сразу перешедшій въ густой и сочный баритонъ, свободно покрывалъ весь хоръ изъ пятидесяти человѣкъ. Въ нашемъ маленькомъ міркѣ я былъ центромъ вниманія, со мной считались, мнѣ прочили блестящую карьеру.

Учителя, тѣ прямо совѣтовали: зачѣмъ тебѣ наука, Морфесси? Поступишь въ театръ, а жизнь тебя научитъ уже всему остальному. Меня и самого тянуло въ театръ. Теперь я копилъ деньги уже не для путешествія въ Америку, а чтобы съ верхнихъ ярусовъ галерки слушать оперетту и часто пріѣзжавшую къ намъ итальянскую оперу. Одесса была очень музыкальнымъ городомъ, и кто только изъ итальянскихъ звѣздъ не гастролировалъ у насъ: Марчелла Зембрихъ, Мазини, Таманьо, Джиральдони и многіе другіе и, конечно, божественный Батистини. Помню знакомство мое съ Батистини. Знакомство — это слишкомъ громко, даже кощунственно. Съ благоговѣйнымъ трепетомъ переступилъ я порогъ аппартамента «Лондонской Гостиницы», занимаемаго королемъ баритоновъ. Еще бы не трепетать! Великій артистъ, обвѣянный и заласканный міровой славой. Его біографія была мнѣ извѣстна. Я зналъ, что, не въ примѣръ другимъ итальянскимъ пѣвцамъ, Батистини былъ изъ аристократической семьи и въ молодости служилъ въ гвардіи своего короля. Зналъ я также, что многіе вѣн-

цепосцы Европы, и въ томъ числѣ нашъ Императоръ, съ особенной благосклонностью относились къ нему именно за то, что, будучи великимъ пѣвцомъ, онъ одновременно былъ и человѣкомъ высшаго общества.

Послѣ всего этого, понятенъ мой трепетъ шестнадцатилѣтняго провинціальнаго юноши. Но первое-же впечатлѣніе разсѣяло всѣ мои страхи. Батистини былъ обворожительно простъ со мною. Царственная простота, обезоруживающая и покоряющая. Но что-то величественное было въ его манерахъ. Много лѣтъ спустя, вспомнивъ эту встрѣчу, уже послѣ того, какъ я попалъ въ Петербургъ и самъ увидѣлъ большой свѣтъ, я понялъ простоту обхожденія Батистини.

Но вернемся къ аппартаменту въ «Лондонской Гостиницѣ». Тѣ, кто мнѣ протежировали и ввели къ Батистини, попросили короля баритоновъ прослушать меня.

Съ плѣнительной улыбкой, расправивъ фалды чудеснѣйшей визитки — я такой никогда до этого не видѣлъ — Батистини подсѣлъ къ роялю, взялъ ноту и обратился ко мнѣ по французски:

— Повторите!..

Я, успѣвшій наслушаться Батистини въ цѣломъ рядѣ оперъ, взялъ эту ноту въ его же собственномъ стилѣ и духѣ.

Снявъ съ клавишей свои длинные, тонкіе пальцы, полу-богъ посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ.

— Молодой человѣкъ, да у васъ рѣдкій подражательный талантъ! Мой голосъ вы передаете съ неописуемой точностью!

И, обратившись къ моему покровителю, Батистини продолжалъ:

— Ему необходимо ѣхать въ Италію и прямо поступить къ знаменитому Котони. Если онъ будетъ даже вторымъ Котони, онъ сдѣлаетъ себѣ міровое имя. Пошлите его въ Италію, не теряя времени! Волшебникъ Котони обработаетъ его голосъ...

Въ Италію я такъ и не попалъ. Это было во всѣхъ отношеніяхъ сложнѣе, чѣмъ снаряжаться въ Америку, за скальпами краснокожихъ. Кромѣ того, повседневная дѣйствительность такъ и обступала со всѣхъ сторонъ, что-то беря, что-то давая взамѣнъ. Гдѣ ужъ тутъ думать было объ Италіи! Да и здѣсь, въ Одессѣ, моя артистическая карьера не по днямъ, а по часамъ росла. Юный, скромный пѣвчій училищной церкви, я былъ привлекаемъ ко всѣмъ любительскимъ опернымъ начинаніямъ. Ни одинъ любительскій концертъ не обходился безъ моего участія. Прежде чѣмъ останавливаться на этомъ, вспомню одинъ случай, ничтожный вообще, но въ моемъ личномъ дѣтствѣ оставившій нѣкоторый чисто физическій слѣдъ.

Какой-же я былъ бы мальчикъ и чего бы стоили ребяческіе годы, если-бы я не увлекался военными оркестрами? А при многочисленности одесскаго гарнизона оркестровъ было много. Каждый день какая-нибудь воинская часть проходила по улицамъ подъ оглушительный ревъ сіяющихъ мѣдныхъ трубъ. Какимъ ни съ чѣмъ несравнимымъ наслажденіемъ было для меня и для моихъ сверстниковъ четко отбивать шагъ, поспѣвая за оркестромъ. Глаза блаженные, пьяные, душа куда-то устремлена ввысь, воображаешь себя неотразимымъ удальцомъ въ сказочно живописной офицерской формѣ.

Въ одинъ совсѣмъ не прекрасный для меня день, я въ состояніи обычнаго опьяненія, завороженный звуками бодраго, воинственнаго марша, отбивалъ тактъ на правомъ флангѣ... Одинъ мигъ, искрометный въ буквальномъ смыслѣ слова, — ибо изъ моихъ глазъ брызнули цѣлые снопы горячихъ искръ и сразу поглощенный глубокой тьмою, я потерялъ сознаніе. Такъ, безчувственный, и былъ доставленъ домой. А когда очнулся, на моемъ лицѣ оказалась твердая. гигантская шишка, болѣвшая при самомъ нѣжномъ прикосновеніи. Только лежа въ постели, я вспомнилъ, что на всемъ быстромъ ходу напоролся на фонарный столбъ и основательно разбилъ голову. Это злоключеніе ни-

сколько не уменьшило моего увлеченія военнымъ оркестромъ, но только наученный горькимъ опытомъ, я уже издали, какъ пугливая лошадь, начиналъ коситься на каждый встрѣчный столбъ.

Рано я научился пить водку. Это было неизбѣжно для церковныхъ пѣвчихъ. Пьянство культивировалось въ этой средѣ великовозрастными басами. Въ каждомъ хорѣ басы были, такъ сказать, гвардіей, исповѣдниками хорошаго тона и носителями лучшихъ традицій.

У насъ особенно отличался басъ Татариновъ. Голосъ у него былъ потрясающій; его даже взяли въ Петербургъ, въ Маріинскій театръ, гдѣ онъ могъ-бы прогремѣть наряду съ лучшими басами Императорской сцены. Увы, бѣдный Татариновъ и нѣсколькихъ дней не продержался въ Маріинскомъ театрѣ. Дважды, мертвецки пьянаго, сволокли его въ участокъ. Прощай, столичная карьера! И онъ вернулся назадъ въ Одессу. Вѣчно безъ денегъ, всегда плохо одѣтый, онъ выпрашивалъ копѣйки у насъ, малышей, чтобы опохмѣлиться послѣ жестокаго запоя. Какъ-то прохожу мимо Кафедральнаго Собора, вижу — Татариновъ стоитъ посреди площади на колѣняхъ.

— Что ты дѣлаешь? — спрашиваю.

— Развѣ не видишь? Молюсь, не мѣшай!..

Я отошелъ въ сторонку, чтобы не смущать религіознаго экстаза баса-верзилы.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ поднимается съ колѣнъ и — ко мнѣ.

— Есть у тебя гривенникъ?

— Нѣтъ.

— Жаль. Чортъ! Выпить охота. Ну да какъ-нибудь разживемся...

Идемъ вмѣстѣ. Навстрѣчу пожилой бородатый еврей, согнувшись, медленно толкаетъ впереди себя нагруженную пирамидою спѣлыхъ арбузовъ тачку.

— Какъ торгуешь? — задаетъ мой Татариновъ совершенно праздный вопросъ.

Еврей опустилъ тачку и развелъ освободившимися руками, кивая головой на нетронутую пирамиду твердыхъ какъ мраморные шары арбузовъ.

— Самъ видишь, молъ...

Татариновъ призадумался, почесалъ затылокъ и подхлестнутый удачной идеей сказалъ:

— Сколько ты мнѣ дашь, если я въ полчаса продамъ всѣ твои арбузы?

— А сколько же вы хотите?

— Пятнадцать копеекъ.

— Хорошо. Пускай будетъ пятнадцать...

— По рукамъ! Вали за мною на Дерибасовскую!

И вотъ я свидѣтель диковиннаго зрѣлища!

По шикарной улицѣ, съ такой же шикарной толпою, еврей тащитъ свою тачку, а рядомъ съ нимъ Татариновъ громоподобнымъ басомъ рычитъ:

— Кавуны на разрѣзъ!.. Кавуны на разрѣзъ!..

Останавливались прохожіе, лошади шарахались въ сторону. Сенсація!

Въ нѣсколько минутъ еврей разбазарилъ весь товаръ свой, тачка опустѣла, изобрѣтательный Татариновъ получилъ пятіалтынный и къ вечеру лежалъ пластомъ...

Большой пѣвецъ погибъ въ этомъ несчастномъ алкоголикѣ...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Бродячій фонографъ. Я самъ себя слушаю и получаю три рубля. Спасительный коньякъ. Приключенія на ледоколѣ. Я покидаю Одессу въ погонѣ за карьерой и счастьемъ.

Теперь, когда лучшіе европейскіе «дома» предлагаютъ мнѣ выгодные контракты, чтобы я напѣвалъ имъ десятки пластинокъ, по всему свѣту разносящія и мой голосъ и мою пѣсню, — теперь я съ особенной, чуть-чуть иронической нѣжностью вызываю изъ прошлаго такую картину:

Дѣтскій садъ. Жарко и пыльно. Какой-то грекъ. Какой-то столикъ. На немъ какой-то аппаратъ. Валикъ, игла. Потные люди напряженно вслушиваются. Тонкая гуттаперчевая кишка тянется къ уху каждаго слушателя.

Это — фонографъ, наивный и несуразный прототипъ нынѣшняго грамофона, этого упругаго, со свѣтлымъ металлическимъ тѣломъ щеголя и красавца.

Грекъ зналъ меня. Въ свои шестнадцать лѣтъ я былъ популяренъ въ Одессѣ. Змѣемъ - искусителемъ предлагаетъ онъ мнѣ:

— Хотѣли-бы вы самого себя послушать?

— Разумѣется, хотѣлъ-бы!

Тогда услышать собственный голосъ было чудомъ высшаго колдовского порядка.

Короче говоря, я напѣлъ въ фонографъ нѣсколь-

ко романсовъ и въ числѣ ихъ модный въ то время: «Задремалъ тихій садъ».

Неблагодарный соотечественникъ мой послѣ этого даже не взглянулъ на меня. Для него я уже былъ мавръ, сдѣлавшій свое дѣло.

Черезъ нѣсколько дней на Николаевскомъ бульварѣ та же сцена, съ тою лишь разницею, что публики много, и фонографъ повторяетъ напѣтые мною романсы. Они имѣютъ успѣхъ. Дождь мѣдныхъ пятаковъ обогащаетъ кассу предпринимателя.

Самая низменная, самая вульгарная злоба охватила меня. «Ахъ ты, такой, разъэтакій!» — мысленно вскипѣлъ я, — «зарабатываешь на мнѣ, а я не получилъ ни шиша!...»

Подхожу и ставлю греку ультиматумъ:

— Либо гонораръ, либо я запрещу демонстрировать мои романсы!

Грекъ волей - неволей капитулировалъ и, поторговавшись, покончили на трехъ рубляхъ. Я былъ доволенъ, что не далъ оставить себя въ дуракахъ.

Къ этому времени я былъ уже ученикомъ одесской консерваторіи по классу пѣнія — Павла Борисовича Борисова, — артиста московскаго Большого театра. Онъ же проходилъ со мною и оперный репертуаръ. Мой первый дебютъ — въ оперѣ «Фаустъ» въ роли Валентина. П. Б. Борисовъ — Мефистофель, Сиберн — Маргарита, Калафати — Зибель и Николаи — Фаустъ. Дирижировалъ докторъ Цѣновскій.

Я уже говорилъ о своемъ тяготѣніи къ морю. Моя близость къ черноморскому Яхтъ-Клубу, мои знакомства въ надлежащихъ кругахъ давали мнѣ возможность совершать длительныя морскія прогулки въ самыхъ комфортабельныхъ условіяхъ.

Наканунѣ моего дебюта въ оперѣ мы ушли на яхтѣ по направленію къ Аккерману. Этотъ спектакль обѣщалъ значительный переломъ во всей моей

карьерѣ. Сойдетъ удачно — я уже не пѣвчій, а артистъ, юный, многообѣщающій артистъ.

И вотъ, прогулка на яхтѣ едва не лишила меня этого дебюта. Я простудился. Да такъ, что поздней ночью, когда мы вернулись, потерялъ не только голосъ, а и даръ человѣческой рѣчи. Сипѣлъ, мычалъ, издавалъ какіе-то глухіе звуки, все, что угодно, только не говорилъ. А завтра я пою. Завтра въ первомъ ряду — музыкальные критики «Одесскаго Листка» и «Одесскихъ Новостей».

Можно представить мое отчаяніе! Но еще сильнѣе было отчаяніе моей доброй и чуткой мамы.

— Юра, Юра, что-же это будетъ? — повторяла она.

Въ итогѣ я рѣшился прибѣгнуть къ одному героическому средству. Не безплодно прошла заря моей юности въ теплой компаніи церковныхъ пѣвчихъ. Навыкъ и примѣры басовъ — этихъ классическихъ пьяницъ и «мухобоевъ», подобно мнѣ терявшихъ голосъ передъ торжественными архіерейскими службами, — спасли и мой дебютъ и, пожалуй, всю мою дальнѣйшую карьеру.

Я сдѣлалъ смѣсь — полбутылки молока съ полубутылкою сараджіевскаго коньяку и единымъ духомъ влилъ въ себя это пойло. Затѣмъ, съ помощью мамы, мобилизовалъ всѣ находившіяся на квартирѣ одѣяла, шубы, пальто и утонулъ въ постели, прикрытый горою этихъ теплыхъ вещей. Въ результатѣ — богатырская испарина и такой-же богатырскій сонъ. Утромъ я былъ свѣжъ, какъ майскій день, здоровъ, какъ молодой центавръ, а голосъ мой звучалъ великолѣпно и мощно. Дебютъ сошелъ блестяще.

А вотъ другой, въ такомъ же духѣ эпизодъ, какъ и первый, связанный съ моремъ и съ моимъ выступленіемъ на торжественномъ концертѣ Славянскаго Общества. У меня былъ большой другъ, капитанъ ледокола. Звали его Женею Ляховецкимъ. Предлагаетъ мнѣ какъ-то Женя:

— Желаешь пойти съ нами на ледоколѣ? Предстоитъ интересная операція. Подъ Очаковымъ шестнадцать иностранныхъ судовъ скованы льдомъ и не могутъ двинуться. Надо ихъ освободить.

— А сколько времени уйдетъ на это освобожденіе? — спросилъ я.

— Пустяки. Дня три-четыре, не болѣе. А ты развѣ чѣмъ-нибудь связанъ?

— И даже очень! Черезъ шесть дней я выступаю на концертѣ и уже накапунѣ долженъ быть въ Одессѣ.

— Будешь! — увѣренно пообѣщалъ Ляховецкій.

Странствованіе на ледоколѣ было однимъ наслажденіемъ. Дивный воздухъ, чудная кухня, отличный винный погребъ и большая удобная каюта — послѣднее слово комфорта, въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія. Мы двинулись къ Очакову и, дѣйствительно, увидѣли цѣлое кладбище недвижимыхъ, затертыхъ льдомъ пароходовъ. Мощною бронею сковала ихъ толща льда. Мой другъ принялся выполнять возложенную на него задачу и выводить пароходы, одинъ за другимъ, изъ ледяного плѣна. Но еще не всѣ узники были освобождены, какъ Ляховецкій получилъ новое заданіе. Въ тѣ времена о радіо никто и не мечталъ, и заданіе было получено довольно примитивнымъ путемъ. Какой-то старикъ, повязанный башлыкомъ, съ обмерзшими усами, ковыляя по льду, не спѣша, доставилъ на ледоколъ изъ Очакова приказъ поспѣшить въ открытое море на спасеніе погибающаго судна.

Это внесло разнообразіе и новизну предвкушаемыхъ сильныхъ ощущеній въ нашу монотонную работу. Ледоколъ устремился на всѣхъ парахъ въ указанномъ направленіи. Черезъ нѣсколько часовъ мы были на мѣстѣ кораблекрушенія. Увы, мы опоздали, — не по нашей, конечно, винѣ. Отъ судна и отъ экипажа ничего не осталось. Все, и одушевленное и неодушевленное, пошло ко дну. На студеной морской зыби, покачиваясь, плавали какіе-то жалкіе облом-

ки. Все, что мы могли сдѣлать, это — обнажить головы передъ водяною могилою невѣдомыхъ намъ людей, въ невѣдомомъ числѣ. Тяжелое настроенiе разсѣялось понемногу, и ледоколъ, войдя въ свою обычную жизнь, возвращался, чтобы закончить прерванную работу.

На обратномъ пути я слушалъ пѣсни матросовъ. Одна изъ нихъ — ее пѣлъ не матросъ, а кочегаръ — запомнилась мнѣ, и я тутъ же обработалъ ее въ музыкальномъ отношенiи.

Это была моя первая композицiя. Называлась она «Вахта кочегара». Это было задолго еще до первой революцiи, но въ текстѣ уже было что-то большевицкое. А, между тѣмъ, къ слову сказать, не только матросы, но и кочегары — эти «парiи машиннаго отдѣленiя» — обставлены были вполнѣ добропорядочно во всѣхъ отношенiяхъ.

Считаю нелишнимъ привести отрывокъ изъ «Вахты кочегара». Вотъ онъ:

Раскинулось море широко
И волны бушуютъ вдали,
Товарищъ, мы ѣдемъ далеко,
Подальше отъ родной земли.
Не слышно на палубѣ пѣсенъ,
А море волною шумитъ,
Но берегъ суровъ намъ и тѣсенъ,
Какъ вспомнишь — такъ сердце болитъ...
«Товарищъ, я вахту не въ силахъ держать»,
— Сказалъ кочегаръ кочегару, —
«Огни въ моихъ топкахъ совсѣмъ прогорятъ,
Въ котлахъ не поднять мнѣ ужъ пару...»
Напрасно старушка ждетъ сына домой.
Ей скажутъ, она зарыдаетъ...
А волны бѣгутъ отъ киля за кормой,
И слѣдъ ихъ вдали пропадаетъ...

Слова, не удержавшiяся въ моей памяти, значительно революцiоннѣе, чѣмъ приведенныя. «Вахту кочегара», нѣсколько видоизмѣнивъ и пригладивъ

текстъ, я впослѣдствіи очень часто и съ неизмѣннымъ успѣхомъ исполнялъ на концертахъ. Это было ново и особенно нравилось учащейся молодежи.

Эта пѣсня была первой, напѣтой мною на пластинкѣ въ О-вѣ Зонофонъ, въ Вильно, директоромъ котораго былъ тогда Гарри Темпль — нынѣ директоръ О-ва «Сирена - Электронъ» въ Варшавѣ, гдѣ я снова, уже въ 1928 г., напѣлъ пластинки.

Въ пути къ Очакову мы попали въ полосу такъ называемаго «сала». Это ледъ, но не твердый, въ одной монолитной массѣ, а мелкій, — миріады отдѣльныхъ кусковъ. Онъ являетъ собою ледоколу преграду, съ величайшимъ трудомъ одолимую. Мы продвигались съ черепашьей медленностью, и эта медленность поглощала дни и ночи. Я вспомнилъ про свой концертъ и пришелъ въ ужасъ. Мы опоздаемъ не только ко дню моего выступленія, но еще на двое, трое сутокъ, если покончимъ съ «саломъ» и займемся довершеніемъ освобожденія нѣсколькихъ примерзшихъ судовъ. Я открылъ свои терзанія Женѣ Ляховецкому.

Отвѣтъ его былъ безпощаденъ:

— Прости меня, но самъ видишь, обстоятельства оказались сильнѣе насъ. Я не могу вернуться въ Одессу, не выполнивъ приказа...

Однако, отчаяніе мое было столь безграничнымъ, что Женя Ляховецкій не могъ устоять и пошелъ на компромиссъ.

— Я тебя сманилъ на ледоколъ и моя нравственная обязанность во время доставить тебя на берегъ. Такъ и быть, возьму грѣхъ на душу. Двинусь въ Одессу подъ предлогомъ дать отчетъ о погибшемъ суднѣ, а затѣмъ могу уже вернуться и продолжать начатое...

Въ приливѣ бурнаго восторга я обнялъ находчиваго Женю и закружился съ нимъ въ воинственномъ танцѣ ирокезовъ. Мы прибыли въ Одессу за нѣсколько часовъ до концерта, и моя не окрѣпшая еще артистическая репутація была спасена.

Одесскій юношескій періодъ мой заканчивается. Мнѣ — двадцатый годъ. Меня манитъ настоящая карьера пѣвца - профессіонала. Манятъ новые, чужіе города, кажущіеся особенно прекрасными именно потому, что они новые и чужіе.

Наступилъ интересный переходный моментъ, такой знакомый моментъ. Всѣмъ существомъ своимъ рвешься въ невѣдомую даль, сулитъ она тебѣ нечеловѣческія радости, и въ то же время другое чувство, болѣе тонкое, нѣжно-сентиментальное съ исключительной любовью подсказываетъ впечатлѣнія и образы, такъ тѣсно переплетенные съ дѣтствомъ и юностью.

Нѣжно-мечтательная тоска по ушедшему...

Такъ было и со мною: буйно - эгоистическое стремленіе впередъ съ невольной, признательной оглядкой на ушедшее. И съ каждымъ часомъ, приближающимъ меня къ отъѣзду, я съ повышенной остротою дѣлалъ смотръ всему, что оставлялъ въ Одессѣ.

Вспоминалъ раннія обѣдни съ прохладнымъ сумракомъ. Вспоминалъ живописныя помѣщичьи усадьбы, эти тургеневскія «дворянскія гнѣзда», — лѣтомъ мѣсяцами случалось въ нихъ гостить. Вспоминалъ и «Орфея въ аду» — первая увидѣнная мною оперетка, навсегда поразившая мое воображеніе и красотою примадонны, и феерическимъ блескомъ всего ансамбля и стремительнымъ оффенбаховскимъ канканомъ.

Вспоминалъ пышный, какъ тріумфальное шествіе, объѣздъ епархіи вмѣстѣ съ прибывшими изъ Америки князьями церкви. Вмѣстѣ съ ними я и мой братъ, регентъ Одесскаго Кафедральнаго собора, раздѣляли оказываемыя паствой вниманіе и почести...

Вспоминалъ мою первую встрѣчу съ тогда только вошедшимъ въ славу поэтомъ - писателемъ И. А. Бунинымъ. Онъ былъ милъ и изященъ. Познакомился я съ нимъ въ семьѣ издателя «Южнаго Обозрѣнія» — Н. П. Цакни. На его дочери женатъ былъ Бунинъ. Очаровательнымъ ребенкомъ былъ сынъ Бунина, пяти лѣтъ, говорившій стихами. Увы, этотъ феноменаль-

ный мальчикъ угасъ на моихъ рукахъ, безжалостно сраженный менингитомъ.

Не могу не помянуть добрымъ, теплымъ словомъ г-жу Цакни, большую благотворительницу и тонкую, высокой культуры, любительницу искусствъ. Не малую роль сыграла она и въ моей карьерѣ...

Вспоминалъ капризные зигзаги одесскаго бытія своего, когда я былъ и пѣвчимъ, и опернымъ суфлеромъ, и помощникомъ архитектора. Да, да, помощникомъ архитектора! Одинъ изъ большихъ домовъ въ центрѣ Одессы выросъ всѣми шестью этажами своими не безъ моего благосклоннаго участія...

Вспоминалъ...

Но чего-чего только не вспомнилъ я напослѣдокъ, садясь въ вагонъ поѣзда, уносившаго меня въ Кіевъ... Слезы провожавшихъ меня сестры и мамы... Я вижу дорогія, заплаканныя лица сквозь туманъ своихъ собственныхъ слезъ...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Кіевъ. Тетушка заботится о племянникѣ. Изъ оперы въ оперетку. Кремень-антрепренеръ. Мы въ Ростовѣ на Дону. В. И. Піонтковская и ревнивый баронъ. Комикъ-павіанъ. Молодость и непостоянство. Мои первыя увлеченія. Темпераментная испанка. Туркестанъ. Волшебный край, волшебныя впечатлѣнія. Великій Князь Николай Константиновичъ, его опала и его тайна. Баку. Какъ мы веселились на Кавказѣ. Грузинское средневѣковье.

Я въ Кіевѣ.

Послѣ плоской Одессы съ ея моремъ и степью на самыхъ подступахъ къ городу, Кіевъ, холмистый, съ мощной растительностью, сіяющій золотыми шлемами Печерской Лавры и старинныхъ церквей, поразилъ меня и своей буйно-разметавшейся красотою и своей десятивѣковою исторіей.

Все — другое, новое, и самъ я какой-то обновленный, самостоятельный. Я служу въ оперномъ театрѣ Бородая. Принятъ я, какъ законченный артистъ, на жалованье, нешуточное по тому времени для начинающаго — 125 рублей въ мѣсяцъ. Да и репертуаръ мой былъ не шуточный — четырнадцать оперъ. Но успѣлъ я выступить только въ трехъ или четырехъ.

Въ театрѣ «Шато де Флеръ» подвизалась оперетта извѣстнаго провинціальнаго импрессаріо — Семена Никодимовича Новикова. Примадонною у него была моя тетка, Самарова, эффектная, красивая блондинка.

Въ одну изъ встрѣчъ она и говоритъ мнѣ:

— Переходи къ намъ служить. Юра.

Я — на дыбы:

— Что вы, что вы, тетенька? У насъ, въ оперѣ. высокое и чистое искусство, а у васъ тру-ляля и канканъ!

— Да. тру-ляля и канканъ. — ничуть не смутилась тетушка, — но тебѣ, въ твоемъ чистомъ искусствѣ. повѣрь моему опыту, долго не будутъ давать ходу. Въ оперѣ — мѣстничество. Голоса одного мало —нужна выслуга лѣтъ, а именно съ твоимъ голосомъ. съ твоей внѣшностью и фигурой ты быстро у насъ шагнешь и не успѣешь осмотрѣться. станешь моднымъ опереточнымъ премьеромъ. Да и при обиліи нашего репертуара научишься играть. держаться на сценѣ. Къ тому же у Новикова будетъ руководить тобою такой талантливѣйшій режиссеръ, какъ Блюменталь-Тамаринъ.

Нарисованная теткой перспектива соблазнила меня. Я моментально сдалъ всѣ мои позиціи. Самарова повезла меня въ «Шато де Флеръ», и въ конторѣ лѣтняго деревяннаго театра я былъ представленъ Новикову... Бритый, старомодный какой-то, въ длинномъ старомодномъ сюртукѣ, съ внѣшностью мѣнялы, этотъ кремень-антрепренеръ не обворожилъ меня съ перваго впечатлѣнія.

— Кѣмъ онъ тебѣ приходится? — спросилъ Новиковъ Самарову.

— Юрій Морфесси — мой племянникъ.

— А много у тебя такихъ племянниковъ? — лукаво подмигнулъ Семенъ Никодимовичъ, плохо вѣря въ родство мое съ примадонною.

Вопросъ остался безъ отвѣта. Новиковъ скептически обратился ко мнѣ:

— А вы, молодой человѣкъ, знакомы съ опереточнымъ репертуаромъ?

— Незнакомъ, — послѣдовалъ мой откровенный отвѣтъ.

— Хмъ... Это неутѣшительно для начала. Но хоть какую-нибудь опереточную арію пропѣть можете?

— Могу. Маркиза де Корневиль — «Ходилъ три раза кругомъ свѣта».

—А ну, давайте, попробуемъ!

Я спѣлъ арію маркиза изъ «Корневильскихъ колоколовъ» подъ акомпаниментъ піаниста, Панки Яцевича, такъ его величала вся труппа.

Новиковъ, переглянувшись съ Блюменталемъ и получивъ утвердительный кивокъ режиссера, сказалъ мнѣ:

— Завтра подпишемъ контрактъ на десять мѣсяцевъ съ жалованьемъ въ 75 рублей.

Послѣ 125 рублей — 75? Но, памятуя слова тетушки, я согласился.

За эти 75 рублей я былъ, какъ говорится, «прислугою на всѣ руки». Новиковъ выжималъ изъ меня всѣ силы, какъ могъ и какъ умѣлъ. Въ однѣхъ опереттахъ я игралъ лакеевъ, въ другихъ — первыя роли. Выступалъ въ его же предпріятіяхъ и фарсовымъ актеромъ, и пѣвцомъ романсовъ и статистомъ въ феерiяхъ подъ руководствомъ балетмейстера Нѣжинскаго-отца. Но я не только не сѣтовалъ на такую универсальную многогранность, а былъ признателенъ моему хозяину. Изъ меня вырабатывался разносторонній пѣвецъ и артистъ.

Черезъ десять мѣсяцевъ у Новикова же въ оперетѣ, въ Москвѣ, я уже былъ премьеромъ съ жалованьемъ въ 225 рублей въ мѣсяцъ. Въ мои 21 годъ это была завидная карьера. Вмѣстѣ съ Новиковымъ я колесилъ по большимъ провинціальнымъ городамъ, нагуливая себѣ имя, поклонницъ, а Новикову карманъ.

Въ Москвѣ увлекалась мною красивая тяжелою русской красотой милліонерша, вдова одного изъ

крупнѣйшихъ въ Имперіи промышленниковъ. Она всегда сидѣла въ ложѣ, сверкая чудовищными бриліантами, какъ буддійское божество.

На этой почвѣ однажды получился занятный курьезъ. Мы втроемъ на сценѣ — примадонна Арнольди, простакъ Монаховъ и я. Передъ занавѣсомъ ливрейные лакеи еле-еле втаскиваютъ на сцену гигантскую корзину цвѣтовъ въ полтора человѣческихъ роста. Арнольди не сомнѣвалась, что корзина предназначена ей. Да и мы съ Монаховымъ не сомнѣвались въ этомъ. Каково-же было изумленіе, когда на пришпиленной къ цвѣтамъ карточкѣ мы прочли, что корзина поднесена Морфесси.

Такія-же точно корзины я получалъ затѣмъ отъ «буддійскаго божества» каждый вечеръ. Это былъ мой первый романъ изъ такъ называемыхъ шикарныхъ. лестный для самолюбія начинающаго премьера. Такой романъ, о которомъ неустанно и долго говорила вся Бѣлокаменная.

Послѣдовательность обязываетъ упомянуть, что еще въ Кіевѣ начался у меня романъ съ очаровательной вѣнкой, Женей Мальтенъ. Весь Кіевъ съ ума сходилъ по ней, а когда она появлялась, изящная, граціозная, ее встрѣчали громомъ апплодисментовъ. Женя хороша была, какъ можетъ быть хороша вѣнка — бѣлокурая, голубоглазая. Единственнымъ препятствіемъ къ нашему полному счастью была невозможность разговориться, какъ слѣдуетъ. Въ моемъ распоряженіи было нѣсколько нѣмецкихъ словъ, въ ея — нѣсколько русскихъ. При этихъ условіяхъ душевное общеніе отпадало; одно только физическое чувство никогда не можетъ быть прочнымъ. Это тѣмъ болѣе было досадно, что Женя Мальтенъ обладала прекраснымъ, очень привязчивымъ сердцемъ. Какіе только мужчины не пытались добиться ея взаимности, желая сложить къ ея стройнымъ ножкамъ все свое состояніе? Вѣнка никого знать не хотѣла. Женя хотѣла бы остаться навсегда со мною. ея законнымъ мужемъ.

Мнѣ эти перспективы не улыбались. И потому, во-

первыхъ, какъ я уже сказалъ, что мы не понимали другъ друга и потому, наконецъ, что я мечталъ всецѣло отдаться театру. А, въ довершеніе всего, отъ двадцати двухлѣтняго опереточнаго премьера нельзя было требовать какого-то исключительнаго постоянства. Я началъ понемногу охладѣвать къ моей дивной и рѣдкой подругѣ.

Въ Кіевѣ я совсѣмъ неожиданно для себя самого явился, такъ сказать, революціонеромъ. Никто до меня изъ видныхъ артистовъ не дерзалъ выступать въ ресторанахъ. И не въ качествѣ эстраднаго пѣвца, а прямо изъ публики.

Мы сидѣли съ Женею Мальтенъ у Родса за ужиномъ. Кругомъ — весь Кіевъ, и веселящійся, и артистическій, и свѣтскій.

Веселое настроеніе, шампанское, близость Жени, такой интересной — она сама была искрящимся шампанскимъ, — все это вдохновило меня, и я тутъ же, за столомъ, началъ пѣть какой-то цыганскій романсъ подъ аккомпаниментъ цимбалъ Стефанеско.

Одни были сконфужены, другіе шокированы. Повторяю, это было ново и экстравагантно.

Родсъ засуетился. Мой жестъ хотя и понравился ему, но онъ не зналъ, какъ взглянетъ публика? Нужно было что-то совсѣмъ незначительное, чтобы чаша вѣсовъ ресторaннаго «общественнаго мнѣнія» перетянулась на мою сторону. А, между тѣмъ, публично одобрилъ мое выступленіе человѣкъ столь же популярный, сколь и уважаемый въ Кіевѣ.

Гляжу, пробирается ко мнѣ тяжелая, внушительная фигура Недѣлина — артиста Соловцовскаго театра, талантливаго, высоко-образованнаго и культурнаго.

Жметъ мнѣ руку.

— Морфесси, признаться, вначалѣ это ваше выступленіе покоробило меня, но, прослушавъ васъ, я спѣшу поблагодарить за доставленное удовольствіе.

Недѣлинъ далъ тонъ. Весь ресторанъ зааплоди-

ровалъ мнѣ. Съ моей легкой руки начали пѣть лучшіе артисты въ интимной обстановкѣ ресторановъ и въ обѣихъ столицахъ, и въ провинціи.

Вскорѣ въ Вильнѣ я былъ захваченъ въ плѣнъ испанской танцовщицей Монолитой. Ей шелъ семнадцатый годъ, этой гибкой андалузской красавицѣ съ огнемъ въ глазахъ. Можете себѣ представить успѣхъ этого экзотическаго существа въ тихой, патріархальной столицѣ сѣверо-западнаго края?

Монолита вскружила голову и генералъ-губернатору, и командующему войсками и мѣстнымъ польскимъ магнатамъ. Но она никого не хотѣла знать и все свободное время проводила вмѣстѣ со мной. До моихъ гастролей въ Вильнѣ, я зналъ испанокъ лишь по романамъ, да по стихотвореніямъ Пушкина и Крестовскаго. И такъ же теоретически зналъ о существованіи мантильи, высокаго черепаховаго гребня, навахи и севильскихъ кастаньетъ изъ чернаго дерева, съ такимъ сухимъ, четкимъ, музыкальнымъ звукомъ.

И вотъ романы и стихотворенія превратились въ дѣйствительность. У меня романъ съ обольстительной и знойной, какъ солнце ея родины, испанкой, у которой и кружевная мантилья, и черепаховый гребень, царственно вѣнчающій высокую, тугую прическу и кастаньеты и... даже наваха! Монолита носила за чулкомъ наваху, открывающуюся съ какимъ-то особеннымъ шуршащимъ звукомъ. Этотъ звукъ напоминалъ шелестъ внезапно поднявшейся стаи птицъ.

Ревнуя меня то къ Женѣ, то къ буддійскому божеству, что въ сверканіи всѣхъ своихъ брилліантовъ неотступно и неумолимо слѣдовало за мной. Монолита не разъ выхватывала свою маленькую наваху.

Гнѣвный взглядъ, блескъ ослѣпительныхъ зубовъ и два слова, чередовавшіяся другъ съ другомъ. Эти слова:

— «Dios»! и «Caramba!».

Сначала это все было упоительно, а потомъ сдѣлалось утомительно. Правда, я — грекъ, а къ тому же правнукъ знаменитаго пирата, а, слѣдовательно, и во мнѣ много экзотики, но и меня утомила Монолита и своей андалузской ревностью и своей необузданной, поистинѣ мавританской страстью. Но это еще не все. Надлежало всегда быть на-чеку, напрягать весь свой дипломатическій тактъ, во-первыхъ, для того, чтобы и Женя, и буддійское божество, отдавшія мнѣ свои лучшія чувства, не особенно сѣтовали на меня за мое непостоянство, а, во-вторыхъ, чтобы этихъ обѣихъ женщинъ охранять отъ безумно-ревнивыхъ вспышекъ испанки...

Многіе мужчины завидовали мнѣ и хотѣли быть на моемъ мѣстѣ. Я же лично нисколько себѣ не завидовалъ и совсѣмъ не хотѣлъ быть на своемъ собственномъ мѣстѣ.

Этотъ виленскій угаръ былъ началомъ конца для бѣдной Жени Мальтенъ. Убѣдившись, что наши пути разные и никогда не сойдутся, что самое лучшее, незабываемое, осталось навсегда позади, она въ Одессѣ увлеклась какимъ-то спортсменомъ. Этотъ господинъ вовлекъ ее въ азартъ и биржевой, и спортивный и въ результатѣ Женя потеряла всѣ свои деньги и всѣ свои бриллiанты. А годы уходили, увядала красота. На кафешантанныхъ подмосткахъ загорались новыя, болѣе модныя звѣздочки. И она застрѣлилась, написавъ мнѣ трогательное предсмертное письмо.

Вспоминаю мой первый ростовскій сезонъ въ первоклассной оперетѣ, съ первоклассными силами. Я игралъ вмѣстѣ съ Валентиной Ивановной Піонтковской. Это былъ расцвѣтъ ея молодости, таланта и красоты. Въ нее былъ влюбленъ колоссальный богачъ баронъ Штейнгель. Онъ ревновалъ ко всѣмъ Піонтковскую, особенно же къ офицеру Языкову. Послѣднее не безъ основанія, такъ какъ очаровательная примадонна была

весьма и весьма неравнодушна къ Языкову. Однажды, не въ добрый часъ, баронъ Штейнгель, измученный и доведенный до бѣлаго каленія своей ревностью, хотѣлъ покончить съ собой, и покончилъ-бы, если-бы я силою не вырвалъ у него револьверъ. Это было у насъ же, въ Асмоловскомъ театрѣ, и, такимъ образомъ, кулисы веселой легкомысленной оперетки едва не стали ареною кровавой драмы.

Годъ спустя В. Піонтковская держала театръ на Кавказскихъ Минеральныхъ водахъ, а баронъ Штейнгель субсидировалъ ея предпріятіе. Это былъ золотой сезонъ въ полномъ смыслѣ слова: гонорары были неслыханные и выплачивались во-время, часъ въ часъ, минута въ минуту. Самъ баронъ Штейнгель былъ у насъ кассиромъ. Онъ раскладывалъ передъ собою кирпичики новенькихъ, только что изъ казначейства, денегъ, вся труппа съ довольнымъ видомъ разсовывала по карманамъ дѣвственно хрустящія сторублевки и болѣе скромныя бумажки. Кончилъ свои дни баронъ Штейнгель въ эмиграціи, въ Парижѣ. Я его не встрѣчалъ, но, по слухамъ, онъ чрезвычайно нуждался и гдѣ-то, у кого-то служилъ швейцаромъ. Какая гримаса судьбы для человѣка съ такимъ милліоннымъ богатствомъ!..

Вспоминая Ростовъ, Піонтковскую, Штейнгеля, нельзя не вспомнить нашего талантливаго комика Чужбинова. Маленькій, приземистый, безобразный, Чужбиновъ, сынъ знаменитаго драматическаго артиста Соловцовскаго театра, былъ чѣмъ-то среднимъ между павіаномъ и Квазимодо. И на самомъ дѣлѣ онъ былъ похотливъ, какъ павіанъ и дуренъ, какъ Квазимодо.

Чужбиновъ не давалъ прохода ни одной комической старухѣ. Впрочемъ, онъ пользовался успѣхомъ не только у однѣхъ комическихъ старухъ, онъ умѣлъ подходить къ женщинамъ, умѣлъ возбуждать ихъ любопытство своимъ совсѣмъ не вульгарнымъ безобразіемъ.

Въ то время обитательницы Ростова дарили меня

исключительнымъ вниманіемъ. Дамы, барышни, гимназистки въ длинныхъ письмахъ объяснялись въ любви, просили свиданія.

Слишкомъ много было писемъ, слишкомъ много просьбъ о свиданіи. Сплошь да рядомъ я, вмѣсто себя, посылалъ Чужбинова. Подходитъ онъ къ застѣнчиво млѣющей барышнѣ и, растянувъ до ушей свою обезьянью улыбку, задастъ вопросъ:

— Вы ждете Морфесси?

— Да... А вы почемъ знаете?

— Знаю. Только Морфесси не можетъ и послалъ меня извѣстить васъ объ этомъ.

Начинается разговоръ. Находчивый, остроумный комикъ мало по малу находитъ путь къ сердцу молодого существа...

Мнѣ самому приходилось не разъ наблюдать пикантныя сцены въ духѣ Бокаччіо...

Провинція была нашимъ Эльдорадо и нерѣдко тріумфальнымъ шествіемъ.

Впрочемъ, и то и другое, — не всегда. Случались незадачливыя полосы и тогда — убытки, а то и полный прогаръ.

Такъ было однажды въ Саратовѣ. Казалось-бы, всѣ данныя для успѣха. Московскій составъ труппы съ Блюменталь-Тамаринымъ, Монаховымъ, Никитиной и со мною. Саратовъ — большой и богатый губернскій городъ, если не особенно театральный, то, во всякомъ случаѣ, жадный до зрѣлищъ.

Пріѣхали мы. Не желая работать на дорогія губернскія гостиницы, мы съ Монаховымъ рѣшили снять частную комнату гдѣ-нибудь въ семьѣ и гдѣ-нибудь подальше отъ центра. Да вмѣстѣ съ нами двинулся на поиски нашъ дирижеръ Гавриловъ — колоссальнаго роста красавецъ, не то Кубанскій, не то Донской казакъ, въ каждой труппѣ чувствовавшій себя турец-

кимъ султаномъ. И примадонны и хористки превращались въ его гаремъ.

Изумительный былъ мужчина!

Такъ вотъ, втроемъ забрались мы на окраину. Гдѣ-то зыблется широкой стальной полосою Волга. Солнце, лѣто, истома, лѣниво перекликаются пѣтухи и тявкаютъ собаки.

Смотримъ, у покосившихся воротъ покосившагося двухэтажнаго домика приклеена хлѣбомъ четвертушка сѣрой бумаги. Блѣдными, разведенными водой чернилами написано: «Сдаецся комната».

Мы, — давай барабанить въ калитку. Далеко не сразу въ верхнемъ этажѣ распахнулась форточка и старушичій голосъ задребезжалъ:

— Кто-й то?

Такъ и такъ, бабушка, комнату ищемъ.

— Чего? Квартеру?

— Квартеру, бабушка.

— Есть, есть, дѣтки. А вы кто такіе будете?

— Актеры мы.

— Актеры? Царица Небесная, спаси и помилуй насъ!..

Старуха въ сердцахъ захлопнула форточку и домикъ замеръ попрежнему.

Мы долго смѣялись — въ такую панику вогнало эту старушенцію одно слово «актеры». Въ Москвѣ и на югѣ мы пользовались куда большимъ почтомъ даже въ самыхъ сѣрыхъ слояхъ населенія. Саратовъ встрѣтилъ насъ непривѣтливо, и это было какъ-бы предзнаменованіемъ.

Совсѣмъ неожиданно выяснилось, что мы попали сюда къ началу еврейскихъ праздниковъ, а половина нашего оркестра и нашего хора состояла изъ евреевъ. Служа въ такомъ веселомъ и беззаботномъ дѣлѣ, какъ опереточное, музыканты и хористы оказались людьми весьма религіозными и ни за какія деньги нельзя было ихъ заставить играть и пѣть въ дни ихъ національныхъ праздниковъ.

Труппа бездѣйствовала что-то около недѣли, расходы шли, и даже нѣсколько удачныхъ во всѣхъ отношеніяхъ спектаклей не могли возстановить финансоваго равновѣсія. Такъ мы и покинули Саратовъ себѣ въ убытокъ.

Навсегда, на всю жизнь, ослѣпительно яркія впечатлѣнія оставила по себѣ поѣздка въ Туркестанъ. Помню эти восемь сутокъ желѣзнодорожнаго пути отъ Москвы до Ташкента. Напослѣдокъ нашъ поѣздъ пересѣкалъ царство мертвыхъ песковъ. Станцій, буфетовъ не было и въ поминѣ. Поѣздъ дѣлалъ привалъ средь желтой степи. Мы всей труппой выгружались, пили чай, обѣдали подъ открытымъ небомъ, напоминая пестрый, жизнерадостный таборъ въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, одинаково не идущихъ къ фону желтой пустыни и дышащаго зноемъ бирюзоваго неба. Вся труппа, все ея имущество, до декорацій включительно, помѣщались въ трехъ вагонахъ. Это были наши собственные вагоны, соотвѣтственно оборудованные. Однообразный пейзажъ то притягивалъ своимъ чарующимъ просторомъ песчанаго моря, то утомлялъ и ослѣплялъ. Миражи, о коихъ я читалъ въ дѣтствѣ, въ учебникахъ географіи и у любимыхъ «приключенскихъ» писателей, теперь переживались мною на яву. Сквозь слой накаленнаго, дрожащаго воздуха, я видѣлъ далекія озера съ хрустальной водой, видѣлъ караваны верблюдовъ и сказочные города съ мечетями и дворцами. Потомъ все это исчезало, — и опять мертвая безъ единой точки степь безъ конца края. По мѣрѣ приближенія къ Ташкенту кончалось это мертвое царство выжженныхъ солнцемъ равнинъ съ полузасыпанными костями верблюдовъ и слѣдами снявшагося каравана. Горизонтъ ожилъ и контурами холмовъ, и зеленью и блескомъ текучей воды. А когда мы вступили въ полосу виноградниковъ, мы видѣли такія тяжелыя, пышныя грозди, какія видѣли

до сихъ поръ на иллюстраціяхъ Библіи, гдѣ двое соглядатаевъ - іудеевъ несутъ на гнущейся палкѣ исполинскую гроздь винограда изъ земли Ханаанской.

Надо-ли говорить, что, прибывъ въ Ташкентъ, мы набросились на неслыханные и невиданные доселѣ фрукты. Громадныя чарджуйскія дыни поражали изумительной нѣжностью своей мякоти; нельзя было ее рѣзать ножомъ, ее можно было только ѣсть ложками. Эта дыня настолько хрупка, что послѣ самаго короткаго пути въ коляскѣ или въ арбѣ, превращается въ какія-то жидкія лохмотья. Ее можно только переносить и то очень бережно, положивъ въ сѣтку и держа ее на вѣсу.

Вообще, это край чудесъ и контрастовъ. Внизу — палящій, сорокаградусный зной, а тутъ же, по близости, — вершины совсѣмъ невысокихъ горъ сверкаютъ серебромъ вѣчныхъ снѣговъ.

Ташкентъ, на тысячи верстъ отдаленный отъ европейской цивилизаціи, обрадовался намъ чрезвычайно. Вотъ гдѣ были битковые сборы, вотъ гдѣ населеніе баловало насъ, какъ выходцевъ съ какой-то другой планеты...

Мы пользовались большимъ вниманіемъ Великаго Князя Николая Константиновича, прикованнаго къ Ташкенту чуть ли не съ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Николай Константиновичъ — одна изъ самыхъ загадочныхъ фигуръ въ Императорской Семьѣ. При жизни еще онъ былъ обвѣянъ легендою. Когда мы ѣхали въ Ташкентъ, мы уже были освѣдомлены, что встрѣтимъ бывшаго Великаго Князя, лишеннаго всѣхъ почестей, орденовъ и привиллегій великокняжескаго званія своего. Въ дѣйствительности оказалось совсѣмъ не такъ. Николай Константиновичъ, какъ былъ, такъ и остался Великимъ Княземъ съ правомъ именоваться Императорскимъ Высочествомъ. Мундиръ онъ

могъ носить, но не носилъ по своей доброй волѣ. Онъ одѣвался въ статское, былъ высокъ ростомъ, очень породистъ, и въ немъ сразу угадывался великолѣпный романовскій типъ. Онъ начисто брилъ лицо и по туземному обычаю такъ же начисто брилъ голову и носилъ сартовскую тибитейку. Къ его осанкѣ, къ его чертамъ и рѣзкому профилю очень шелъ монокль, которымъ онъ пользовался съ неподражаемымъ искусствомъ. Это было что-то наслѣдственное, — никто въ Европѣ не умѣлъ такъ носить монокль, какъ его отецъ — Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

Сбивчивы и туманны были свѣдѣнія о причинахъ опалы и ссылки Николая Константиновича въ Туркестанъ. Говорили, что на какомъ-то придворномъ балу онъ похитилъ брилліантовое колье какой-то дамы и запряталъ его въ свою кирасирскую каску. Говорили еще, что также были имъ похищены драгоцѣнные камни съ иконы, принадлежавшей его матери. И вотъ на основаніи всѣхъ этихъ дѣяній, обвиненный высшимъ совѣтомъ Императорской Семьи въ клептоманіи, Николай Константиновичъ сосланъ былъ въ Туркестанъ.

Много лѣтъ спустя послѣ нашихъ средне-азіатскихъ гастролей, уже въ Петербургѣ, я случайно познакомился съ древнимъ восьмидесятилѣтнимъ полковникомъ Моссино. Несмотря на свои годы, Моссино съ достоинствомъ и отличной выправкой носилъ свою общекавалерійскую форму.

Познакомились, разговорились, коснулись Николая Константиновича. Полковникъ ожилъ, вспыхнулъ весь.

— Все, что говорятъ, все это вздоръ! — горячо началъ онъ. — Я былъ адъютантомъ Великаго Князя и знаю всю его жизнь. Дѣйствительно, исторія съ брилліантовымъ колье не лишена основаній, но это была дворцовая интрига, и колье умышленно подложили въ каску, чтобы скомпрометировать Его Высочество. Зачѣмъ? — спросите вы. А затѣмъ, чтобы удалить его на окраину, подъ надзоръ мѣстной админи-

страціи. Дѣло въ томъ, что Николай Константиновичъ въ молодости былъ извѣстенъ своими либеральными идеями. Онъ много читалъ, былъ блестяще образованъ, интересовался политикой и, несмотря на свое великокняжеское происхожденіе, и мундиръ гвардейскаго офицера, не прочь былъ часокъ-другой провести въ обществѣ прогрессивнаго студенчества. На все это косились въ верхахъ и оттуда, сверху, начали плести интригу. Ея результаты, разбившіе Великому Князю всю жизнь, — достаточно извѣстны. Согласитесь сами, зачѣмъ ему было похищать колье и обворовывать материнскую икону, когда Константиновичи были и остались одними изъ самыхъ богатыхъ великокняжескихъ семействъ. Нѣтъ, здѣсь другое, совсѣмъ другое. Я поставилъ цѣлью всей своей жизни реабилитировать Великаго Князя, если и не для современниковъ, то для потомства. Съ этой цѣлью я пишу мемуары...

Полковникъ Моссино обѣщалъ познакомить меня съ нѣкоторыми страницами своихъ мемуаровъ, но, къ сожалѣнію, мы больше не встрѣчались, и этотъ глубокій старикъ навсегда исчезъ съ моего горизонта. Гдѣ они, эти мемуары? Кто знаетъ! Быть можетъ, они стали добычею большевиковъ...

Женатъ былъ Николай Константиновичъ морганатическимъ бракомъ на дочери оренбургскаго полицеймейстера. Отъ нея онъ имѣлъ двухъ сыновей, которые, подъ фамиліей Искандеръ, воспитывались въ Петербургѣ въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ.

Великій Князь Константинъ Константиновичъ, поэтъ, переводчикъ Шекспира и авторъ «Царя Іудейскаго», не только не порвалъ со своимъ опальнымъ братомъ, не только поддерживалъ съ нимъ постоянную переписку, а бывая въ Ташкентѣ во время инспекціи военно - учебныхъ заведеній, каждый день проводилъ у Николая Константиновича нѣсколько часовъ, въ его семейномъ кругу. Я видѣлъ нѣсколько снимковъ

съ этихъ семейныхъ чаепитій съ Константиномъ Константиновичемъ во главѣ.

При опальномъ Великомъ Князѣ состоялъ тогда его личный адъютантъ. Въ ташкентскіе наши дни адъютантомъ былъ не то полковникъ, не то ротмистръ Бѣловъ. Самъ по себѣ онъ былъ ничѣмъ не выдающейся фигурой, но его жена славилась на весь Туркестанъ своей панической трусостью. Она пережила знаменитое землетрясеніе въ Вѣрномъ, и это до такой степени потрясло ее, что много, много лѣтъ спустя она ложилась спать никогда не раздѣваясь, дабы при первой тревогѣ быть готовой бѣжать безъ оглядки.

Николай Константиновичъ много сдѣлалъ для Ташкента въ смыслѣ культурномъ и его благосостоянія. До него ташкенцы пили всякую дрянь, — все что угодно, только не воду. Нельзя же было назвать водою густую, мутную жижу — разсадницу всевозможныхъ эпидемій.

Великій Князь на свои собственныя средства. подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ, провелъ въ Ташкентъ изъ сосѣднихъ горъ чистую, прозрачную воду, такъ называемые «арыки»; въ самый адскій зной она была ледяная. И эта благодать свободно текла по ташкентскимъ улицамъ отъ края до края.

Туземцы боготворили Николая Константиновича и какъ большого человѣколюбца и какъ особу Императорской фамиліи.

Съ его образованіемъ, пытливымъ умомъ, съ невѣроятной начитанностью, съ исключительными познаніями въ археологіи и исторіи, — онъ былъ заживо погребенъ въ Ташкентѣ.

Великій Князь посѣщалъ всѣ наши спектакли. Въ его меценатствѣ было что-то красивое, широкобарское. Не ограничиваясь «высочайшими подарками» — онъ съ поистинѣ царской щедростью осыпалъ ими насъ, — Николай Константиновичъ удѣлялъ намъ

бездну самаго трогательнаго вниманія, знакомилъ съ бытомъ и нравами этого диковиннаго края, съ его искусствомъ, съ уцѣлѣвшей отъ былыхъ временъ архитектурою.

Въ дни мусульманскаго праздника, — онъ длится цѣлый мѣсяцъ и называется Байрамомъ, — Великій Князь въ нѣсколькихъ экипажахъ своихъ повезъ насъ въ одну изъ туземныхъ деревень въ окрестностяхъ Ташкента. Конечно, это не былъ «экспромтъ», конечно, все было подготовлено — и встрѣча, и обильное угощеніе, и увеселительная программа. Это былъ одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, когда не мы увеселяли другихъ, а другіе увеселяли насъ..

Все искрилось движеніемъ, напосное, насыщенное красками, и съ непривычки было больно глазамъ отъ яркаго, ослѣпительнаго мельканія женскихъ и мужскихъ фигуръ въ горячихъ, — до фантастичности горячихъ по своимъ непривычнымъ, невыносимымъ для европейскаго глаза тонамъ, — одеждахъ.

Надъ гигантскими кострами въ такихъ же гигантскихъ котлахъ варили пловъ изъ шахскаго риса; этотъ изумительный пловъ, пахучій, таявшій во рту, мы запивали рябиновой водкою.

Заняло бы десятки страницъ подробно описывать Байрамъ въ сартской деревнѣ, со всей оглушительной гаммой самыхъ разнообразныхъ звуковъ, сливавшихся въ одинъ сплошной гулъ, начиная отъ гортанныхъ выкриковъ и кончая пронзительнымъ пискомъ свирѣли.

Остался у меня въ памяти танецъ бачей. По тамошнему бача — это мальчикъ, котораго съ самой ранней поры воспитываютъ и холятъ, какъ предметъ наслажденія для мужской однополой любви.

Бачи всѣ наподборъ красивые томной и нѣжной красотой, тщательно вымытые и надушенные, успѣвшіе постигнуть всѣ ухищренія для возбужденія поклонниковъ своихъ, плясали одѣтые въ дорогіе женскіе наряды и ткани. Что-то ритмическое, притягивающее было въ ихъ танцахъ, и на нихъ пріятно было

смотрѣть... Но зато непріятенъ и отталкивающъ былъ видъ полныхъ, бородатыхъ сартскихъ купцовъ, сплошь да рядомъ сѣдыхъ патріарховъ, что съ грубой, искажавшей ихъ лица чувственностью пожирали глазами этихъ пляшущихъ мальчиковъ...

Не ограничившись столицею края — Ташкентомъ, мы объѣхали и провинцію Туркестана, давая спектакли въ такихъ городахъ, какъ Андижанъ, Самаркандъ, Новый Скобелевъ. Повсюду мы наслаждались дивными туземными банями, — такія же своеобразныя, ни на что не похожія, какъ и все на Востокѣ. Моетъ васъ гигантскій сартъ, геркулесовскаго тѣлосложенія. Въ его могучихъ рукахъ вы становитесь безпомощнымъ, какъ неодушевленный предметъ, существомъ. Одинъ мигъ... Вы не успѣли замѣтить, какъ вы весь въ облакахъ густой мыльной пѣны. Со стороны нельзя и подумать, что это облако — человѣкъ. Слѣдующій мигъ, и великанъ-сартъ на собственныхъ колѣняхъ, какъ на салазкахъ, проѣзжаетъ по вашему спинному хребту... Онъ могъ бы раздавить васъ своей тяжестью, могъ бы. а, между тѣмъ, съ необыкновенной легкостью массируетъ васъ всѣмъ своимъ вѣсомъ, обнаруживая при этомъ завидное знаніе анатоміи.

Женщинъ банщицъ тамъ нѣтъ и на женской половинѣ дѣйствуютъ также бронзовые геркулесы. Ничего этого не зная, пошла въ баню наша комическая старуха Бѣгичева, потребовала себѣ банщицу, раздѣлась и ждетъ. И вдругъ выростаетъ передъ нею страшилище-сартъ. Комическая старуха, за многолѣтнюю сценическую дѣятельность свою не растерявшая своего цѣломудрія. охваченная паникой, наполовину коекакъ одѣвшись, а другую половину своихъ туалетныхъ принадлежностей держа въ рукахъ, блѣдная, трясущаяся примчалась изъ бани въ гостиницу...

Первымъ навстрѣчу ей попался вашъ покорный слуга.

— Морфесси, если-бы ты зналъ, какой ужасъ!

— Что случилось?

Она разсказала мнѣ, волнуясь и сбивчиво, свое приключеніе. Я расхохотался:

— Вотъ пустяки! Стоило драматизировать положеніе. Здѣсь это принято. Онъ, этотъ исполинскій красавецъ, такъ вымылъ-бы тебя, до Москвы хватило-бы!

Но Бѣгичева и слушать не хотѣла. Въ этой комической старухѣ жила дворянка изъ хорошей польской семьи. Свободные нравы кулисъ ея почти не коснулись.

Кочуя по Туркестану, мы видѣли цѣлые города, потерпѣвшие когда-то отъ землетрясенія. Страшное, жуткое зрѣлище! Дома и мечети, расколотые пополамъ, цѣлыя группы строеній, провалившіяся въ бездну. Высокіе минареты, какимъ-то чудомъ повисшіе въ воздухѣ, въ наклонномъ положеніи. Казалось, будто мановеніемъ чьей-то магической руки разрушительный хаосъ замеръ на полутактѣ и въ такомъ видѣ застылъ навѣки. Поразила насъ и своимъ величіемъ, и своими грандіозными пропорціями и арабесками своей пышной мозаики мечеть Тамерлана. Воистину архитектурное сооруженіе, достойное одного изъ величайшихъ завоевателей. А послѣ Тамерлановой гробницы никакъ нельзя повѣрить, что самъ Тамерланъ былъ маленькій, хромой человѣкъ. Аттила былъ тоже маленькій, приземистый гуннъ, но тотъ, по крайней мѣрѣ, ничего послѣ себя не оставилъ...

Незабываемъ нашъ спектакль въ Самаркандѣ, гдѣ мы ставили «Прекрасную Елену». Врядъ-ли еще гдѣ-нибудь, когда-нибудь, шла «Прекрасная Елена» въ такой обстановкѣ.

Утро обѣщало жаркій солнечный день. Но къ вечеру небо заволоклось мутно свинцовыми тучами, стало холодно и пошелъ снѣгъ большими, пушистыми хлопьями. «Прекрасная Елена» вынуждена была иг-

рать въ фуфайкѣ. А мы, мужчины, на наши суконные брюки натягивали трико, чтобы не замерзнуть. Цари классической Эллады въ прозаическихъ штанахъ — какая иронія!

Великолѣпенъ былъ зрительный залъ. Въ первыхъ рядахъ, въ живописныхъ національныхъ костюмахъ, сидѣли текинцы-офицеры туркменскихъ конныхъ частей. Рослые, смуглые, красавцы — одинъ къ одному! Ихъ кинжалы и короткія, кривыя сабли усыпаны были драгоцѣнными камнями. Все это богатые мѣстные ханы и беки, чудесные наѣздники, обладатели несмѣтныхъ табуновъ.

Мнѣ, изображавшему Париса, эти ханы поднесли на сцену громадный текинскій коверъ. Спектакль сошелъ блестяще. Когда мы расходились и разъѣзжались, въ чистыхъ небесахъ сіялъ мѣсяцъ, снѣгъ густо устилалъ землю, деревья въ пышной листвѣ, обременены были тяжелымъ снѣжнымъ покровомъ. Волшебное зрѣлище! А на другой день, когда я поздно проснулся послѣ веселаго ужина, снѣгу не было и въ поминѣ ни на землѣ, ни на деревьяхъ, и солнце жгло во всю. Минувшая зимняя ночь казалась исчезнувшимъ сновидѣньемъ...

Тамошнее офицерство и чиновничьи круги неустанно дарили труппу своимъ вниманіемъ, развлекали насъ на всѣ лады. Организовались длительныя экскурсіи въ Персію на тройкахъ и къ афганской границѣ верхомъ. И нельзя было налюбоваться природою этихъ въ буквальномъ смыслѣ слова райскихъ мѣстъ, ибо, по преданію, здѣсь и была колыбель человѣчества...

Изъ Туркестана мы двинулись въ Баку, въ этотъ городъ милліонеровъ и фонтановъ нефти. И здѣсь ждало насъ широкое восточное гостепріимство. У Тагіевыхъ и другихъ королей нефти насъ чествовали истинно Лукулловскими обѣдами и ужинами. Сперва, еще не зная мѣстныхъ обычаевъ, я невольно высказывалъ свое восхищеніе тѣмъ или инымъ художественнымъ предметомъ домашней утвари. Но послѣ пер-

ваго-же случая, когда понравившаяся мнѣ вещь оказалась въ карманѣ моего пальто, я умѣрилъ свои восторги и ничего уже не хвалилъ. На Кавказѣ укрѣпился вѣками обычай дарить гостю то, что ему приглянулось. Называлось это Пешъ-Кешъ.

Наши бакинскіе безпечно радостные дни были омрачены пожаромъ мѣстнаго театра, который назывался Тагіевскимъ. Узнавъ, что горитъ театръ, я первымъ дѣломъ бросился спасать наши ноты. Безъ нихъ мы не могли бы продолжать гастролей...

Памятенъ переѣздъ черезъ Каспійское море. Пересѣкали мы его въ теченіе шестнадцати часовъ. И вотъ странное явленіе: первые четыре часа пути море, — какъ зеркальная гладь, ровное, ни зыби, ни малѣйшей морщинки. Послѣдніе четыре часа — то же самое. Но зато восемь срединныхъ часовъ — сплошная качка, сплошныя волны, неизвѣстно какъ и откуда берущіяся. Не только всю труппу, но и всю команду укачало. Только двое оставались на ногахъ: капитанъ - итальянецъ и я. Можетъ быть, потому, что еще до качки мы сами съ нимъ основательно накачались, выпивъ вдвоемъ цѣлый литръ густого маслянистаго бенедиктина; послѣ этого никакая волна не брала насъ и мы на капитанскомъ мостикѣ геройски выдержали восьмичасовую бурю, въ лоскъ уложившую всѣхъ остальныхъ.

Да, не лишнее отмѣтить штришокъ, весьма характерный для бакинскихъ нравовъ. Въ гостиницѣ у меня была совершена кража. Изъ чемодана похищенъ былъ револьверъ. Но въ этомъ же самомъ чемоданѣ навиду лежали массивные золотые часы, брилліантовыя запонки и нѣсколько драгоцѣнныхъ подарковъ Великаго Князя Николая Константиновича. Таинственный похититель ничего этого не тронулъ, соблазнившись однимъ револьверомъ. Мѣстные люди объяснили мнѣ это особенной страстью бакинскихъ татаръ къ оружію. Оружіе, особенно огнестрѣльное, татарскіе низы теперешняго Азербейджана добывали всѣми правдами и неправдами во имя азіатской воинствен-

ности своей, во-первыхъ, и для вѣчной кровавой борьбы съ армянами, во-вторыхъ.

Еще въ Баку я слышалъ весьма лестные отзывы о графѣ Воронцовѣ - Дашковѣ. Когда я пріѣхалъ въ Тифлисъ, я спѣлъ на раутѣ въ намѣстническомъ дворцѣ, и самъ подпалъ подъ обаяніе этого вельможнаго старика. Русскихъ баръ, въ лучшемъ значеніи этого слова, баръ съ головы до ногъ, подобныхъ намѣстнику Его Величества на Кавказѣ, уже въ то время, четверть вѣка назадъ, было очень мало. Они вымирали.

Ввелъ меня къ Намѣстнику полковникъ Тамамшевъ, директоръ казеннаго театра въ Тифлисѣ. Въ этомъ театрѣ и проходили гастроли нашей опереточной труппы. И въ Тифлисѣ мы имѣли такой же шумный успѣхъ, какъ и въ Ташкентѣ, съ такимъ же радушіемъ насъ принимали, съ тою лишь разницею, что въ Тифлисѣ было больше блеска и пышности. Это не была далекая провинціальная окраина, это была столица жемчужины русскихъ колоній, съ дворомъ, хотя и малымъ, но настоящимъ «дворомъ», который держался своимъ собственнымъ патріархальнымъ этикетомъ. Зрительный залъ включалъ въ себя десятки знатнѣйшихъ грузинскихъ фамилій съ красавицами княгинями и княжнами. Въ первыхъ рядахъ сидѣли офицеры Нижегородскаго драгунскаго полка. Собраніе Нижегородцевъ чествовало насъ съ тѣмъ поистинѣ кавалерійскимъ размахомъ, который на Кавказѣ пріобрѣлъ, благодаря мѣстнымъ традиціямъ, особенную прелесть.

Каждому гостю вмѣнялось въ обязанность выпить единымъ духомъ наполненный виномъ турій рогъ. его никакъ нельзя было поставить, его можно было только осушить до самаго донышка. А вмѣщалъ такой рогъ полторы бутылки вина. Я никогда не былъ трезвенникомъ, прошелъ основательную школу съ юныхъ лѣтъ въ компаніи пѣвчихъ-басовъ, но и мнѣ сначала, съ непривычки, трудно было опорожнить турій рогъ, не переводя духа. А грузины продѣлывали

это шутя, одинъ за другимъ выпивая два, а то и три такихъ рога.

Неизмѣннымъ спутникомъ моимъ и аккомпаніаторомъ на всѣхъ этихъ торжествахъ въ нашу честь былъ незабвенный Саша Макаровъ, не превзойденный магъ и чародѣй цыганской гитары. Вотъ кого не смущали турьи рога, наполненные не только краснымъ виномъ или шампанскимъ, но и крѣпчайшимъ коньякомъ! Желѣзный организмъ Саши выдерживалъ такія смѣси и адскія коктейли — тогда еще это слово не было въ модѣ, — которые могли бы свалить съ ногъ и буйвола.

Кто бы могъ думать, что Саша Макаровъ, выкованный казалось-бы навѣки, такъ быстро сгоритъ здѣсь, въ Парижѣ?..

Подъ впечатлѣніемъ этой тяжелой для меня утраты, я съ особенной рельефностью вспоминаю, какъ мы колесили вмѣстѣ съ нимъ по необъятной матушкѣ Россіи, сколько спѣто было мною подъ его волшебную гитару. Знавшій Тифлисъ, какъ свои пять пальцевъ, онъ былъ моимъ гидомъ по столицѣ Кавказа. Мы ѣздили съ нимъ къ башнѣ Тамары и бражничали въ духанѣ у подножія этой башни, воспѣтой Лермонтовымъ. Словно сейчасъ слышу дребезжащія звуки шарманки. Подъ эту музыку мы съ Сашей, основательно запивъ шашлыкъ добрымъ кахетинскимъ, боролись съ двумя ручными медвѣдями. Медвѣдей нельзя было одолѣть, потому-ли, что они были медвѣди, или потому, что были трезвы. Но, кажется, въ концѣ концовъ Саша умудрился напоить и медвѣдей...

Уже закончились наши спектакли, уже намъ надо было возвращаться въ Россію, но выбраться изъ Тифлиса не удавалось. Вечеръ за вечеромъ, обѣдъ за обѣдомъ, пріемъ за пріемомъ. Сегодня у Эристовыхъ, завтра у Лазаревыхъ, послѣ-завтра у Тумановыхъ, Чавчавадзе, Орбельяни, Дадіани, Накашидзе, Андрониковыхъ, Мингрельскихъ.

Посѣтили мы и нѣсколько усадебъ грузинскихъ

помѣщиковъ. Тамъ все было грандіозно. Съѣзжались сотни гостей, и тысячи крестьянъ принимали участіе въ пиршествѣ на открытомъ воздухѣ. Жарили несмѣтное количество барановъ и десятки быковъ, и все это на вертелахъ. Костры, разливанное море вина и бычачьи туши въ огнѣ. Впечатлѣнье какого-то средневѣковья, да тамъ и сохранились средніе вѣка во всей своей неприкосновенности...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Моя петербургская карьера. Н. Г. Сѣверскій. Рутковскій. «Фра Бомбардо» или укрощеніе строптиваго коня. Первый полетъ Н. Г. Сѣверскаго. Проф. Дубасовъ и «цыганщина».

Въ провинціи мнѣ случалось нерѣдко выступать вмѣстѣ съ петербургскимъ гастролеромъ Николаемъ Георгіевичемъ Сѣверскимъ. Онъ уже былъ обвѣянъ завидной славою и, дѣйствительно, являлъ собою крупную, богато одаренную фигуру. Съ одинаковымъ успѣхомъ пожиналъ Сѣверскій лавры: сегодня — опереточнаго премьера, завтра — отличнаго драматическаго актера, а вслѣдъ за этимъ — прекрасный исполнитель цыганскихъ романсовъ.

Вотъ почему я преисполнился особенной гордостью, когда Сѣверскій, открывъ свой собственный театръ въ Петербургѣ, выписалъ меня къ себѣ. Онъ мнѣ сказалъ:

— Я переутомился. И, кромѣ того, работа чисто режиссерская и административная будетъ отнимать у меня много времени, я хочу, чтобы ты замѣщалъ меня... Ни на комъ другомъ я не могъ остановиться.

И вотъ, мы открываемъ сезонъ въ Екатерининскомъ театрѣ. Идетъ у насъ очень интересная оперета «Бандиты». Сборы полные. Имя Сѣверскаго дѣлаетъ свое дѣло, да и кромѣ того, безъ излишней скромности, могу и про себя сказать, что въ первую же зиму мнѣ удалось завоевать капризную, требовательную петербургскую публику.

Екатерининскій театръ смѣнятся театромъ Кабанова — Яковлева «Олимпія», на Пескахъ. И тоже вмѣстѣ съ Сѣверскимъ и еще съ Рутковскимъ, этимъ премьеромъ уже совсѣмъ стараго поколѣнія.

Рутковскій былъ очень элегантенъ въ частной жизни, былъ человѣкомъ хорошихъ манеръ и хорошаго вкуса. Мы съ нимъ сдружились, и онъ пытался обратить меня въ свою вѣру — привить мнѣ любовь къ скачкамъ, какъ къ зрѣлищу болѣе азартному, чѣмъ спортивному. Увлекался я больше интереснымъ обществомъ самого Рутковскаго, чѣмъ коломяжскимъ ипподромомъ, хотя лошадей всегда любилъ и весьма недурно ѣздилъ верхомъ. Это умѣнье сослужило мнѣ, весьма во-время, службу.

Шла у насъ оперета въ «Олимпіи», подъ названіемъ «Фра-Бомбардо». Заглавную роль исполнялъ я. Этотъ Фра-Бомбардо ведетъ двойственную жизнь. На людяхъ — онъ аскетъ, проповѣдникъ высшей христіанской морали; въ интимномъ кругу — кутила, весельчакъ и Донъ Жуанъ. Есть такая сцена: Бомбардо, сидя на бѣлой лошади, говоритъ рѣчь толпѣ.

Театральная лошадь, годами пріученная къ грохоту оркестра и крику толпы, захворала и ее никакъ нельзя было вывести изъ конюшни. Наскоро была добыта замѣстительница, такая-же бѣлая, но далеко не такая-же кроткая. И хотя она таила въ себѣ самыя неограниченныя возможности, все-таки надо было сѣсть на нее и выѣхать къ рампѣ.

Такъ я и сдѣлалъ. Но не успѣлъ я выѣхать изъ-за кулисъ на сцену, какъ лошадь, ослѣпленная огнемъ прожектора, оглушенная оркестромъ и пѣніемъ привѣтствующей меня толпы, начала приплясывать, закидываться и взвилась на дыбы. Вотъ-вотъ свалится вмѣстѣ со мною въ оркестръ...

Палочка замерла въ рукѣ дирижера. Хористы, не желая очутиться подъ копытами испуганной лошади, шарахнулись въ сторону, и я самъ едва не шлепнулся на деревянный помостъ. Но, взявъ непокорнаго коня

въ шенкеля, я повернулъ его на заднихъ ногахъ, какъ на оси, и онъ, почувствовавъ твердую руку и неробкаго всадника, тотчасъ же смирился и далъ мнѣ возможность спѣть вступительную арію. На этотъ разъ публика неистово рукоплескала не столько опереточному баритону, сколько смѣлому кавалеристу.

Вообще, на сценѣ далеко не все и не всегда сходитъ и проходитъ гладко. Насъ подстерегаютъ сплошь да рядомъ техническія опасности, коихъ никакъ нельзя предусмотрѣть. Я разскажу случай, который могъ имѣть послѣдствія куда болѣе трагическія, нежели моя авантюра съ бѣлой лошадью.

Ставили мы оперету «Судъ боговъ», весьма мифологическую. Боги, богини, колесницы и тому подобное. Коронный трюкъ заключался именно въ одной изъ такихъ колесницъ. Она должна была пронестись по воздуху, а въ ней долженъ сидѣть Н. Сѣверскій. Конечно, эта колесница должна была быть бутафорская.

И вотъ, ко всеобщему нашему ужасу, то-ли это была оплошность механика, то-ли механизмъ самъ по себѣ подгулялъ, но колесница вдругъ, на высотѣ заоблачнаго Олимпа, а, по нашему, по крайней мѣрѣ, на высотѣ десяти метровъ, если не больше, стремительно переворачивается. Другой артистъ неминуемо камнемъ полетѣлъ бы внизъ и черезъ два-три дня намъ пришлось-бы его хоронить. Но Н. Г. Сѣверскій всегда былъ человѣкомъ, слѣпленнымъ изъ особой глины. Находчивый, смѣлый, сильный физически, онъ не растерявшись, уцѣпился за колосники, да такъ и висѣлъ въ воздухѣ на мускулахъ добрыхъ двѣ-три минуты, пока не опустили занавѣсъ и не подоспѣли ему на помощь...

Это былъ его первый полетъ.

Послѣ этого эпизода я ничуть не удивился, когда, много лѣтъ спустя, уже во время Великой войны, Сѣверскій, добровольно пойдя въ воздушный флотъ, сдѣлался не только выдающимся летчикомъ, но и вы-

дающимся инструкторомъ, въ первую голову обучивъ летать двухъ своихъ сыновей.

Встрѣтился я съ Сѣверскимъ снова въ Парижѣ. Много красивыхъ минутъ провели мы здѣсь съ нимъ, вспоминая далекое бурное прошлое нашей артистической карьеры. А когда я уѣзжалъ изъ Парижа въ Берлинъ въ 1922 году, Н. Г. Сѣверскій прислалъ мнѣ слѣдующее трогательное письмо въ стихахъ:

Вчера мнѣ не спалось. Мучительный недугъ,
Который день подрядъ мнѣ не давалъ покоя...
Я думалъ о тебѣ, мой милый старый другъ,
Съ глубокой нѣжностью и тихою тоскою.

Разлуки близокъ часъ. Уѣдешь ты въ Берлинъ.
Я снова одинокъ въ мятущемся Парижѣ,
Въ огромномъ городѣ, гдѣ только ты одинъ
Былъ для меня теперь всѣхъ родственнѣй, всѣхъ ближе.

Уѣдешь ты въ Берлинъ, и въ тотъ-же мигъ съ тобой
Исчезнетъ для меня послѣдняя отрада:
Твой голосъ бархатный, напѣвъ цыганскій твой—
Зарница юности, — улыбка Петрограда!

Но пѣсня кончена... разсѣялась, какъ дымъ...
Я вновь какъ перстъ одинъ; кругомъ чужія веси...
Что мнѣ «Парижъ?» — вѣдь я могу мириться съ нимъ
Лишь до тѣхъ поръ, пока здѣсь Юрочка Морфесси.

Нѣжный, чуткій другъ мой Сѣверскій всегда пишетъ мнѣ письма въ стихахъ. И когда я снова, вернувшись въ Парижъ, 1-го января 1931 г., выступилъ въ ресторанѣ «Эрмитажъ», онъ немедленно откликнулся слѣдующимъ письмомъ (пропускаю строки, касающіяся личной семейной жизни Н. Г.):

Другъ мой, Юрочка Морфесси,
Ты намъ всѣмъ особо милъ,

Тѣмъ, что снова въ наши веси
Возвратиться разсудилъ.
Ты, въ своемъ талантѣ яркомъ,
Въ Новый Годъ изъ міра грезъ
Самымъ радостнымъ подаркомъ
Самого себя привезъ.
. . . .
. . . .

Не для Юры, видно, время!..
Пусть проходитъ рядъ годовъ,
Не наложитъ жизни бремя
На него своихъ слѣдовъ.
Съ каждымъ годомъ все чудеснѣй;
Свѣжъ, и молодъ, и румянъ,
Насъ чаруетъ звонкой пѣсней
Неизмѣнный нашъ Баянъ!
. . . .
. . . .

Кстати, о сценическихъ опасностяхъ. Вспоминаю трагикомическій случай съ теноромъ Супруненко. Дѣло было въ Одессѣ. Въ оперѣ «Евгеній Онѣгинъ», въ сценѣ дуэли, я по неопытности взялъ правильный прицѣлъ — а стрѣлокъ я не плохой — и всадилъ ему, хотя и холостой, но весь зарядъ прямо въ лобъ. Сколько мнѣ приходилось потомъ видѣть эту оперу, — никто изъ теноровъ такъ естественно больше не падалъ. Все обошлось, конечно, благополучно, кромѣ того, что жена Супруненко закатила мнѣ за кулисами грандіознѣйшій скандалъ съ истериками.

Упомянувъ нѣсколько выше объ Екатерининскомъ театрѣ и его свѣжемъ репертуарѣ, я забылъ сказать, что особеннымъ успѣхомъ пользовалась оперета «Жизнь Человѣка» — остроумная пародія на пьесу Леонида Андреева подъ тѣмъ же заглавіемъ. Тамъ много было разбросано игривыхъ блестокъ и этими блестками впослѣдствіи пользовались разные

предприниматели для своихъ маленькихъ скетчей, картинокъ и сценокъ. Напримѣръ, мелодичная и граціозная пѣсенка о козочкѣ вдохновила Баліева на «его», ставшее популярнымъ:

Что танцуешь, Катенька?
Польку, польку, маменька.

Апплодисменты по адресу «Катеньки» справедливость требовала-бы направить по адресу оперетты «Жизнь Человѣка».

Болѣе строгіе совсѣмъ не считаютъ искусствомъ русско-цыганскую пѣсню, менѣе строгіе и болѣе снисходительные называютъ этотъ жанръ легкимъ и второстепеннымъ.

Это не только въ наши дни, это было и раньше. Я помню профессоровъ консерваторіи, со снисходительной улыбкою жрецовъ говорившихъ о цыганщинѣ; а между тѣмъ въ этой цыганщинѣ столько чувства, столько безмѣрной печали и такихъ же безмѣрныхъ удали и размаха! Цыганщина нашла себѣ отраженіе въ классической русской литературѣ. Какъ увлекался цыганскимъ пѣніемъ геніальный Пушкинъ! Какъ увлекались имъ и Левъ Толстой, и Апухтинъ? Лучшія страницы Толстовской повѣсти «Два гусара» посвящены высоко художественному описанію именно этой самой цыганщины, которую не признаютъ лишенные вкуса и чуждые русскости академически образованные музыкальные люди.

А Толстовскій «Живой трупъ», весь густо насыщенный цыганщиною и на ней весь построенный?..

Вспомнимъ изумительную повѣсть Лѣскова «Очарованный Странникъ». И тамъ цѣлая глава потрясающей силы отведена впечатлѣнію отъ цыганскаго пѣнія въ одномъ изъ ярмарочныхъ трактировъ.

Кованнымъ апухтинскимъ стихомъ воспѣта ночь у Яра въ «Старой цыганкѣ».

Можно было бы привести еще много такихъ же примѣровъ изъ образцовой русской литературы, но и указанныхъ довольно для посрамленія тѣхъ, у кого вмѣсто сердца — какой-то шаблонный механизмъ.

Приведу характерный случай со мной. Это было въ Петербургѣ, задолго еще до войны. Я былъ гостемъ на раутѣ въ одномъ свѣтскомъ домѣ. Былъ среди гостей и извѣстный профессоръ консерваторіи Дубасовъ. Хозяйка дома попросила меня спѣть что-нибудь. Я спѣлъ романсъ «Ямщикъ, не гони лошадей». Вышло это у меня съ настроеніемъ, съ надрывомъ, съ душой. Не успѣли смолкнуть аплодисменты, подходитъ ко мнѣ Дубасовъ и крѣпко жметъ руку.

— Господинъ Морфесси, я долженъ честно покаяться передъ вами. Всю мою жизнь я не признавалъ цыганщины, считалъ ее какимъ-то рестораннымъ увеселеніемъ, не болѣе. Но сейчасъ, подъ впечатлѣніемъ только что пропѣтой вами вещи, я рѣзко мѣняю свой взглядъ. Вы дали столько чувства, столько волнующихъ настроеній, что никакъ нельзя было остаться равнодушнымъ! Вы всего меня всколыхнули, всего меня взволновали! Благодарю васъ! Отнынѣ я поклонникъ цыганскаго пѣнія, вообще, и вашъ, въ частности...

Дальше я убѣдился, что это ничуть не красивая фраза: почтенный профессоръ весь вечеръ не отходилъ отъ меня и съ напряженнымъ вниманіемъ вслушивался въ мое пѣніе...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

«Нищій студентъ» въ честь генерала Жоффра. Раутъ въ петербурской городской думѣ въ честь адмирала Битти. Я пою на царской яхтѣ передъ Государемъ. Милостивое вниманіе Его Величества. Мои гастроли по Россіи въ дни войны. Кавказскія впечатлѣнія. «Травіата» съ Баронатъ и со мною. Мои выступленія въ царскихъ госпиталяхъ. Профессіональные воры меценаты. Король воровъ Сашка-цыганъ въ роли моего ангела хранителя.

1913 годъ. Трехсотлѣтіе династіи Романовыхъ. Генералъ Жоффръ, начальникъ французскаго Генеральнаго Штаба, пріѣхалъ въ Петербургъ со свитою своего многочисленнаго окруженія.

Мы были далеки отъ высшихъ военныхъ дѣлъ и высшей политики, но и намъ было ясно, что появленіе крупнаго французскаго генерала на берегахъ Невы имѣетъ немалый скрытый смыслъ. Къ тому же Государь съ исключительнымъ вниманіемъ встрѣтилъ и обласкалъ Жоффра.

Этотъ плотный, сѣдоусый французскій генералъ въ черномъ, расшитомъ черными шнурами доломанѣ, съ новенькой русской звѣздой на груди, былъ почетнымъ гостемъ на Красносельскихъ маневрахъ, а послѣ маневровъ былъ такимъ же почетнымъ зрителемъ на парадѣ войскъ Гвардіи. Государь, стоя рядомъ съ Жоффромъ, въ теченіе трехъ часовъ пропускалъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ своихъ богатырей въ пѣшемъ и конномъ строю. Передавали потомъ:

французская миссія была восхищена зрѣлищемъ этихъ красавцевъ-великановъ, что безостановочно двигались мимо такимъ мощнымъ и стройнымъ человѣческимъ потокомъ.

А черезъ день въ честь Жоффра состоялся въ Царскосельскомъ театрѣ торжественный спектакль. — «Нищій студентъ» съ артисткою Сарою Линъ въ роли молодой польской графини, Бураковскимъ въ роли полковника Оллендорфа и со мною въ заглавной роли.

Когда мы пріѣхали изъ Петербурга въ Царское, на вокзалѣ насъ ожидали придворныя кареты съ кучерами и выѣздными лакеями въ красныхъ пелеринахъ. Мы очутились въ нашихъ уборныхъ за два часа до спектакля, уже успѣли переодѣться и загримироваться, и сквозь традиціонную дырочку занавѣса наблюдали зрительный залъ. Настроеніе было приподнятое, волнующее, праздничное. Мы будемъ играть въ Высочайшемъ присутствіи!..

Въ партерахъ и въ ложахъ — все сплошь военные; не было ни одного человѣка не въ погонахъ и не въ мундирѣ. Своей чужеземной формой выдѣлялась группа офицеровъ французской миссіи во главѣ съ Жоффромъ. Въ ожиданіи Государя всѣ стояли у своихъ креселъ и стульевъ. Къ началу спектакля, минута въ минуту, появился Государь въ своей ложѣ.

Взвился занавѣсъ. Мы всей труппой вплотную подошли къ рампѣ. Подошли-то мы раньше, а когда занавѣсъ открылъ насъ, мы уже замерли на своихъ мѣстахъ. Дирижеръ сдѣлалъ широкій взмахъ палочкой. Могучіе звуки гимна наполнили весь театръ. Намъ казалось, что мы не въ состояніи будемъ пѣть — такая горячая волна пробѣгала по всему существу, такія спазмы сжимали горло, но мы пѣли, какъ никогда, и звуки гимна уносили насъ въ какую-то сладостно-необъятную даль. Послѣ троекратнаго «Боже, Царя храни», оркестръ исполнилъ «Марсельезу» и начался спектакль. Послѣ каждаго акта сигналъ къ апплодис-

ментамъ подавалъ Государь и только тогда гремѣлъ театръ густыми раскатами рукоплесканій. Въ антрактахъ всѣ поднимались съ мѣстъ и садились только тогда, когда потухалъ свѣтъ.

За участіе въ этомъ спектаклѣ мнѣ была высочайше пожалована художественная булавка съ миніатюрнымъ изображеніемъ шапки Мономаха.

Прошелъ годъ.

На Кронштадтскомъ рейдѣ отдала якорь мощная англійская эскадра. Молодой талантливый адмиралъ Битти, краса и надежда британскаго флота, былъ гостемъ Русскаго Императора.

Пышно праздновался этотъ медовый мѣсяцъ англо-русской дружбы, да и самое слово «дружба» произносилось чуть ли не впервые.

Пріемъ былъ не только оффиціально-восторженный. Нѣтъ, даже холодный, равнодушный къ политикѣ Петербургъ проявилъ чисто славянское гостепріимство къ сынамъ Туманнаго Альбіона.

Адмирала Битти съ его эскадрою положительно на рукахъ носили. Обѣды, рауты, чаи, спектакли и зрѣлища, зрѣлища безъ конца...

Петербургская городская дума устроила грандіозный чай. Какъ великолѣпно былъ декорированъ залъ съ портретами Царей... Какія оргіи тропическихъ растеній на лѣстницахъ и въ парадныхъ комнатахъ! Одна изъ этихъ комнатъ была пышно убрана въ русскомъ стилѣ. Это было устроено для меня, какъ подобающая рамка для моего выступленія передъ гостями, которыхъ я долженъ былъ познакомить съ нашей русской пѣсней. И подъ аккомпаниментъ моихъ неизмѣнныхъ спутниковъ Саши Макарова и де-Лазари, я пѣлъ безъ конца передъ адмираломъ Битти, его штабомъ и офицерами его эскадры. Положительно безъ конца, такъ какъ англичане, вошедшіе во вкусъ, не хотѣли меня отпускать. Мало кто изъ нихъ владѣлъ русскимъ языкомъ, и мало кто понималъ смыслъ романсовъ и пѣсенъ, но голосъ мой, экспрессія, передача не только удовлетворяли британскихъ моря-

ковъ, но возбуждали въ нихъ самый подлинный экстазъ.

Англичане вошли въ ражъ. Апплодисменты, выкрики, топотъ ногъ, раскраснѣвшіяся лица... Я изнемогъ, пересохло въ горлѣ, потъ катилъ градомъ, и моя поддевка, русская малиновая рубаха моя — все хоть выжми!..

А когда я умолкъ, — заговорило шампанское. Пили за Государя Императора, пили за Короля Георга, за Россію, за Англію, за русскій флотъ, за великобританскій.

Здорово пили крѣпкіе, вытренированные въ спортѣ и въ алкоголѣ англійскіе моряки, но и мы не посрамили земли русской, въ особенности-же Саша Макаровъ, являвшій собою поистинѣ бездонную бочку. Эта бочка спокойно и безстрастно поглощала несмѣтное количество самой варварской смѣси.

Смутно помню, какъ мы покинули особнякъ Городской Думы, но помню, что пальмы въ кадкахъ и экзотическія растенія чудились мнѣ первобытнымъ тропическимъ лѣсомъ съ тиграми, обезьянами, носорогами и прочимъ соотвѣтствующимъ населеніемъ...

На утро я проснулся хотя и съ не совсѣмъ свѣжей головой, но въ отличномъ настроеніи. На душѣ было празднично. Я рѣшилъ дать себѣ заслуженный отдыхъ и поѣхать на скачки. Но судьба распорядилась иначе. Утромъ — телефонограмма. Изысканно вѣжливый голосъ, съ чисто военною чеканкою словъ. Дежурный офицеръ сообщилъ мнѣ слѣдующее:

— Вы, господинъ Морфесси, приглашены пѣть на яхтѣ «Полярная Звѣзда» въ присутствіи Ихъ Величествъ. Благоволите вмѣстѣ съ вашими аккомпаніаторами пожаловать къ восьми часамъ вечера къ Николаевскому мосту, гдѣ васъ будетъ ждать миноносецъ, который немедленно васъ доставитъ на Кронштадтскій рейдъ.

Невѣдомый мнѣ дежурный офицеръ былъ для меня вѣстникомъ необъятной радости. Я не хотѣлъ вѣрить, что черезъ нѣсколько часовъ буду пѣть передъ

Государемъ въ такой интимной обстановкѣ, какъ яхта Ихъ Величествъ. Весьма понятное волненіе овладѣло мною. Надо было подготовиться въ ускоренномъ темпѣ и репетировать вплоть до момента, когда я выѣду съ моей квартиры на Каменноостровскомъ проспектѣ къ Николаевскому мосту.

Надо было немедленно мобилизовать моихъ вѣрныхъ Аяксовъ — Сашу Макарова и де-Лазари съ ихъ незамѣнимыми, непревзойденными гитарами. Заработалъ телефонъ.

Саша Макаровъ тотчасъ же откликнулся своимъ низкимъ, похрипывающимъ голосомъ, но съ де-Лазари дѣло обстояло далеко не такъ благополучно. Послѣ вчерашняго загула въ Думѣ онъ скрылся «въ неизвѣстномъ направленіи» и гдѣ-то лежалъ пластомъ съ головой, туго обтянутой полотенцемъ.

Грузный Саша Макаровъ былъ уже у меня, уже бралъ переливчатые аккорды, а безпутнаго де-Лазари нѣтъ, какъ нѣтъ! Я разнервничался, посылалъ его ко всѣмъ чертямъ и призывалъ на его голову громы и молніи.

Тутъ въ качествѣ генія-хранителя интересовъ своего патрона выступилъ мой «мажордомъ», Николай Суринъ, лилипутъ, ростомъ съ пятилѣтняго мальчика, умомъ-же — дай Богъ убѣленному сѣдиной старцу.

— Юрій Спиридоновичъ, я ихъ разыщу!

Встрѣтивъ мой скептическій взглядъ, миніатюрный мажордомъ съ незыблемой увѣренностью повторилъ:

— Я ихъ безпремѣнно разыщу! — и даже притопнулъ ножкой.

И, дѣйствительно, черезъ часъ съ небольшимъ Николай доставилъ мнѣ блѣдно-зеленаго де-Лазари съ томнымъ послѣ пьянства лицомъ. Я первымъ дѣломъ прописалъ ему холодную ванну, опохмѣливъ его большою рюмкою Мартелевскаго коньяка, и закипѣла работа. Къ вечеру весь репертуаръ былъ заново

пройденъ и мы смѣло могли предстать передъ нашимъ Державнымъ слушателемъ.

Николаевскій мостъ. Миноносецъ. Огни Кронштадта. Изящная, стройная яхта «Полярная Звѣзда». Силуэты Великихъ Княженъ и Цесаревича на палубѣ. Каютъ-кампанія, гдѣ насъ радушно встрѣтилъ флагъ-капитанъ адмиралъ Ниловъ. Тутъ же былъ Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ съ супругой, министръ Двора графъ Фредериксъ, флигель-адъютантъ полковникъ Дрентельнъ, остальные лица государевой свиты и всѣ офицера яхты...

Вошелъ Государь съ Великими Княжнами. Всѣ заняли мѣста и началась трапеза. За столомъ служили матросы Гвардейскаго Экипажа, красавцы-великаны, съ громадными руками въ бѣлыхъ перчаткахъ. Я въ первый разъ имѣлъ возможность близко и долго наблюдать Государя. Онъ какъ-то вдругъ очаровывалъ, подкупалъ и своей внѣшностью и своей благородной простотою. И чѣмъ дальше, тѣмъ это впечатлѣніе усугублялось. Нельзя было оторваться отъ его мягкихъ фіолетовыхъ глазъ, съ какимъ-то необыкновеннымъ разрѣзомъ, котораго я никогда больше ни у кого не видѣлъ. Я сидѣлъ насупротивъ Государя, имѣя справа и слѣва отъ себя Кирилла Владиміровича и Викторію Федоровну... А когда я началъ пѣть, тотчасъ же за мною устроились со своими гитарами Саша Макаровъ и де-Лазари.

Покидая каютъ-кампанію, Государь, пожавъ мнѣ руку, поблагодарилъ за доставленное удовольствіе. Затѣмъ, всматриваясь въ меня, сказалъ:

— Какая у васъ, однако, память! Вы помните наизусть весь текстъ вашихъ романсовъ. Это удивительно!

— Привычка, Ваше Императорское Величество, — отвѣтилъ я.

— Браво, браво! — И послѣ нѣкоторой паузы, Государь продолжалъ: — Гдѣ мы съ вами видѣлись въ послѣдній разъ?

Я уже собирался отвѣтить, но Государь быстро закончилъ:

— Это было годъ назадъ, въ Царкосельскомъ театрѣ, шла оперета «Нищій студентъ» и вы играли «нищаго студента».

— Такъ точно, Ваше Величество.

Этикетъ не позволялъ мнѣ изумляться необыкновенной памятью Государя, много лучшей, чѣмъ моя.

Государь удалился, а мы всѣ остались, и я еще долго пѣлъ въ каютъ-кампаніи. Да, флагъ-капитанъ Ниловъ, провожавшій Государя и потомъ вернувшійся, улучивъ минутку, сообщилъ мнѣ:

— Государь въ восторгѣ отъ вашего пѣнія. Вы удостоились еще небывалой для артиста чести: вы приглашены на Императорскую яхту, въ шхеры, и въ теченіе трехъ дней будете гостемъ Ихъ Величествъ. Васъ своевременно извѣстятъ обо всемъ...

Офицеры Гвардейскаго Экипажа, мои друзья Мясоѣдовъ - Ивановъ, Мочульскій, Карташевъ и другіе горячо поздравляли меня: послѣ этой поѣздки въ шхеры, я, имѣя Государевы подарки, несомнѣнно удостоюсь высокаго званія солиста Его Величества.

Это было 17-го іюня 1914 года. 17-го іюля меня вызвалъ въ Петергофъ Флагъ-Капитанъ Ниловъ для врученія Царской милости. При этомъ былъ фиксированъ день отхода императорской яхты въ шхеры.

Но, увы, 19-го іюля была объявлена война...

Поѣздкѣ въ шхеры не суждено было осуществиться...

Еще подробность. На слѣдующее утро послѣ этого концерта, передъ государевой яхтой проходила кильватерной колонною эскадра адмирала Битти, покидавшая русскія воды. Оркестры исполняли русскій гимнъ на всѣхъ военныхъ англійскихъ корабляхъ. Мощные дредноуты развили такую сильную волну, что легкая Императорская яхта закачалась, какъ въ бурю.

За пѣніе на «Полярной Звѣздѣ» я удостоился Высочайшаго подарка — запонокъ съ брилліантовыми орлами.

Началась война. Общій энтузіазмъ захлестнулъ и меня. Первымъ моимъ движеніемъ было идти на фронтъ, хотя я никогда не былъ военнымъ. Но, подумавъ, я рѣшилъ, что больше принесу пользы, работая въ тылу по своей спеціальности. И я не ошибся. Я предпринялъ цѣлый рядъ концертныхъ поѣздокъ по всей Россіи. Эти поѣздки превращались въ тріумфальныя шествія. Никогда я не пѣлъ съ такимъ подъемомъ потому, что всѣ мои концерты носили патріотическій характеръ, какъ по своему репертуару, такъ и по значительнымъ отчисленіямъ изъ вырученныхъ денегъ на нужды войны. Особенно плодотворно было въ этомъ отношеніи мое турнэ по Волгѣ, начиная отъ Рыбинска и кончая Астраханью. Не ограничиваясь концертами во всѣхъ попутныхъ городахъ, мы устраивали еще плавучіе концерты на пароходѣ. И надо сказать, публика отличалась музыкальной чуткостью и жертвенной щедростью. Изъ этихъ поѣздокъ я вывозилъ большіе десятки тысячъ въ пользу Скобелевскаго Комитета и разбросанныхъ по всей Имперіи его лазаретовъ.

Передъ моей поѣздкой по Волгѣ зашелъ я въ состоявшій подъ личнымъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ Скобелевскій Комитетъ при Императорской Николаевской Академіи, пропагандно - издательскимъ отдѣломъ котораго завѣдывалъ А. А. Морской. Онъ мнѣ и предложилъ, кромѣ отчисленій съ концертовъ, заняться и сборами въ пользу раненыхъ и увѣчныхъ воиновъ. Взялъ я квитанціонныя книжки и запечатанныя красной печатью кружки, и на первомъ же концертѣ на теплоходѣ «Цесаревичъ Алексѣй» приступилъ къ дѣлу. Первую трехрублевую бумажку, — помню какъ сейчасъ, — положилъ

въ кружку плѣнный австрійскій офицеръ, прекрасно говорившій по русски.

— Ахъ, господинъ Морфесси, — со вздохомъ обратился онъ ко мнѣ, — какую мы совершили ошибку. Если-бы не пошли противъ, а вмѣстѣ съ Россіей, — вся Европа была-бы наша.

Рука австрійца оказалась легкая. По окончаніи поѣздки я вручилъ Скобелевскому Комитету очень крупную сумму.

Особенно пріятно мнѣ было встрѣтиться здѣсь, въ Парижѣ, съ А. А. Морскимъ, продолжающимъ свою литературную дѣятельность, который напомнилъ мнѣ о моей благотворительной дѣятельности въ пользу нашихъ увѣчныхъ и раненыхъ воиновъ.

Я посѣтилъ вновь, уже при другихъ условіяхъ и въ другой обстановкѣ, и нефтеносную Баку и живописный Тифлисъ. Время сказалось, вообще, какъ таковое, неумолимо разрушающее, въ частности, какъ военное.

Тифлисъ, этотъ кипучій тылъ турецкаго фронта, былъ озабоченный, серьезный, и уже не было той далекой жизнерадостности, когда, у подножія башни Тамары, Саша Макаровъ и я вступили въ единоборство съ медвѣдями...

Постарѣлъ и осунулся Намѣстникъ Кавказа, графъ Воронцовъ-Дашковъ, но не утратилъ ни своей вельможности, ни своего барства и, насколько позволяли преклонные годы и слабое здоровье, отдавался весь нуждамъ края и тяготамъ войны. Графъ много способствовалъ популяризаціи моихъ концертовъ и былъ растроганъ тѣмъ, что я немало удѣляю изъ моихъ заработковъ на нужды войны. Покидая Тифлисъ, я далекъ былъ отъ мысли, что черезъ какихъ-нибудь два-три мѣсяца уже не будетъ въ живыхъ этого крупнаго сановника трехъ имперій, служившаго вѣрой и правдой родинѣ и своимъ тремъ Императорамъ...

Изъ Тифлиса во Владикавказъ я сдѣлалъ чарующій пробѣгъ по военно-грузинской дорогѣ, въ смыс-

лѣ величаво-живописныхъ красотъ незнающей ничего себѣ равнаго.

Уже подъ самымъ Владикавказомъ автомобиль мой нагналъ стройную колонну офицеровъ и солдатъ въ невиданной здѣсь формѣ. Эти рослые блондины-спортсмэны одѣты были въ ловко пригнанную англійскую форму, съ такимъ же ловко пригнаннымъ снаряженіемъ. Ихъ было около двухсотъ. Они насвистывали модную у насъ въ то время пѣсенку:

«Оружіемъ на солнцѣ сверкая».

Я поровнялся съ колонной, офицеръ замедлилъ ходъ, а среди англичанъ нашлись говорившіе по русски. Это былъ броневой дивизіонъ, посланный на Кавказъ для работы на турецкомъ фронтѣ. Но получился курьезъ, который былъ бы смѣшнымъ, если бы не былъ трагическимъ. Во Владикавказъ должны были быть направлены и люди и броневыя машины. Люди-то прибыли во Владикавказъ, а машины были загнаны во Владивостокъ. И вотъ англійскіе бойцы должны были бездѣйствовать на Сѣверномъ Кавказѣ нѣсколько мѣсяцевъ въ ожиданіи, пока забитый до отказу Великій Сибирскій путь протолкнетъ къ нимъ ихъ обшитые желѣзной броней автомобили.

Позже я самъ дважды продѣлалъ Великій Сибирскій путь и самъ убѣдился, какое несмѣтное количество боевого снаряженія двигалось непрерывно на Западъ изъ Японіи и Америки. И дѣйствительно, къ началу 17-го года нашъ фронтъ былъ перенасыщенъ и снарядами, и артиллеріей всѣхъ калибровъ.

Во время этой поѣздки я задержался на группахъ Минеральныхъ Водъ. Тамъ война не сказывалась, какъ въ Тифлисѣ. Тамъ жизнь била ключомъ и еще болѣе повышеннымъ темпомъ, нежели въ мирное время. Понаѣхало много изъ Петербурга и Москвы дамъ свѣта и полусвѣта. Офицеры залѣчивали свои раны и полученные на фронтѣ недуги, и поэтому скопленіе военныхъ было чрезвычайное. Гостиницы и пансіоны не могли вмѣстить и половины пріѣзжихъ. Останавли-

вались въ частныхъ квартирахъ, въ казачьихъ станицахъ, въ черкесскихъ и кабардинскихъ аулахъ.

Въ такомъ же духѣ переполнены были и концерты, и съ каждымъ концертомъ росли все новыя и новыя приглашенія. Наилучшій показатель моего успѣха слѣдующій: большой симфоническій оркестръ въ Желѣзноводскѣ, давно уже мечтавшій о своемъ бенефисѣ, привлекъ къ этому бенефису меня, чтобы округлить и свою рекламу и свой сборъ. Оркестръ не прогадалъ ни на томъ, ни на другомъ.

Въ Кисловодскѣ шли оперные спектакли и было нѣсколько гастролей Олимпіи Баронатъ, въ супружествѣ графини Ржевусской. Обладательница рѣдчайшаго колоратурнаго сопрано, знаменитая пѣвица поставила «Травіату». Правда, рубенсовскія формы почтенной Баронатъ какъ-то не шли къ умирающей отъ чахотки Травіатѣ, но ея голосъ побѣждалъ ея толщину. Неожиданностью для меня было приглашеніе пѣть вмѣстѣ съ Баронатъ. Я долженъ былъ исполнять роль Жермона. Первое мое чувство было нѣкотораго колебанія. За много лѣтъ оперетки и концертовъ я поотсталъ отъ оперы, но дѣйствительность убѣдила и меня самого и публику, что я оказался болѣе, чѣмъ на мѣстѣ. А когда я спѣлъ: «Ты забылъ край милый свой», мнѣ была устроена бурная овація публикой и оркестромъ во главѣ съ дирижеромъ Труфи и солистомъ-скрипачемъ Вольфъ-Израилемъ, а подъ занавѣсъ Баронатъ расцѣловала меня въ обѣ щеки.

Кончилась моя Одиссея где по желѣзной дорогѣ, гдѣ по водѣ, гдѣ на лошадяхъ, гдѣ на автомобилѣ. Покрывъ, такимъ образомъ, нѣсколько десятковъ тысячъ верстъ, я возвратился въ Петербургъ.

Здѣсь пришлось изо дня въ день, изъ вечера въ вечеръ выступать въ лазаретахъ, какъ столичныхъ, такъ и Царскосельскихъ. Моими партнерами были не-

измѣнные Саша Макаровъ и де-Лазари и, кромѣ нихъ, гармонистъ Федя Рамшъ и балетные Лопухова и Орловъ.

Въ Царскомъ мы очень часто выступали въ лазаретахъ Императрицы, Великихъ Княженъ и Цесаревича. Мы могли вдоволь присмотрѣться, съ какой любовью и съ какимъ вниманіемъ, исполняя всѣ физическія работы вмѣстѣ съ заурядными сестрами, ухаживали за ранеными бойцами Государыня и ея дочери.

Появлялся Наслѣдникъ въ сопровожденіи своего громаднаго Деревеньки. Можно-ли было допустить, что этотъ избалованный и задаренный царской семьей матросъ, послѣ революціи, окажется такимъ негодяемъ и хамомъ!

Наслѣдникъ, живой, минуты не могшій усидѣть на мѣстѣ, затихалъ, когда начиналось концертное отдѣленіе. Отъ меня этотъ царственный ребенокъ требовалъ повторенія двухъ вещицъ: «Корочки» и «Васильки», особенно ему понравившихся. Я охотно повторялъ и развѣ можно было въ чемъ нибудь отказать этому Царевичу изъ волшебной сказки?!

Но иногда меня выручали Великія Княжны:

— Довольно, Алексѣй, довольно! Ты совершенно замучаешь господина Морфесси!

Въ Царскомъ же на моихъ глазахъ созидался великолѣпный Федоровскій Соборъ. Близкое участіе въ его сооруженіи принималъ мой большой другъ, полковникъ Ломанъ. Однимъ изъ крупныхъ жертвователей, давшимъ на Федоровскій Соборъ чуть ли не милліонъ рублей, былъ Карлъ Іосифовичъ Ярошинскій. Полякъ по происхожденію, католикъ по вѣроисповѣданію, Ярошинскій былъ замѣчательной и выпуклой фигурою, какъ по своей внѣшности, такъ и по своей дѣятельности, и по своей репутаціи. Высокій, широкоплечій, съ грудью какъ у атлета, жгучій брюнетъ, съ густыми усами, онъ походилъ на одного изъ своихъ

предковъ поляковъ, бившихся подъ Вѣной съ турками. Ярошинскій былъ банкиромъ новѣйшей формаціи.

Революція навсегда подрѣзала крылья этого могучаго финансиста. Помню мое выступленіе у Ярошинскаго въ пріобрѣтенномъ имъ особнякѣ князя Юсупова. Запечатлѣлось оно въ моей памяти потому, что концертъ происходилъ въ его кабинетѣ-библіотекѣ, а не въ одномъ изъ залъ, какъ это обыкновенно бываетъ.

Я, въ сущности, вскользь упомянулъ о своихъ концертныхъ турнэ по Россіи въ годы войны. А между тѣмъ, сколько воспринималось и вывозилось впечатлѣній — хватило бы заполнить много страницъ большой книги. И какъ же имъ было не быть, впечатлѣніямъ? Въ то необыкновенное время, когда вся страна жила повышенной, нервной жизнью, жила какъ никакъ для фронта и вѣстями съ фронта.

Я не буду останавливаться на тогдашнихъ общественныхъ настроеніяхъ. Это не входитъ въ задачу моихъ воспоминаній, другіе сдѣлаютъ, да ужъ и дѣлали это лучше меня. Поэтому я ограничусь тѣмъ, что въ первую голову запомнилось и что можетъ имѣть нашъ бытовой артистическій интересъ.

У меня всегда было предубѣжденіе противъ рыжихъ мужчинъ. Вообще потому, что какъ-то не подобаетъ мужчинѣ быть рыжимъ, отчасти же — и это по провѣреннымъ наблюденіямъ — рыжіе мужчины выдѣляютъ изъ своей среды значительный процентъ людей нехорошихъ, отталкивающихъ.

И вотъ наперекоръ этому своему убѣжденію, я взялъ съ собой въ поѣздку по Центральной Россіи начинающаго піаниста Сергѣя Ор-скаго. Это былъ подчеркнуто рыжій молодой человѣкъ. Онъ подъѣхалъ ко мнѣ, вполнѣ умно рѣшивъ, что я могу его выдвинуть, и зная, какъ я вожусь съ начинающей молодежью, памятуя свою собственную молодость и свои первые шаги.

Словомъ, я взялъ Ор-скаго въ поѣздку, обезпе-

чивъ ему максимальный комфортъ и довольно крупный фиксъ. Онъ клялся мнѣ въ любви и преданности, обѣщалъ никогда не забывать моихъ по отношенію къ нему благодѣяній...

Мы вычерчивали замысловатые маршруты по Южной Россіи, не брезгуя и большими уѣздными городами, т. к. опытъ показалъ намъ, что тамъ можно пожинать не только лавры, но и золотое руно.

Такъ мы очутились въ Александровскѣ на Днѣпрѣ, для слѣдующаго концерта намѣтивъ себѣ Мелитополь. Въ гостиницахъ я всегда снималъ самую большую комнату. Такъ какъ въ этихъ номерахъ имѣются всегда двѣ кровати, то я обыкновенно приглашалъ кого-либо изъ спутниковъ раздѣлить мое одиночество. На этотъ разъ въ Александровскѣ я пригласилъ къ себѣ ночевать Ор-скаго.

Съ деньгами у меня было заведено такъ: крупныя суммы хранились у моего администратора-управляющаго Блока, а нѣсколько тысячъ я держалъ при себѣ и клалъ вмѣстѣ съ бумажникомъ подъ подушку. Передъ самымъ концертомъ бумажникъ изъ-подъ подушки исчезъ. Въ немъ было около пяти тысячъ рублей. Подозрѣніе мое пало на піаниста, почти весь день остававшагося въ комнатѣ и въ тѣ часы, когда я разъѣзжалъ по городу. Только подозрѣніе, увѣренности не было, но я даже и подозрѣніе гналъ отъ себя, чтобы не разстраиваться передъ концертомъ.

Ор-скій же такъ разстроился и такъ вскипѣлъ и разволновался, что мнѣ приходилось его успокаивать.

— Это безобразіе, это чортъ знаетъ что! — выкрикивалъ онъ. — Ты не смѣешь такъ оставить! Заяви полиціи непремѣнно!

Полиціи я заявилъ, но толку изъ этого не вышло. Мѣстные Пинкертоны ползали на брюхѣ, ища на полу какихъ-то слѣдовъ и даже привели съ собою полицейскаго пса, давая ему нюхать подушку и мой пиджакъ. Песъ меланхолически нюхалъ и то и другое, но никакой прыти не обнаружилъ. подобно двуногимъ

провинціальнымъ Пинкертонамъ, возлагавшимъ на него какія-то надежды...

Концертъ сошелъ великолѣпно, собравъ не только весь городъ, но и окрестныхъ помѣщиковъ и промышленниковъ каменно-угольнаго района.

Такой же успѣхъ былъ у насъ и въ Мелитополѣ. Хотя Ор-скій оставался у меня на подозрѣніи, но за отсутствіемъ прямыхъ уликъ подозрѣніе ослабѣло, а, во вторыхъ, сколь не былъ мнѣ антипатиченъ сей рыжій молодой человѣкъ, разставаться съ нимъ въ самый разгаръ поѣздки было неудобно. Піанистъ онъ былъ способный и такого въ два-три дня не замѣнишь.

Мы вернулись въ Петербургъ. Захожу я по своимъ дѣламъ въ депо роялей Шрейдера. Управляющій, большой мой пріятель, радостно встрѣчаетъ меня. Поздравляетъ съ успѣшнымъ турнэ.

— Воображаю, сколько вы привезли съ собою денегъ, если вашъ піанистъ такъ хорошо заработáлъ на этой поѣздкѣ!

— Да? — полуспросилъ я, насторожившись.

— Какъ же, съ мѣсяцъ назадъ получили мы отъ него открытку изъ Мелитополя, гдѣ онъ просилъ задержать для него двухтысячный рояль, который онъ облюбовалъ себѣ передъ отъѣздомъ. И дѣйствительно, не успѣлъ вернуться, внесъ цѣликомъ все полностью и рояль стоитъ уже у него...

Я пробормоталъ что-то неопредѣленное въ отвѣтъ. Но теперь уже не было никакихъ сомнѣній: Ор-скій укралъ мои деньги. И заднимъ числомъ вспомнилось мнѣ, какъ онъ въ Харьковѣ носился на лихачахъ, кутилъ съ женщинами, дарилъ имъ цвѣты, большія коробки конфектъ и, вообще, сорилъ деньгами. Мало того, какъ нѣжный старшій братъ, онъ посылалъ мальчику-брату цѣлыми пакетами дорогія игрушки въ Петербургъ.

Признаться, я накалился. Было сильное желаніе проучить наглаго вора. Я обдумалъ всю инсценировку. Позвалъ къ себѣ вечеромъ гостей, исключительно

мужчинъ, кое-кого изъ артистическаго міра, кое-кого изъ общества. А заблаговременно, по телефону пригласилъ Ор-скаго. Онъ явился, ничего не подозрѣвая, веселый, развязный, съ моей легкой руки уже сдѣлавшій себѣ имя...

Вечеръ прошелъ оживленно, говорили о войнѣ, музицировали, затѣмъ былъ поданъ ужинъ, а послѣ ужина я пригласилъ Ор-скаго и двухъ-трехъ человѣкъ въ такъ называемую «восточную» комнату. Заперъ дверь на ключъ — и къ Ор-скому:

— Сережа, ты укралъ въ Александровскѣ мои деньги! Если завтра же не доставишь мнѣ все сполна, я заявляю въ сыскную полицію, ты сядешь въ тюрьму, и твоя карьера будетъ кончена!

Можетъ быть, это было и жестоко, но эффектъ получился чрезвычайный. Ор-скій тутъ-же, при свидѣтеляхъ бухнулся мнѣ въ ноги и, питаясь ловить и цѣловать мои руки, умолялъ:

— Не губите меня, пожалѣйте доброе имя отца и матери! Я дѣйствительно мерзавецъ и негодяй, но взываю къ вашему доброму сердцу, пожалѣйте меня!..

На другой день отъ Ор-скаго былъ доставленъ мнѣ концертный Шрейдеровскій рояль. Но этимъ и ограничилось. Да и откуда ему было взять 2.000 руб? Я махнулъ рукою и вскорѣ забылъ всю эту исторію.

Тотчасъ же послѣ революціи, во дни Керенщины, Ор-скій сдѣлался видной политическою фигурою. Онъ арестовывалъ царскихъ сановниковъ, кричалъ о своей преданности революціи, продавалъ съ американскаго аукціона портреты Керенскаго и, кажется, былъ комиссаромъ надъ нѣсколькими клубами, что приносило ему изрядный доходъ.

При большевикахъ онъ арестовывалъ агентовъ Временнаго Правительства, а когда французы уступили Одессу Григорьевскимъ бандамъ, Ор-скій занялъ въ этомъ городѣ видный комиссарскій постъ. По странной ироніи судьбы, я въ это время въ Одессѣ

же перешелъ на нелегальное положеніе. Къ счастью, Ор-скій слишкомъ поздно, наканунѣ смѣлаго завоеванія Одессы добровольцами, узналъ, гдѣ я и что я. Только благодаря этому сорвалась его месть за то униженіе, которое онъ испыталъ при моихъ друзьяхъ въ «восточной» комнатѣ на Каменноостровскомъ проспектѣ.

Я сталкивался и съ профессіональными ворами и, признаюсь, они много симпатичнѣе своего коллеги-диллетанта Сергѣя Ор-скаго. Они не прикрывались никакими героическими тогами и стойко несли свое клеймо отверженныхъ. По отношенію же къ намъ, артистамъ, они проявляли какое-то меценатство, никогда не посягая на наши бумажники, часы и портсигары. Я опускался на столичное воровское дно вмѣстѣ съ Александромъ Ивановичемъ Купринымъ. Знаменитому писателю нужны были человѣческіе документы. Мнѣ нужны были впечатлѣнія внѣ круга моей обыденщины.

Вождемъ и атаманомъ всѣхъ петербургскихъ воровъ былъ нѣкій Сашка-цыганъ, смуглый, черноволосый парень, голубоглазый, малый ростомъ, очень широкій въ плечахъ, очень сильный физически. Во время войны, я устроилъ благотворительный спектакль въ Маломъ Театрѣ, гдѣ поставилъ «Цыганскіе романсы въ лицахъ», по Сѣверскому, съ участіемъ такихъ силъ, какъ Владиміръ Николаевичъ Давыдовъ и Раисова. Чистый сборъ достигъ небывалыхъ размѣровъ, выросши въ такую внушительную цифру, какъ безъ малаго 20.000 рублей.

Не ограничившись этимъ, мы въ послѣднемъ антрактѣ устроили въ фойэ сборъ добровольныхъ пожертвованій. Собирали артисты во главѣ съ Владиміромъ Николаевичемъ Давыдовымъ; онъ держалъ въ обѣихъ рукахъ свою шляпу и она быстро наполнялась кредитными билетами. Отовсюду тянулись руки къ маститому артисту. Я находился тоже въ толпѣ. Вдругъ подбѣгаетъ ко мнѣ Саша Орловъ.

— Юрій, только что срѣзали у Владиміра Нико-

лаевича царскій подарокъ, часы съ цѣпочкой. Вотъ этотъ самый срѣзалъ!..

И мнѣ былъ указанъ типъ въ смокингѣ. Я его сгребъ за шиворотъ и потащилъ внизъ по лѣстницѣ къ дежурному полицейскому офицеру. Типъ покорно слѣдовалъ за мною, но когда мы спустились съ лѣстницы, что-то ударилось о мраморный полъ. Воръ, пытаясь отдѣлаться отъ вещественныхъ доказательствъ, выбросилъ Давыдовскіе часы съ царскимъ орломъ.

Я сдалъ вора полицейскому офицеру и не успѣлъ выйти изъ дежурной комнаты, какъ меня перехватилъ сконфуженный Сашка-цыганъ, одѣтый тоже... въ смокингъ.

— Юрій Спиридоновичъ, Бога ради, не подумайте, что это нашихъ рукъ дѣло. Мы всегда уважаемъ господъ артистовъ и никогда ничего такого ни-ни! Это понаѣхали изъ Финляндіи гастролеры. Вы думаете, они только Владиміра Николаевича обчистили? Да тамъ такой тарарамъ былъ, просто ужасъ! А только вы не извольте безпокоиться: мы съ ними въ такомъ тетъ-а-тетѣ побесѣдуемъ, будьте благонадежны, все сполна завтра же получите. Не откажите сами пожаловать къ намъ къ Пяти Угламъ.

У Пяти Угловъ, на задней половинѣ одного изъ трактировъ помѣщался штабъ Сашки-цыгана. Этотъ штабъ былъ хорошо знакомъ и мнѣ и А. И. Куприну. Туда стекались съ своими трофеями всѣ карманные воры столицы, работавшіе въ трамваяхъ, на вокзалахъ, въ театрахъ и въ кинематографахъ. Наши друзья неоднократно угощали насъ въ своемъ штабѣ, дѣлая это съ поистинѣ воровской щедростью и съ размахомъ людей, добывающихъ свой хлѣбъ хотя и не особенно почетнымъ способомъ, но зато легко.

Разъ уже я вспомнилъ объ этомъ притончикѣ у Пяти Угловъ, слѣдуетъ набросать картинку перваго посѣщенія «штаба», когда все было такъ ново и такъ волнующе интересно.

Сашка-цыганъ, исполняя роль тароватаго хозяина, въ то же время успѣвалъ дѣлать бѣглый обзоръ

всего того, что приносили ему его помощники. Передъ нами выростала и съ такою же быстротою исчезала горка дамскихъ сумочекъ, серебряныхъ и золотыхъ, изъ кольчужнаго золота, портсигаровъ, браслетовъ, часовъ и всего того мало-мальски цѣннаго, что мужчины носятъ въ карманахъ, а женщины на себѣ и при себѣ.

У всѣхъ этихъ воришекъ и воровъ былъ какой-то сѣренькій видъ и поэтому особенно рѣзко выдѣлялся среди нихъ красивый, породистый и элегантно одѣтый, чудесно державшійся брюнетъ лѣтъ тридцати. Онъ занималъ меня съ повадкою свѣтскаго человѣка. По всему замѣчалось, что онъ и былъ таковымъ когда-то. Онъ всталъ, надѣлъ пальто, натянулъ перчатки, взялъ трость и шляпу.

— Надѣюсь, господинъ Морфесси, вы не торопитесь? Мои коллеги не дадутъ вамъ скучать. Я вынужденъ на часокъ лишиться вашего пріятнаго общества. Но, вернувшись, надѣюсь васъ застать... — И, сдѣлавъ плавный жестъ и взмахнувъ тростью, какъ дэнди, онъ удалился увѣренной походкой.

Сашка-цыганъ пояснилъ мнѣ:

— Король трамвайнаго дѣла!..

Черезъ часъ «король» вернулся и, подсѣвъ къ столу, съ небрежной граціей вынималъ изъ кармана добычу — все вещи и вещицы отмѣннаго качества: булавки жемчужныя и бриллiантовыя, туго набитые бумажники, золотую сумочку и все прочее въ такомъ же духѣ. Это была геніальная работа, особенно же принимая во вниманіе ограниченность времени. Съ такой внѣшностью, съ тремя каратами на мизинцѣ, легко работать! Кто бы могъ заподозрить въ этомъ изящномъ джентельмэнѣ вульгарнаго трамвайнаго вора?

И вотъ, на слѣдующій день послѣ спектакля. въ этомъ самомъ штабѣ Сашка-цыганъ съ рукъ на руки сдалъ мнѣ всѣ тѣ цѣнности, которыя похищены были у артистовъ, принимавшихъ участіе въ сборѣ пожертвованій.

Тщетно пробовалъ я узнать отъ Сашки-цыгана, какъ именно технически ему удалось получить все это у гастролеровъ изъ Финляндіи. Сашка, забронировавшись профессіональной тайной, былъ неуязвимъ и непроницаемъ.

Я съ нимъ встрѣтился еще разъ, и эта встрѣча спасла мнѣ мою шубу, мои государевы часы, мой бумажникъ и — мою жизнь...

Это была первая большевицкая зима. Рестораны и клубы еще не были закрыты, но по ночамъ, подъ аккомпаниментъ ружейной, револьверной и даже пулеметной стрѣльбы шелъ грабежъ съ кровью и человѣческими жертвами. Люди въ сѣрыхъ шинеляхъ устраивали вооруженныя заставы на Марсовомъ полѣ и у цѣлаго ряда мостовъ; не пропускался ни пѣшій, ни конный. Каждое утро я узнавалъ, что кто-нибудь изъ моихъ добрыхъ знакомыхъ ограбленъ и убитъ, или на лучшій конецъ только ограбленъ.

Но это никого не смущало. Въ ресторанахъ лилось шампанское, въ клубахъ проигрывались и выигрывались громадныя суммы. Во всемъ этомъ чувствовалась какая-то обреченность. Никто не думалъ о завтрашнемъ днѣ, — только бы дожить сегодняшній...

На царственной набережной Николаевскаго моста былъ открытъ какой-то клубъ. Забылъ, какой именно, но не въ этомъ дѣло. Съ моей знакомой дамой, А. Н. Васильевой, я поужиналъ въ этомъ клубѣ и въ третьемъ часу ночи мы вышли, чтобы ѣхать на Каменноостровскій. У подъѣзда вытянулись вереницы наемныхъ автомобилей. Взявъ первый попавшійся, я уже хотѣлъ открыть дверцу и пропустить свою даму, какъ лицомъ къ лицу выросъ передо мною Сашка-цыганъ.

— Господинъ Морфесси, вы не берите этотъ автомобиль, а возьмите лучше вотъ этотъ...

— Почему? — не понялъ я.

— Такъ спокойнѣе будетъ, — послѣдовалъ загадочный отвѣтъ.

А кругомъ такъ же загадочно шныряли во тьмѣ люди въ сѣрыхъ шинеляхъ. Словъ нѣтъ, Сашка-цыганъ лучше меня учитывалъ обстановку и я послѣдовалъ его совѣту.

Онъ спросилъ:

— Вы какъ? Черезъ Тучковъ мостъ?

— Я думаю, черезъ Троицкій.

— А я думаю, сподручнѣе вамъ черезъ Тучковъ!

И здѣсь я сдалъ позицію передъ профессіональнымъ опытомъ Сашки-цыгана. Къ довершенію всего, онъ до того простеръ свое вниманіе къ моей особѣ, что самъ сѣлъ рядомъ съ шофферомъ.

— И я самъ прокачусь съ вами за компанію.

Все это нервировало, суля какія-то острыя ощущенія. Моя дама забилась мелкой дрожью, опасаясь за свое дорогое манто и за свои крупные брилліанты въ ушахъ и прежде всего, — за насъ обоихъ. Двинулись въ путь. Остался позади Николаевскій мостъ, осталась влѣво монументальная колоннада Биржи и замаячилъ впереди Тучковъ мостъ. Едва мы приблизились къ нему, раздались выстрѣлы въ воздухъ — сигналъ машинѣ остановиться, что и было сдѣлано тотчасъ-же. Люди въ сѣрыхъ шинеляхъ съ наведенными револьверами обступили нашъ автомобиль.

— Рукъ вверхъ! Вылѣзай!

И тогда-то нашъ приземистый, широкоплечій цыганъ выступилъ въ роли ангела-хранителя. Выпрямившись на шофферскомъ сидѣньи, онъ властно крикнулъ:

— Молодчики. аль не узнаете меня? Опустите ваши шпаера*) и дайте намъ дорогу!

Молча повинуясь, сѣрыя шинели тотчасъ же разступились, машина рванулась и загрохотала по деревянной настилкѣ Тучкова моста.

Благодаря Сашкѣ-цыгану, мы отдѣлались дешево, однимъ волненіемъ. Въ эту же самую ночь, на Мар-

*) Шпайеръ — на воровскомъ жаргонѣ — значитъ револьверъ.

совомъ полѣ, возлѣ красныхъ могилъ первыхъ «жертвъ революціи», былъ застрѣленъ нѣсколькими пулями артистъ Александринскаго театра Валуа и тамъ же основательно избитъ и ограбленъ поэтъ Агнивцевъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Я вновь въ Одессѣ. Веселая эксцентричная компанія: А. И. Купринъ, Иванъ Заикинъ, Жакомино, Сокольскій. «Прекрасная Елена» съ Купринымъ. Негръ Гопкинсъ. Я концертирую въ прифронтовой полосѣ. Пиръ въ халупѣ.

Служа и работая въ обѣихъ столицахъ, гастролируя въ провинціи, я никогда не забывалъ Одессы. И потому, что меня тянули ея море и солнце, и потому, что я тамъ выросъ и воспитывался, и потому еще, что съ Одессой были связаны воспоминанія моего дѣтства. А воспоминанія дѣтства неискоренимы и неотразимы. Да и кромѣ того, подбиралась всегда живая компанія и весело, беззаботно летѣли дни за днями.

Особенно любопытный выдался годъ, кажется, 1906-й, а можетъ быть, и 1907-й. Александръ Ивановичъ Купринъ, борецъ Иванъ Заикинъ, клоунъ Жакомино, куплетистъ Сокольскій, а иногда эту бѣлую компанію оттѣнялъ и расцвѣчивалъ черный, какъ вакса, негръ-танцоръ Боба-Гопкинсъ. Да плюсъ еще я, Морфесси. Трудно было подобрать болѣе пряный человѣческій букетъ. Въ самомъ дѣлѣ, — первый писатель-художникъ послѣ находившагося еще въ живыхъ Льва Толстого и при этомъ обаятельный человѣкъ и увлекательный собесѣдникъ. Затѣмъ Заикинъ — черноземная русская сила, рѣдчайшій самородокъ. Его можно было часами слушать, такимъ образнымъ, великолѣпнымъ, чисто лѣсковскимъ языкомъ умѣлъ онъ разсказывать самые незначительные пустяки. А Жа-

комино — этотъ нервный, маленькій итальянецъ, музыкальный гитаристъ, какъ угодно бросавшій въ воздухъ свое упругое, сбитое тѣло, прыгунъ и гимнастъ! Сергѣй Сокольскій былъ чудесный человѣческій экземпляръ и по красотѣ, и по фигурѣ, и по уму, и по таланту разсказчика и куплетиста.

Въ это время Заикинъ, пріостановивъ свою карьеру борца-атлета, гнувшаго и ломавшаго серьезныхъ противниковъ, увлекался авіаціей. Въ этомъ отношеніи его меценатски поощрялъ Артуръ Антоновичъ Анатра, хозяинъ и директоръ «одесской школы летчиковъ». Онъ далъ у себя Заикину полный просторъ, включительно до поломки нѣсколькихъ аппаратовъ. Заикинъ ломалъ ихъ одинъ за другимъ, но летать научился. И въ этомъ отношеніи онъ былъ незауряднымъ, исключительнымъ явленіемъ среди людей своей профессіи. Борцы, влюбленные въ себя и въ свою мускулатуру, терпѣть не могутъ подвергать опасности и свою жизнь и свои могучіе члены. И, пожалуй, больше всего боятся членовредительства. Перспектива остаться калѣкою — это для борца самый страшный, самый пугающій призракъ. А Заикинъ, очертя голову, бросилъ вызовъ всему страшному и предательскому, что только таитъ въ себѣ судьба летчика.

Однажды и я совершилъ съ нимъ полетъ, и нашимъ спутникомъ былъ А. И. Купринъ. Отважился, признаться, я на эту авантюру въ не совсѣмъ трезвомъ видѣ, да и Купринъ и самъ летчикъ, которому мы ввѣряли свои головы, были навеселѣ.

Смутно помню, какъ мы сѣли на аэропланъ, какъ мы очутились въ воздухѣ, но зато помню съ незабываемой ясностью, какъ высоко надъ моремъ ослѣпило насъ нестерпимо яркое солнце. И только спустившись на твердую землю, я сообразилъ, какому риску я подвергался, летая съ пилотомъ, кутившимъ всю ночь.

Всѣ мы, вышеупомянутые, каждый вечеръ быва-

ли на людяхъ, посѣщая увеселительныя мѣста и уголки Одессы. Посѣщали Александровскій паркъ съ его открытой сценой и столиками подъ гущею деревьевъ. Наше появленіе всегда бывало столь же эффектно, сколь и экстравагантно, съ монументальнымъ Заикинымъ во главѣ, выбрасывая впередъ, подобно кавалерійскому разъѣзду, маленькаго, легкаго Жакомино. Вытренированный въ прыжкахъ черезъ восемь лошадей, онъ красиво и ловко дѣлалъ сальто-мортале надъ первымъ попавшимся столомъ съ кутящей компаніей. И каждый разъ это вызывало восторгъ и аплодисменты всей публики.

Иногда Заикинъ экспромтомъ появлялся на открытой сценѣ и произносилъ какой-нибудь совершенно невѣроятный монологъ. Порою языкъ его основательно заплетался, но это лишь усугубляло оваціи по его адресу. Онъ былъ такой богатырь и такъ былъ знаменитъ, что ему все разрѣшалось.

Въ Одессѣ же, но только не лѣтомъ, а зимою, было у насъ забавное происшествіе. Почти въ томъ же самомъ составѣ, причемъ я былъ еще съ дамой, ужинали мы въ загородномъ ресторанѣ. Послѣ ужина выходимъ во дворъ, утопавшій въ обильныхъ сугробахъ снѣга; только утрамбована была дорожка къ извозчичьимъ санямъ и автомобилямъ. Покидалъ ресторанъ еще кое-кто изъ публики. Въ этотъ моментъ одинъ изъ моихъ спутниковъ говоритъ мнѣ:

— Этотъ типъ отпустилъ какую-то гнусность по адресу твоей дамы.

— Гдѣ? Кто?

Смотрю — двое хорошо одѣтыхъ мужчинъ заняли вызывающую позицію. А тотъ, на кого обращено было мое вниманіе, произнесъ по нѣмецки:

— Russische Schweine!

Эта наглость чужестранца взбѣсила меня. Для большей свободы дѣйствій, я сбросилъ на снѣгъ свою тяжелую сибирскую доху и наотмашь, по русски, хватилъ нѣмца кулакомъ по физіономіи. Онъ свалился въ сугробъ, но тотчасъ же поднялся и уже вдвоемъ

со своимъ спутникомъ началъ наступать на меня. Какъ разъ на это подошелъ поотставшій Заикинъ. Увидѣвъ, что на меня нападаютъ, онъ сгребъ обоихъ нѣмцевъ, стукнулъ ихъ лбами и обалдѣвшихъ швырнулъ въ снѣгъ. Инцидентъ былъ исчерпанъ, и мы разъѣхались по домамъ. Къ утру я позабылъ этотъ маленькій скандальчикъ, но не забылъ его милѣйшій Ваня Заикинъ. Чуть свѣтъ, вломился онъ ко мнѣ въ номеръ гостиницы и поднялъ съ постели.

— Юрій, а вѣдь скверно, братъ, вышло!

— Что скверно?

— Да какъ-же, маленькій, — онъ меня называлъ «маленькимъ», — съ этими-то двумя басурманами...

— Нисколько, все въ порядкѣ. Ты далъ надлежащій урокъ двумъ наглецамъ. Чего-же еще?

— Какъ чего? Тебѣ хорошо говорить, а, вѣдь, я, по закону, не имѣю права драться.

Здѣсь я только вспомнилъ, что, дѣйствительно, профессіональные атлеты подвергаются строгимъ взысканіямъ за побои, нанесенные обыкновеннымъ смертнымъ.

— Вздоръ, — утѣшалъ я своего друга, — все сойдетъ благополучно. А если-бы и поступила жалоба, вся полиція, начиная съ градоначальника, твои горячіе поклонники, да и, наконецъ, мы всѣ можемъ быть свидѣтелями и какъ эти нахалы нѣмцы оскорбили даму, и какъ они угрожали мнѣ, а твоя роль не только не зазорная, а прямо рыцарская. Нѣтъ никакого основанія вѣшать носъ. Подождемъ до завтра, что напишутъ газеты.

Мои сладкія рѣчи не имѣли успѣха. Заикинъ долгое время сидѣлъ пригорюнившись, время отъ времени повторяя:

— Вышлютъ меня изъ Одессы, вотъ-те Христосъ, вышлютъ!..

Но оказался правъ я, а не онъ. Борца никто не безпокоилъ, никто не вызывалъ, а черезъ день появи-

лось въ мѣстныхъ газетахъ, что двое иностранцевъ въ безчувственномъ состояніи, съ разбитыми физіономіями, были доставлены въ больницу...

Черезъ нѣкоторое время делегація отъ студенческой молодежи обратилась ко мнѣ:

— Юрій Спиридоновичъ, не будете-ли вы добры создать намъ какой-нибудь спектакль въ пользу нашихъ недостаточныхъ коллегъ?

Создать спектакль... Легко сказать, гораздо труднѣе осуществить. Публика была такъ избалована, все ей такъ пріѣлось, прискучило. И если выпустить одновременно Шаляпина и Павлову, публика скажетъ: «что же тутъ удивительнаго?..» Конечно, Шаляпинъ большой пѣвецъ, а Павлова большая танцовщица, но совсѣмъ другое дѣло, если заставить артистовъ помѣняться спеціальностями и, скажемъ, выпустить Шаляпина въ испанскомъ фанданго, а Павлову предложить почтеннѣйшей публикѣ въ роли фарсовой артистки... На этомъ можно построить исключительный успѣхъ.

Я въ такомъ духѣ и намѣтилъ. Намѣтилъ поставить одинъ актъ «Прекрасной Елены», при благосклонномъ участіи моихъ столь же симпатичнѣйшихъ, сколь и неизмѣнныхъ друзей. И вотъ я заклеилъ всѣ одесскіе стѣны, кіоски и заборы заманчивыми афишами, гдѣ объявилъ, что подъ моимъ режиссерствомъ будетъ поставленъ актъ «Прекрасной Елены» съ участіемъ слѣдующихъ лицъ:

Калхасъ — А. И. Купринъ, Ахиллъ — Заикинъ, одинъ изъ Аяксовъ — Жакомино, Менелай — я.

На Одессу это произвело впечатлѣніе разорвавшейся фугасы. Одесса заволновалась. Предварительная продажа билетовъ дала поистинѣ чудовищные результаты. Я былъ гордъ своей выдумкой, былъ счастливъ матеріальнымъ успѣхомъ: студенчеству перепа-

детъ, и хорошо перепадетъ! Но дрожалъ при одной мысли — а вдругъ моя импровизированная труппа вѣроломно подведетъ меня въ самый послѣдній моментъ на почвѣ «зеленаго змія»?

Правда, я всячески увѣщевалъ:

— Господа, мы должны быть на высотѣ!.. Мы не въ какой-нибудь захудалой провинціи, на насъ смотрятъ, хотя и не сорокъ вѣковъ съ вершины пирамидъ, но смотритъ герцогъ Ришелье со своего постамента. Давайте-же, сдѣлаемся трезвенниками хотя бы на дни репетицій и до спектакля, включительно!..

Увы, мой вопль не имѣлъ успѣха. Заикинъ былъ глухъ и нѣмъ и вливалъ въ себя алкоголь со стихійностью былиннаго богатыря. За Купринымъ, какъ тѣнь, ходилъ какой-то не то пажъ, не то оруженосецъ съ неизмѣнными двумя бутылками коньяка въ бездонныхъ карманахъ. И, нечего грѣха таить, прекрасный писатель и человѣкъ сплошь да рядомъ привлекалъ къ отвѣту свой странствующій винный погребъ.

На репетиціяхъ я портилъ себѣ кровь и нервы. Одинъ Жакомино, этотъ музыкальный итальянецъ, легко постигъ и усвоилъ всю ту опереточную премудрость, каковая отъ него требовалась. Самымъ неподатливымъ оказался Иванъ Заикинъ. Ему легче было выдержать на своихъ могучихъ плечахъ желѣзный рельсъ съ повисшими на немъ двадцатью человѣками, нежели пропѣть нѣсколько словъ, полагавшихся Ахиллу. А. И. Купринъ усвоилъ роль Калхаса вполнѣ добропорядочно, я не имѣлъ никакихъ замѣчаній и былъ бы вполнѣ удовлетворенъ, если-бы не этотъ проклятый оруженосецъ...

Генеральная репетиція сошла кое-какъ. Наступилъ день спектакля. Въ театрѣ столпотвореніе вавилонское. Все разобрано, не хватало приставныхъ креселъ. Зрители терпѣливо стояли въ проходахъ.

Поднимается занавѣсъ.

На сценѣ Калхасъ. Произноситъ традиціонную фразу:

«Все цвѣты и цвѣты, слишкомъ много цвѣтовъ».

Я стою за кулисами ни живъ, ни мертвъ... О ужасъ! Александръ Ивановичъ продолжаетъ и продолжаетъ какую-то уже совсѣмъ отсебятину. Вслушиваюсь, пробую вникнуть, ничего не понимаю! Въ воздухѣ рѣетъ какъ-будто призракъ скандала. Но навыкъ стараго театральнаго волка подсказываетъ мнѣ, что все сойдетъ благополучно. Популярность Куприна, его личное обаяніе и то, что онъ былъ кумиромъ молодежи — все это спасло положеніе.

Публика млѣла отъ восторга, лицезрѣя его и забывая невнятное бормотанье продувного канальи-жреца.

Ура! Несмолкаемый громъ апплодисментовъ. Теперь уже все было ни почемъ и не было мѣста грознымъ предчувствіямъ. Я облобызалъ оруженосца, дежурившаго въ кулисахъ со своими двумя бутылками!..

Ахиллъ-Запкинъ всю сцену заполнилъ своей гороподобной фигурой. Никогда съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ оперета, не видѣли подмостки такого Ахилла. Если-бы Оффенбахъ всталъ изъ своей могилы на Перлашезъ, онъ самъ зааплодировалъ-бы такому великолѣпному Ахиллу, котораго мы втиснули съ величайшимъ трудомъ въ кавалергардскія латы.

Публика осталась въ полномъ восторгѣ. Скромная студенческая касса обогатилась нѣсколькими тысячами рублей. Въ газетахъ появились хвалебныя рецензіи.

На другой день Купринъ признался: «я самъ не знаю, что я говорилъ, можетъ быть, нехорошо было!» — вырвалось у него съ той очаровательной застѣнчивостью, которая обезоружитъ кого угодно. Мы расцѣловались.

— Хорошо, очень хорошо все вышло, дорогой Александръ Ивановичъ! Твое имя на устахъ у всей Одессы, а твое участіе дастъ возможность студентамъ внести плату за право ученія.

Мы часто бывали въ «Сѣверной Гостиницѣ», гдѣ на открытой сценѣ съ успѣхомъ подвизался Сергѣй Сокольскій. Поклонницы засыпали его цвѣтами. Но я однажды, балагана ради, сдѣлалъ ему другое подношеніе, болѣе прозаическое: заказалъ на кухнѣ колоссальную свиную котлету и, когда Сокольскій исполнялъ свой номеръ, котлета была подана ему на сковородѣ.

Сокольскій, догадавшись, гдѣ зарыта собака, тотчасъ же нашелся:

— Ахъ, это мозги Морфесси! Очень, очень пріятно!..

А немного позже, за ужиномъ, мы эту котлету запивали холодной водкой.

На этой же самой эстрадѣ лихо отхватывалъ чечотку негръ Гопкинсъ. Это былъ самый красивый, самый эффектный негръ, какого мнѣ доводилось встрѣчать. Какъ-то Гопкинсъ, женатый, между прочимъ, на русской казачкѣ, приглашенъ былъ въ Царскомъ въ Собраніе гвардейскихъ стрѣлковъ танцовать въ присутствіи Государя. Тамъ онъ блеснулъ своимъ коронымъ номеромъ — катаньемъ на конькахъ безъ коньковъ. Онъ дѣлалъ это съ неподражаемой легкостью, давая полную иллюзію конькобѣжца. По окончаніи танца, Государь заговорилъ съ нимъ по англійски, на что Гопкинсъ отвѣтилъ:

— Ваше Величество, я очень хорошо говорю по русски!

— Ваша жена, я слышалъ, русская подданная? — спросилъ Государь.

— Никакъ нѣтъ, Ваше Величество, моя жена казацкая подданная, — отвѣтилъ Гопкинсъ, вообще плохо разбиравшійся во всемъ, что выходило за предѣлы виртуозной рѣзвости его ногъ.

Въ «Сѣверной» мы съ Гопкинсомъ продѣлывали такія вещи, заранѣе если не прорепетированныя, то обусловленныя. Входитъ онъ въ мою ложу. Я вскакиваю и громко кричу:

— Какъ вы смѣли ворваться ко мнѣ!

Гопкинсъ что-то рѣзко возражаетъ. Я замахиваюсь. Звукъ пощечины, впечатлѣніе, что я ударилъ Гопкинса по лицу. На самомъ дѣлѣ это лишь ловкій цирковой трюкъ, усвоенный подъ руководствомъ Жакомино. Это знаемъ мы, но этого не знаетъ публика. Она увѣрена, что и впрямь Морфесси подрался съ Гопкинсомъ. Въ сосѣднихъ ложахъ кто-то волнуется, кто-то жестикулируетъ. Наиболѣе осторожные — подальше отъ грѣха — исчезаютъ, прихватывая своихъ дамъ. Такъ минуту-другую держимъ мы зрительный залъ въ напряженіи, а потомъ цѣлуемся и требуемъ шампанскаго. Мы довольны произведеннымъ эффектомъ, но еще болѣе довольны кутящіе завсегдатаи «Сѣверной Гостиницы».

Однажды этотъ забавный трюкъ едва не завершился совсѣмъ не предусмотрѣннымъ финаломъ. Въ зрительномъ залѣ сидѣлъ только что пріѣхавшій на гастроли еще новый негръ, черный Геркулесъ и боксеръ. Увидѣвъ происходящее въ моей ложѣ и не сомнѣваясь, что я оскорбилъ Гопкинса пощечиной, этотъ новый негръ положительно разъяренной пантерою бросился ко мнѣ, чтобы отомстить за своего компатріота. Лишь энергичное вмѣшательство самого Гопкинса спасло меня отъ кулаковъ темно-кофейнаго гастролера. Онъ понемногу успокоился и мы уже совсѣмъ охладили его задорно-воинственный пылъ бокаломъ ледяной, искрящейся влаги.

Такъ мы проводили время въ Одессѣ...

Сны мимолетные, сны беззаботные
Снятся лишь разъ...

Я разсказалъ о своихъ концертныхъ поѣздкахъ по Россіи и по Сибири, но нерѣдко бывали мои концерты и на театрѣ военныхъ дѣйствій въ прифронтовой полосѣ. Есть чѣмъ вспомнить и эти поѣздки.

Рига во время войны была едва-ли не самымъ

оживленнымъ центромъ на всѣхъ полосахъ ближайшаго тыла всѣхъ фронтовъ. Правда, и въ Кіевѣ жизнь била бурнымъ ключомъ. Но Кіевъ былъ гораздо глубже отодвинутъ въ тылъ, нежели Рига. А въ Ригѣ четко отдавался грохотъ орудій съ позицій, и по ночамъ она подвергалась бомбардировкѣ съ нѣмецкихъ аэроплановъ. Хотя Рига веселилась всю ночь до утра, но съ наступленіемъ сумерекъ гасились огни, и городъ погружался въ густую кромѣшную тьму.

Мой концертъ собралъ невѣроятное количество публики. Весь многочисленный штабъ 12-ой Арміи былъ на-лицо, плюсъ еще нѣсколько сотъ офицеровъ мѣстнаго гарнизона съ залетными гостями съ фронта.

Уже въ антрактѣ послѣ перваго отдѣленія я очутился въ роли Париса, атакуемаго тремя богинями и не знающаго, какую изъ нихъ предпочесть, ибо всѣ онѣ, какъ и подобаетъ богинямъ, одинаково прекрасны.

Попросту говоря, было такъ: три воинскія части пригласили меня отужинать съ ними послѣ концерта — 12-ый авіаціонный отрядъ, 11-ый авіаціонный отрядъ и стоявшій подъ Ригою армейскій пѣхотный полкъ. Командиръ его, полковникъ Перепелицынъ, былъ мой старый пріятель по Петербургу. Кто не зналъ этого полицейскаго пристава съ сѣдыми подусниками, сохранившаго свою прежнюю гвардейскую выправку? Во время войны полковникъ Перепелицынъ добровольно оставилъ свою службу въ полиціи и попросился въ дѣйствующую армію, гдѣ ему дали пѣхотный полкъ.

И вотъ уже не въ сиренсвомъ офицерскомъ пальто, а въ грубой шинели съ цифрой 400 съ чѣмъ-то на погонахъ, онъ заключилъ меня въ объятія и потребовалъ слова, что я ужинаю сегодня въ штабѣ его полка. Но тутъ же двое молодыхъ летчиковъ двухъ отрядовъ такъ же энергично отстаивали право залучить меня къ себѣ.

Я имъ сказалъ:

— Господа, я съ превеликимъ удовольствіемъ от-

ужиналъ-бы и въ вашихъ отрядахъ и въ штабѣ моего друга полковника, но, увы, вездѣсущимъ не дано быть мнѣ, при всемъ желаніи. А посему, давайте, найдемъ какой-нибудь выходъ, чтобы никому не было ни обидно, ни зазорно. Самое лучшее, бросимъ жребій, кому изъ васъ суждено мнѣ достаться?

Возраженій не послѣдовало. Меня розыграли на узелки и я достался 11-му авіаціонному отряду.

Добраться до его базы было вовсе не такою простою задачею. Во-первыхъ, я былъ приглашенъ со всѣмъ моимъ окруженіемъ: піанистомъ, пѣвицей и двумя танцовщицами. Три женщины! Цѣлыхъ три женщины! Это, вообще, нелегко, но когда трехъ женщинъ контрабанднымъ образомъ надлежитъ перебросить въ боевую зону, гдѣ прекрасный полъ допускается лишь въ косынкѣ сестеръ милосердія — есть надъ чѣмъ призадуматься. Летчики рѣшили эту задачу такъ: когда мощный автомобиль нашъ достигъ «зоны», артистки были уложены внизъ, къ нашимъ мужскимъ ногамъ, и всѣхъ плотно прикрыли брезентомъ. Со стороны никто не заподозритъ, что подъ этимъ брезентомъ скрыты молодыя, интересныя женщины. На двухъ заставахъ наши проводники офицеры дважды отвѣчали пароль, какъ сейчасъ помню: «Весло» и «Траншея», и только послѣ этого насъ пропускали впередъ, но уже съ потушенными огнями.

Темень, хоть глазъ выколи! Надо было удивляться шофферу, такъ увѣренно катившему въ условіяхъ такого густого мрака, что и дорога узкая, проселочная, и черная гуща земли — все сливалось въ одну непроглядную муть.

Неожиданно вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ выросъ чернильный силуэтъ невзрачной халупы. Машина остановилась.

— Пріѣхали! — сказалъ кто-то.

Я былъ разочарованъ. Такъ вотъ гдѣ мы будемъ пировать, въ этой халупѣ! Воображеніе рисовало

тусклую, невзрачную халупу и соотвѣтственно все остальное.

Но войдя въ халупу, я устыдился своихъ предположеній. Уютъ и тепло охватили насъ, а главное — столъ, такъ роскошно сервированный — «Медвѣдю» и «Контану» впору потягаться. Ледяная глыба со свѣжей икрой прозрачно отсвѣчивала всѣми цвѣтами радуги; изысканныя тончайшія закуски, фазаны, пышно декорированные и всякой всячиной и своими собственными перьями.

Моралистъ могъ-бы, пожалуй, сказать:

— Неудобно и даже неприлично предаваться на войнѣ такому чревоугодію, когда кругомъ ужасы подвига, крови и смерти. И, наконецъ, солдаты въ землянкахъ не ѣдятъ ни фазановъ, ни свѣжей икры.

Но моралисту можно было-бы отвѣтить:

— Взгляните на этихъ героевъ! Ихъ девять, но только двое изъ нихъ и, то пока, здоровы и невредимы. Всѣ остальные — инвалиды, калѣки, уже отдавшіе родинѣ кто руку, кто ногу, кто разбитую, изуродованную челюсть, а кто и нѣсколько реберъ, вырѣзанныхъ ножемъ хирурга... Такъ неужели-же эти подвижники долга, рискующіе ежесекундно своей жизнью, сбившіе не одинъ десятокъ непріятельскихъ аэроплановъ, не могутъ побаловать себя тѣмъ, чѣмъ строгій моралистъ, быть можетъ, постоянно балуетъ себя въ мирной, безмятежной обстановкѣ, въ глубокомъ тылу?

На стѣнахъ халупы жуткимъ зловѣщимъ напоминаньемъ висѣли обломки въ щепы разнесенныхъ пропеллеровъ, висѣли кожанные измятые шлемы тѣхъ, кто еще недавно пировалъ за этимъ самымъ столомъ, а теперь погибъ смертью храбрыхъ. Здѣсь привыкли къ этому страшному слову — «смерть». Здѣсь это будничное, прозаическое слово, утратившее свой загадочный, пугающій смыслъ. Здѣсь, за ужиномъ, нѣсколько разъ слышались краткіе, но вразумительные діалоги, отъ которыхъ съ непривычки струйкой по спинѣ пробѣгалъ холодокъ:

— А что съ такимъ-то?

— Угробился надъ непріятельскими позиціями.

— А гдѣ такой-то?

— Сгорѣлъ вмѣстѣ съ аппаратомъ въ нашемъ расположеніи.

Нѣтъ, положительно, эти воздушные чудо-богатыри имѣютъ право запивать шампанскимъ нѣжную, бѣлую мякоть фазана.

Когда мы кончили ужинать, мутно-сѣрый разсвѣтъ вливался въ оконца халупы.

Начальникъ отряда приказалъ:

— Попросите сюда повара, пусть онъ выпьетъ съ нами стаканъ вина и пусть дорогіе гости увидятъ, кто ихъ такъ на славу ублажилъ!

Появляется поваръ, весь въ бѣломъ и въ лихо сидящемъ на головѣ бѣлоснѣжномъ беретѣ. Увидѣвъ меня, онъ широко улыбается:

— Добро пожаловать, Юрій Спиридоновичъ!

— Вы меня знаете? — удивился я.

— Какъ же мнѣ васъ не знать? Я былъ шефомъ въ «Вилла Родэ».

Вотъ сюрпризъ...

Утромъ, послѣ безсонной ночи, хозяева-летчики стали готовиться къ своимъ воздушнымъ развѣдкамъ.

Убѣдительно предлагали мнѣ:

— Полетайте съ нами! Будетъ очень интересно. Сбросимъ нѣсколько бомбъ надъ германскими окопами...

Я посмотрѣлъ на обломки пропеллеровъ, на посмертные кожаные шлемы, на деревянныя руки и ноги семи молодыхъ офицеровъ, вспомнилъ, кстати, свой полетъ съ Зайкинымъ...

— Нѣтъ, благодарю васъ, у меня завтра концертъ въ Юрьевѣ.

— Да это пустяки. Полетъ и часу не протянется.

— Нѣтъ, покорнѣйше благодаримъ, что-то не хочется!

Я былъ твердъ и не далъ себя убѣдить.

Черезъ нѣсколько дней я концертировалъ въ Двинскѣ. Не успѣлъ пріѣхать, не успѣлъ остановиться въ гостиницѣ, какъ выростаетъ передо мною громадный солдатъ южнаго типа — дитя солнечной Хохландіи.

— Вы, такъ что будете, господинъ Морфесси?

— Да, это я. Въ чемъ дѣло, любезный?

— Такъ что приказано васъ доставить въ штабъ корпуса...

— Зачѣмъ?

— Не могу знать. Приказано немедля доставить!..

Такое начало не понравилось мнѣ. Да и самый характеръ приглашенія не сулилъ особенныхъ радостей. Въ то время шпіономанія процвѣтала на фронтѣ. Конечно, я слишкомъ былъ извѣстенъ именно въ военныхъ кругахъ, но почемъ знать, когда недоразумѣніе выяснится? Вечеромъ я долженъ былъ выступать въ концертѣ. Желая оттянуть вынужденный визитъ въ штабъ корпуса, я говорю здоровенному солдату:

— Видишь, голубчикъ, я не одинъ, со мной мои артисты.

— Ото и хорошо. Мени приказано усихъ узять!

Всѣхъ! Часъ отъ часу не легче. Ну, что-жъ, ѣхать такъ ѣхать!

Собралъ я свою маленькую труппу. Она тоже недоумѣваетъ, волнуется. Дѣлать нечего, будь, что будетъ!Выходимъ. Солдатъ помѣщаетъ насъ въ громадный штабной автомобиль, самъ садится рядомъ съ шофферомъ. Пріѣзжаемъ въ штабъ — деревянный, двухъэтажный особнякъ на самой окраинѣ Двинска. Солдатъ-конвоиръ вводитъ насъ въ большую переднюю съ телефонистомъ и гудящимъ, какъ майскій жукъ, полевымъ телефономъ. Мы топчемся, переглядываемся, осматриваемся. Я бросаю взглядъ въ чуть пріоткрытую дверь. Вижу въ сосѣдней комнатѣ длинный, предлинный столъ, отмѣнно сервированный. У меня отлегло. Столъ подсказалъ, что насъ потребо-

вали не къ допросу, а къ завтраку. Окончательно убѣдило меня въ этомъ появленіе редактора «Вечерняго Времени» Бориса Суворина въ формѣ вольноопредѣляющагося.

— Борисъ! Ты что здѣсь дѣлаешь? Вся эта мистификація, навѣрное, твоихъ рукъ дѣло?.. Какъ ты узналъ о моемъ пріѣздѣ?

— А, это секретъ стараго газетчика! Надѣюсь, теперь ты не въ претензіи?

— Теперь — нѣтъ, но нѣсколько непріятныхъ минутъ ты намъ все-же доставилъ этой таинственностью...

— Непріятныя минуты будутъ искуплены съ лихвой за этимъ столомъ, — сдѣлалъ Суворинъ жестъ по направленію сосѣдней комнаты.

Дальше... Что было дальше, я не помню. Не помню, какъ закончился завтракъ, не помню, какъ начался и прошелъ концертъ, не помню, какъ я очутился въ вагонѣ.

Только возвращеніе въ Петербургъ вернуло меня въ лоно реальной дѣйствительности.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Я — въ роли «похитителя» юной красавицы. Домъ Ліанозовыхъ. Нора Георгіевна. Нефтяникъ Ліанозовъ и клоунъ Жакомино.

Елисаветградъ. Переполненный концертный залъ. Помѣщики, городское чиновничество, два эскадрона кавалерійскихъ юнкеровъ въ блестящей формѣ, еврейская аристократія Елисаветграда, еврейскія дамы въ брилліантахъ.

Зрительный залъ не въ полумракѣ, а ослѣпительно горитъ огнями. Съ эстрады, исполняя одну пѣсню за другой, я вижу всѣхъ, кто сидитъ въ первыхъ рядахъ.

Моимъ вниманіемъ овладѣла очень красивая, лѣтъ 18, дѣвушка. Больше того — прекрасная. Здѣсь все — и красота внѣшняя, и духовное обаяніе, и что-то еще неотразимо влекущее. Именно такою была эта юная шатенка, въ свою очередь, не спускавшая съ меня своихъ восторженныхъ глазъ...

По окончаніи концерта молодежь хлынула въ исполнительскую комнату, гдѣ я все еще переживалъ не остывшія оваціи переполненнаго зрительнаго зала. Вмѣстѣ съ молодежью явилась и она, очаровательная шатенка перваго ряда, и я убѣдился, что и фигура у нея царственная. Оказалась она Маріей Загорской, дочерью крупнаго землевладѣльца и большого барина. Съ нею былъ братъ, молодой человѣкъ, пріятный, воспитанный, но ничѣмъ особенно не выдѣляющійся.

Молодежь, шумно запрудившая исполнительскую комнату, пригласила меня и моихъ артистовъ ужинать въ кабинетѣ той самой гостиницы, гдѣ я остановился.

Хозяйкою ужина была Загорская. Мы сидѣли рядомъ, много говорили, и я вынесъ впечатлѣніе о ней, какъ о развитой, умной и самостоятельной дѣвушкѣ. Послѣднее было даже не совсѣмъ обычно для барышни съ институтскимъ воспитаніемъ, а Маруся Загорская окончила харьковскій институтъ, и не какъ-нибудь, а съ шифромъ.

На другой день мы, птицы перелетныя, двигаемся дальше въ харьковскомъ направленіи. Всѣ тѣ, что чествовали насъ ужиномъ, плюсъ еще посторонняя публика, всѣ громадной толпою густились передъ курьерскимъ поѣздомъ, вотъ-вотъ готовымъ тронуться. Стоя на площадкѣ вагона перваго класса, я едва успѣвалъ отвѣчать на вопросы и прощальныя привѣтствія моихъ новыхъ многочисленныхъ знакомыхъ. Среди нихъ — и Загорская. Но я тогда только замѣтилъ въ ея рукѣ небольшой дорожный несессеръ, когда она легко и плавно поднялась по ступенькамъ вагона, очутившись рядомъ со мной.

Замѣтивъ это, ея братъ съ недоумѣніемъ и не безъ тревоги спросилъ ее:

—Маруся, это еще что такое?

— Я провожаю Юрія Спиридоновича, — съ вызовомъ бросила она.

Это произвело впечатлѣніе на толпу ея подругъ и поклонниковъ и больше всего на ея брата.

— Глупости, — заволновался онъ, — если это шутка, она совсѣмъ неумѣстная. Сойди сейчасъ-же!

— И не подумаю! Я твердо рѣшила и будетъ такъ, какъ я желаю.

Братъ настолько потерялъ самообладаніе, что поспѣшилъ прибѣгнуть къ содѣйствію браваго жандарма-вахмистра.

— Вахмистръ, вы меня знаете. Потрудитесь данной вамъ властью снять съ поѣзда мою сестру, самовольно покидающую родительскій домъ.

Все кругомъ насторожилось.

Вахмистръ, звякнувъ шпорами и поднявъ къ фуражкѣ большую руку въ бѣлой перчаткѣ, обратился къ Загорской:

— Такъ что, барышня, во избѣжаніе недоразумѣній, потрудитесь оставить вагонъ.

Загорская, вспыхнувъ, гордо выпрямилась.

— Я совершеннолѣтняя и сама отвѣчаю за всѣ мои дѣйствія и поступки. Мой паспортъ въ порядкѣ, вотъ онъ, потрудитесь взглянуть.

Жандармъ перелисталъ паспортъ, вернулъ его Загорской и смущенно сказалъ ея брату:

— Онѣ вполнѣ въ своемъ собственномъ правѣ, я ничего не могу сдѣлать...

До сихъ поръ я безмолвствовалъ, но въ этотъ моментъ почувствовалъ, физически почувствовалъ, что я долженъ что-то сказать! И я сказалъ преувеличенно громко, чтобы слышалъ не только молодой Загорскій, но всѣ бывшіе на перронѣ:

— Марія Николаевна моя невѣста!

Это не былъ съ моей стороны красивый жестъ мужчины, спасающаго доброе имя барышни общества. Это было сказано искренно и продуманно. Я былъ влюбленъ въ это дивное существо и почелъ-бы за счастье соединить обѣ наши жизни въ одну. Мое твердое заявленіе дало надлежащіе результаты. Насыщенная электричествомъ атмосфера поуспокоилась, притихла, да и Загорскій, утративъ свою воинственность, сталъ ручнымъ. Я его обезоружилъ.

Не успѣли мы отъѣхать двухъ-трехъ станцій, какъ Загорской пришла мысль:

— Знаете, вотъ было-бы восхитительно! Заѣдемъ на нѣсколько дней погостить къ моей теткѣ въ Саратовскую губернію...

И я нашелъ эту мысль восхитительной. Я нашелъ-бы восхитительнымъ все, что только исходило-бы отъ нея. Пришлось не только мѣнять маршрутъ, а не оставить отъ него камня на камнѣ. Я объявилъ моей труппѣ десятидневный перерывъ, но труппа, узнавъ, что и она приглашена погостить въ большую, богатую усадьбу, пошла на это съ живѣйшей охотою.

Въ саратовскую глушь полетѣла телеграмма. Имѣніе отъ станціи было верстахъ въ 50-ти. Дѣло было зимою. За нами выслали нѣсколько саней-розвальней. Такъ какъ дорога была узкая и не совсѣмъ еще укатана, лошади были запряжены цугомъ, одна за другой — гуськомъ. Кучера въ совершенствѣ управлялись съ этой трудной упряжкой, доставая длиннѣйшимъ бичемъ переднюю лошадь.

Послѣ нашихъ кочевыхъ скитаній съ поѣзда въ гостиницу, изъ гостиницы на поѣздъ, какимъ наслажденіемъ было впивать въ себя чистый морозный воздухъ и любоваться бѣгущими безъ конца краю снѣжными равнинами.

Тетушка встрѣтила всѣхъ насъ съ поистинѣ старо-помѣщичьимъ радушіемъ; закармливали насъ обильно, сытно и тонко. Музыка, пѣнье, поѣздки къ сосѣдямъ — все это было такъ ново, свѣжо, захватывающе. Мнѣ вспоминались святки въ усадьбѣ Ростовыхъ, такъ геніально описанныя Толстымъ. Да и развѣ моя невѣста во всей своей красѣ русской дѣвушки не была восторженной, поэтической Наташей?

Какъ сонъ пролетѣла недѣля, и тѣ же розвальни, такъ же запряженныя цугомъ повезли насъ на станцію. Мы кое-какъ закончили наши гастроли, и я поспѣшилъ въ Петербургъ, гдѣ моя невѣста поселилась у меня на Каменноостровскомъ.

Сенсаціонная новость, что Морфесси вернулся изъ своего турнэ съ молодой невѣстой-красавицей, облетѣла всю столицу. Телефоннымъ звонкамъ, поздравленіямъ, пожеланіямъ и личнымъ, и письменнымъ не было конца. Насъ чествовали, насъ пригла-

шали на обѣды и завтраки. Такое подчеркнутое вниманіе, помимо всего, объяснялось еще и тѣмъ, что невѣста моя была существомъ совершенно изъ другой среды, нежели та, изъ которой артисты берутъ себѣ женъ. И былъ еще привкусъ чего-то пряно-эффектнаго. Дѣвушка изъ старой дворянской семьи, убѣжавшая съ артистомъ — это было ново, если не считать Мамонта Дальскаго, женившагося на графинѣ Стенбокъ-Ферморъ. Особенно пышно чествовали жениха и невѣсту мои друзья-офицеры 1-го желѣзно-дорожнаго Его Величества батальона. Въ своемъ собраніи, на Семеновскомъ плацу, они устроили намъ пышный обѣдъ. За обѣдомъ гремѣлъ оркестръ, смѣнявшійся хоромъ батальонныхъ пѣсенниковъ. Нескончаемые тосты, самыя горячія пожеланія. Финалъ обѣда и нашъ отъѣздъ превратились уже въ настоящій тріумфъ. На всемъ пути отъ столовой и до подъѣзда шпалерами вытянулись музыканты и пѣсенники, мы съ Маріей Николаевной посажены были въ массивныя кресла, и офицеры, неся эти кресла высоко надъ головами, сошли внизъ къ поджидавшему насъ автомобилю. Мы уже уѣхали, а вслѣдъ неслись изступлённо-радостные крики друзей.

Мнѣ такъ понравились эти пѣсенники и балалаечный оркестръ, что я отправился къ командиру — просить его разрѣшенія — отпустить пѣсенниковъ и оркестръ на мой ближайшій концертъ въ Маломъ залѣ консерваторіи. Ходатайство мое горячо поддерживали два офицера батальона: полковникъ Афанасьевъ и Раля Казбекъ — молодой красавецъ офицеръ, трагическая кончина котораго такъ ярко подчеркиваетъ значеніе непреложной судьбы въ жизни человѣка. Два его брата были убиты на войнѣ. И Государь Императоръ лично пожелалъ, чтобы третій и послѣдній сынъ генерала Казбека оставался въ Петербургѣ при Его Величествѣ, дабы избѣжать участи своихъ старшихъ братьевъ. Но судьбѣ угодно было распорядиться иначе: въ день свадебной поѣздки его автомобиль

наскочилъ на шлагбаумъ, и всѣ сидѣвшіе въ автомобилѣ, въ томъ числѣ и его молодая жена, остались невредимы, а Раля былъ убитъ на мѣстѣ!..

Вспоминаю слова изъ «Фауста»:

«Что кому суждено, съ тѣмъ то и приключится.
«Отъ смерти не уйдетъ никто, когда наступитъ
часъ.
«Таковъ небесъ законъ...»

Возвращаюсь къ концерту. Когда на сценѣ Консерваторіи появилось 100 съ лишнимъ солдатъ-пѣсенниковъ и раздалась команда:

— Смирно! На мѣстѣ, шагомъ аршъ!

И подъ мѣрный ритмъ полилась лихая казачья пѣсня «Изъ-за лѣса, лѣса копей и мечей ѣдетъ сотня казаковъ-усачей», — весь залъ всталъ съ своихъ мѣстъ и оваціямъ не было конца.

Это, кажется, единственный случай, когда на частномъ концертѣ выступала воинская гвардейская часть.

Этотъ концертъ особенно памятенъ мнѣ еще тѣмъ, что послѣ моего выступленія полковникъ Д. Ломанъ, сопутствуемый делегаціей сестеръ Царскосельскихъ лазарстовъ имени Государыни, Великихъ Княженъ и Наслѣдника Цесаревича, поднесъ мнѣ на голубой бархатной подушкѣ серебряный, золоченный лавровый вѣнокъ и фотографическую группу Высочайшей Семьи въ формахъ сестеръ милосердія.

Надо-ли говорить, какъ реагировала на это публика?.. Но этимъ вечеръ еще не закончился. Въ послѣднемъ отдѣленіи, когда я подъ аккомпаниментъ всѣхъ петербургскихъ соединенныхъ цыганскихъ хоровъ, подъ управленіемъ знаменитаго Алексѣя Шишкина, запѣлъ старинную цыганскую пѣсню:

«Полно было влюбляться!..»

и подъ конецъ пѣсни артисты императорскаго балета — Женичка Лопухова и Шура Орловъ, въ русскихъ костюмахъ, начали плясать, — стоявшій въ глубинѣ эстрады, у органа, заслуженный артистъ

Александринскаго театра Вл. Ник. Давыдовъ не выдержалъ и пустился съ платочкомъ въ плясъ вмѣстѣ съ ними.

Что тутъ произошло и съ публикой, и артистами, и съ цыганами, и со мною, — описать нельзя.

Вспоминаю сердечный пріемъ, какой мы встрѣтили въ домѣ Ліанозовыхъ — Норы Георгіевны и Давида Ивановича. Домъ и семья, на которыхъ нельзя не остановиться. Въ жизнь и бытъ петербургскаго артистическаго міра Ліанозовы вписали незабываемыя страницы.

Можно было еще назвать дома и родовой и финансовой аристократіи, гдѣ часто бывали артисты, гдѣ они пѣли, декламировали, музицировали, но нигдѣ не было къ нимъ такого дружественно-сердечнаго отношенія, какъ у Ліанозовыхъ. И надо отдать справедливость: главная заслуга въ этомъ Норы Георгіевны, женщины съ душою глубокой и чуткой... Правда, и покойный супругъ ея, Давидъ Ивановичъ, былъ человѣкомъ рѣдкихъ качествъ, но онъ прежде всего былъ крупнымъ нефтяникомъ, въ кабинетѣ котораго задумывались и осуществлялись многомилліонныя операціи. Сначала — это, а потомъ уже нѣсколько пріятныхъ часовъ въ обществѣ знакомыхъ артистовъ. Досугъ отъ крупныхъ дѣлъ съ длинными рядами цифръ.

И вотъ Нора Георгіевна, эта полька по крови и большая русская женщина по духу, своимъ обаяніемъ и умомъ, блескомъ всѣмъ и вся интересующейся натуры, сумѣла эту атмосферу важнаго и замкнутаго нефтяного Олимпа смягчить, оживить и опоэтизировать притокомъ артистическаго элемента. Нельзя сказать, чтобы это давалось ей безъ борьбы съ консервативнымъ, по сравненію съ ней, мужемъ.

Чаще другихъ бывала у Ліанозовыхъ и теплѣе, родственнѣе принималась слѣдующая группа: ар-

тистъ Н. Ходотовъ, виртуозъ балалаечникъ В. В. Абаза, Саша Макаровъ, Федя Рамшъ, де-Лазари, Лопухова, Орловъ, еще нѣсколько человѣкъ, и я. Эта наша группа дружила съ клоуномъ Жакомино, остроумнымъ, деликатнымъ и вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ, всегда съ иголочки одѣтымъ.

Намъ хотѣлось ввести Жакомино и въ домъ Ліанозовыхъ. Сама Нора Георгіевна охотно пошла навстрѣчу этому желанію и вмѣстѣ со всей нашей группою пригласила Жакомино къ большому званому обѣду. Давидъ Ивановичъ энергично воспротивился:

— Нѣтъ, это ужъ черезчуръ! Какъ ты себѣ хочешь, Норочка, но у насъ въ домѣ клоунъ бывать не будетъ! Только еще циркачей не хватало!

— Жакомино приглашенъ къ обѣду, и будетъ нашимъ гостемъ, — не сдавала своихъ позицій Нора Георгіевна.

Мужъ, всегда въ концѣ концовъ уступавшій женѣ, на этотъ разъ проявилъ исключительное упрямство:

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Я, какъ хозяинъ дома, категорически не желаю сидѣть у себя за столомъ съ какимъ-то шутомъ гороховымъ!

Переубѣдить Ліанозова было нельзя. Тогда Нора Георгіевна отважилась на героическое средство:

— Въ такомъ случаѣ, угощай и принимай всѣхъ самъ! Меня дома не будетъ, я уѣду на весь вечеръ.

Но и это героическое средство не возымѣло успѣха: Давидъ Ивановичъ остался непреклоннымъ. Нора Георгіевна уѣхала, обѣдъ состоялся безъ нея. И сразу почувствовалось отсутствіе этой женщины, съ такимъ неподражаемымъ тактомъ объединявшей своихъ гостей. Душа Ліанозовскаго дома отлетѣла. Мы, артисты, были сами по себѣ, промышленники, дѣльцы и нефтяники, сами по себѣ. Разговоръ не клеился, вялая скука охватила всѣхъ. Увидѣвъ это, Давидъ Ивановичъ призналъ себя побѣжденнымъ.

Затрещалъ по всѣмъ направленіямъ телефонъ. Черезъ нѣсколько минутъ Ліанозовъ напалъ на слѣдъ жены.

— Ну, хорошо, пріѣзжай со своимъ клоуномъ, но только пріѣзжай поскорѣе!

Такъ Жакомино узаконенъ былъ въ своихъ правахъ въ домѣ Ліанозовыхъ, и почтеннаго Давида Ивановича не покоробило не только присутствіе клоуна за столомъ, но и его сосѣдство съ Манташевымъ, или Путиловымъ. Единственный разъ Давидъ Ивановичъ получилъ урокъ, что значитъ отсутствіе хозяйки, этой видной, красивой, голубоглазой блондинки, всегда со вкусомъ одѣтой Норы Георгіевны, умѣвшей не только привлекать сердца, но и съ непревзойденнымъ искусствомъ занимать гостей, будь это гармонистъ, пѣвецъ, ученый, финансистъ или государственный дѣятель.

Денежные гонорары артистамъ, принятые въ другихъ домахъ, у Ліанозовыхъ не имѣли мѣста. И опять таки сказывался рѣдкій тактъ — боязнь обидѣть артиста ролью наемнаго увеселителя. Зато каждый выступавшій у Ліанозовыхъ пѣвецъ или музыкантъ получалъ на слѣдующій день какой-нибудь цѣнный подарокъ, — либо персидскій коверъ, либо столовый сервизъ, либо золотую бездѣлушку съ камнями.

Этотъ большой домъ, гдѣ все было на широкую барскую ногу, жилъ настоящей жизнью богемы. Къ Ліанозовымъ, не считаясь съ временемъ, можно было пріѣхать, когда угодно. У Ліанозовыхъ, кромѣ заведенныхъ часовъ обѣда и завтрака, можно было всегда поѣсть и попить.

Помню, это было въ первые дни большевизма. Петербургъ очутился во власти разнузданныхъ солдатскихъ бандъ. Во всю шла вакханалія грабежа винныхъ погребовъ. Восемь дней эти потерявшіе обликъ человѣческій орды громили погребъ Зимняго Дворца. Одни напивались до безчувствія и тутъ же умирали, большинство же дѣлало изъ этого коммерцію. Солдаты, наложивъ въ мѣшокъ десятокъ-другой буты-

локъ со старымъ безцѣннымъ коньякомъ, венгерскимъ, со всевозможными ликерами, взваливъ этотъ мѣшокъ на спину, разбазаривали свою добычу. Изъ погреба Зимняго Дворца они растекались по всему Петербургу.

Въ одинъ изъ этихъ траурныхъ дней, когда на душѣ особенно скребли черныя кошки и когда особенно угнетало одиночество, я вызвалъ къ себѣ по телефону оркестръ «Виллы Родэ», еще кое-кого изъ друзей и опереточную примадонну Н. К. Дмитріеву.

Начался шумный загулъ. На днѣ стакановъ, подъ веселые звуки оркестра, такъ хотѣлось найти хотя-бы минутное забвенье отъ мерзкой, чудовищной дѣйствительности.

Уже третій часъ ночи. Телефонный звонокъ. У аппарата Нора Георгіевна Ліанозова.

— Юрій, ты что дѣлаешь?

— Пытаюсь забыться.

— Приходи къ намъ.

— Съ удовольствіемъ, но я не одинъ.

— А кто у тебя?

Я перечислилъ моихъ гостей.

— Забирай ихъ всѣхъ, и къ намъ!

Въ то время никакихъ способовъ передвиженія не было, кромѣ способа пѣшаго хожденія. И вотъ глубокой зимней ночью, среди мрака и гололедицы, мы всей компаніей потянулись по Каменноостровскому. Шелъ я, шли мои гости, шли музыканты со своими инструментами, и страннымъ силуэтомъ казался маленькій человѣкъ, придавленный тяжестью громаднаго контрабаса. Спотыкаемся, чертыхаемся, проклинаемъ Керенскаго. Наконецъ, мы у дома Россійскаго Страхового Общества, гдѣ жили наши друзья Ліанозовы. Въ нѣсколько очередей я поднялъ на лифтѣ всѣхъ, и когда мы накопились на площадкѣ передъ квартирою Ліанозовыхъ, по сигналу, данному мною, оркестръ оглушительно грянулъ старо-егерскій маршъ, потрясшій весь колоссальный особнякъ со всѣми его портиками, флигелями и крыльями.

Распахивается дверь, на порогѣ Нора Георгіевна.

— Юрій, сумасшедшій, только ты можешь придумать что нибудь подобное!

У Ліанозовыхъ мы продолжали начатое у меня весь остатокъ ночи, весь день до семи часовъ вечера. Да и въ семь вечера загулъ прекратился потому лишь, что оркестръ долженъ былъ явиться въ «Вилла Родэ» къ исполненію своихъ обязанностей. Музыканты потащились пѣшкомъ въ Новую Деревню, неся на себѣ свои инструменты и напоминая бродячій оркестръ.

Эта глава была бы неполной, если-бы я не закончилъ ее въ нѣсколькихъ словахъ тѣмъ, какъ разстроилась моя свадьба съ Маріей Николаевной Загорской. Для этого надобно вернуться нѣсколько назадъ къ предреволюціонному времени Великой Войны.

Какъ я уже сказалъ, невѣста жила у меня. У насъ было рѣшено: я сдѣлаю двухмѣсячную сибирскую поѣздку, вернусь, и мы тотчасъ же обвѣнчаемся.

Вернулся я въ указаный срокъ, но, увы, обвѣнчаться намъ не суждено было. Прямо съ вокзала мчусь домой и первый вопросъ швейцару:

— Марія Николаевна дома?

— Такъ что ихъ уже съ недѣлю какъ нѣтъ.

— Что такое? — не вѣрю я ушамъ своимъ.

— Нѣтъ ихъ, Юрій Спиридоновичъ. Уѣхали навсегда. Баринъ, папенька ихъ, пріѣзжали и увезли къ себѣ Марію Николаевну.

Я превратился въ соляной столбъ. Это былъ большой ударъ, послѣ котораго я долго не могъ оправиться...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Я — кино-артистъ. Какъ я крутилъ фильмъ: «Петля Смерти». Пруссаки на Каменномъ Островѣ — живой анекдотъ съ М. В. Родзянко.

Опишу, какъ я игралъ для кино или, говоря по современному, какъ я «крутилъ».

Въ тѣ годы, передъ самой войною, наша кинематографія успѣла проявить себя весьма и весьма замѣтно, и какъ это ни странно, Петербургъ въ этомъ нисколько не былъ повиненъ. Всѣ лавры приходились на долю Москвы. Ханжонковъ, Ермольевъ, Тиманъ и Рейнгардтъ выбрасывали на рынокъ одну картину за другой, соперничали «ведеттами» и, вообще, оставалось только радоваться.

Не только въ одной кинематографической области, но и въ болѣе серьезныхъ видахъ искусства, Бѣлокаменная шла впереди Сѣверной Пальмиры и была очагомъ свѣжихъ теченій въ музыкѣ, драмѣ, оперѣ, живописи и поэзіи. Но это всѣмъ извѣстно и, отмѣтивъ это мимоходомъ, возвращаюсь къ моимъ воспоминаніямъ.

Да, Петербургъ безмолвствовалъ. Не было ни одного павильона, ни одной кинофабрики, не было, вообще, съемокъ, за исключеніемъ развѣ чисто репортажнаго жанра. Но, кажется въ 1912 г., возникло Общество «Вита» съ двумя офицерами во главѣ — поручикомъ конной артиллеріи Гельгаромъ и поручикомъ запаса уланомъ Ея Величества, Адлербергомъ. Молодые, полные огня и увлеченія «Великимъ Нѣ-

мымъ», они бодро и живо взялись за дѣло и выпустили картину, которая двухтысячнымъ метражемъ своимъ, обиліемъ дѣйствующихъ лицъ и увлекательностью и разнообразіемъ дѣйствія побила все вышедшее на московскомъ рынкѣ. Это былъ «Борецъ подъ черной маской», по сценарію Брешко-Брешковскаго. Лучшіе атлеты-борцы Россіи и Европы, подвизавшіеся тогда въ Петербургѣ, были въ этой картинѣ простыми фигурантами. «Борецъ подъ черной маской» прошелъ съ успѣхомъ не только у насъ, но и во всей Европѣ, гдѣ былъ распространенъ фирмою братьевъ «Патэ», купившей въ собственность ленту для Запада и для Америки.

Адлербергъ и Гельгаръ, окрыленные этимъ успѣхомъ, поспѣшили заказать Брешко-Брешковскому новый сценарій и тоже изъ цирковой жизни. Это и была драма «Петля Смерти», гдѣ совершенно неожиданно для себя самого приглашенъ былъ я на роль «любовника-злодѣя». Я былъ усерднымъ посѣтителемъ кинематографа, но самому крутить — это если и приходило мнѣ въ голову, то весьма неопредѣленно и смутно. Да и гдѣ крутить, у кого? Въ Петербургѣ, какъ я уже сказалъ, до возникновенія «Виты» была въ этомъ отношеніи пустыня Аравійская, а въ Москвѣ уже прочно сидѣли на своихъ мѣстахъ и Мозжухинъ, и Максимовъ, и Руничъ, и Полонскій.

Однажды я пріѣхалъ позавтракать къ Контану. Въ обширномъ вестибюлѣ стояли уже безъ верхняго платья плотный, румяный Гельгаръ, превратившійся изъ конно-артиллериста въ летчика и двое въ статскомъ — Брешко-Брешковскій и тонкій, изящный Адлербергъ. Я попалъ къ Контану сразу послѣ похоронъ, уже не помню чьихъ, и былъ въ цилиндрѣ, въ черномъ двубортномъ, перетянутомъ въ таліи модномъ пальто и въ бѣлыхъ перчаткахъ съ черными жилками. Въ рукахъ у меня была трость. И такъ я шелъ прямо на упомянутыхъ двухъ кинодиректоровъ и писателя-романиста, чтобы поздороваться съ ними.

И всѣ трое въ одинъ голосъ:

— Вотъ, вотъ именно такимъ онъ намъ и нуженъ, со всей своей фигурой, съ цилиндромъ, пальто и перчатками!

Черезъ нѣсколько минутъ мы сидѣли за столомъ, и пока степенный татаринъ-лакей подавалъ намъ закуски, выяснилось, зачѣмъ я былъ нуженъ. Они уже давно искали и не могли найти «героя» для «Петли Смерти». Этотъ герой долженъ быть свѣтскимъ человѣкомъ, спортсмэномъ, долженъ безукоризненно одѣваться, долженъ ѣздить верхомъ и, конечно, умѣть играть, и не долженъ уклоняться отъ такихъ трюковъ, которые могутъ повлечь за собою непріятныя физическія ощущенія и неудобства. Фактъ приглашенія показалъ, что внѣшнимъ требованіямъ я соотвѣтствую. А вотъ относительно трюковъ съ возможностью физическихъ поврежденій я попросилъ высказаться опредѣленнѣе.

Мнѣ тотчасъ же пояснили:

— Финальный трюкъ? Извольте... Герой сидитъ въ барьерной ложѣ, въ такомъ же цилиндрѣ и такомъ же пальто и, ничего не подозрѣвая, становится жертвой мести своего соперника. Месть заключается въ слѣдующемъ: наѣздникъ - ковбой сознательно дѣлаетъ ошибку. Мчась по кругу, онъ, свистя въ воздухѣ своимъ лассо, захлестываетъ петлею васъ, вмѣсто клоуна, который по плану заговорщиковъ долженъ стоять рядомъ съ вашей ложей. И вотъ здѣсь то для васъ тридцать, сорокъ секундъ мало пріятныхъ. Ковбой волочитъ васъ съ петлею на шеѣ по песку арены за своей лошадью, и хотя опасностью для жизни это не грозитъ, но удовольствія мало. Если это васъ не смущаетъ, мы сейчасъ же ударимъ по рукамъ, а завтра подпишемъ контрактъ...

Я не колебался ни одного мгновенія. Было бы малодушіемъ колебаться. Наоборотъ, любопытный трюкъ манилъ меня, да и, вообще, перспектива сыграть первую роль въ интересной картинѣ сулила и артистическое удовольствіе, и чисто человѣческое и новизну впечатлѣній...

Приступили къ съемкамъ; я былъ тотчасъ же ими захваченъ. Какая смѣна впечатлѣній и мѣста! Какія чисто кинематографическія перебрасыванья изъ павильона въ Лѣтній садъ, изъ Лѣтняго сада на Острова, съ Островов въ Циркъ Модернъ, ожидающій насъ и освѣщенный гудящими, ослѣпительно яркими «Юпитерами».

«Петля Смерти» заняла у насъ около трехъ недѣль. Изъ мужскихъ ролей остался у меня въ памяти Кайсаровъ на лошади, выступавшей испанскимъ шагомъ; изъ женскихъ — «королева пластическихъ позъ» въ исполненіе А. Е. Брешко-Брешковской.

Признаться, я не безъ волненія готовился къ трюку съ ковбоемъ, съ его лассо на моей собственной шеѣ. Но отчасти мой личный опытъ стараго актера, отчасти опытъ ставившихъ картину руководителей, все это сгладило непріятныя возможности, и вся эффектная сцена прошла безболѣзненно и вполнѣ гладко. Но зато, когда на парадномъ просмотрѣ я увидѣлъ себя на экранѣ, я самъ заднимъ числомъ ужаснулся — до того моментъ вышелъ и трагическимъ, и жуткимъ.

«Петля Смерти» сразу дала мнѣ кинематографическое имя, и я получилъ рядъ приглашеній «крутить», какъ отъ «Виты», такъ и съ ея легкой руки отъ вновь создавшихся предпріятій. Крутилъ я въ «Княгинѣ-цыганкѣ» и въ «Злыхъ Коршунахъ» по романамъ графини Сологубъ, въ «Веселомъ Мертвецѣ» Аркадія Бухова и въ большой патріотической картинѣ, — это уже въ годы войны.

Фабула картины была навѣяна разгромомъ Калиша нѣмцами. Я изображалъ чиновника, котораго знаменитый майоръ Прейскеръ хотѣлъ разстрѣлять, и который, чудомъ спасшійся, уже какъ доброволецъ появляется на театрѣ военныхъ дѣйствій. Воздушныя сцены мы снимали, конечно, на Островахъ, гдѣ нашей базою для переодѣванья, грима и питанія былъ особнячекъ примадонны Дмитріевой. Она же, Дмитріева,

играла центральную женскую роль въ картинѣ, и по сценарію я былъ въ нее влюбленъ.

Эти съемки ознаменовались анекдотическимъ курьезомъ, въ тотъ же день облетѣвшимъ весь Петербургъ. Дѣло было такъ. Взводъ нѣмецкихъ солдатъ, — нашихъ русскихъ артистовъ, одѣтыхъ въ походную форму прусскихъ гвардейцевъ, — мундиры, каски, винтовки, все какъ слѣдуетъ, — ведетъ меня на разстрѣлъ. А я, какъ и подобаетъ герою, спокойно и гордо шествую на смерть.

Въ этотъ самый моментъ мимо проѣзжаетъ въ автомобилѣ предсѣдатель Государственной Думы Михаилъ Владиміровичъ Родзянко. Увидѣвъ марширующихъ пруссаковъ, онъ задержалъ свою машину и потребовалъ объясненій.

— Что это значитъ? Нѣмцы въ военной формѣ на Каменномъ Островѣ?

Мы объяснили Родзянко, что это инсценировка, что это одинъ изъ кусковъ «патріотическаго фильма». Родзянку это не убѣдило. Онъ помчался въ городъ и, какъ мы узнали позже, началъ звонить по телефону и градоначальнику, и командующему петербургскимъ военнымъ округомъ, и еще какимъ-то генераламъ.

Черезъ часъ къ мѣсту происшествія подошелъ взводъ конныхъ полицейскихъ во главѣ съ офицеромъ.

— Гдѣ здѣсь у васъ германскіе солдаты?

Недоразумѣніе было выяснено, офицеръ хохоталъ отъ души, и мы пригласили его на дачу Дмитріевой позавтракать съ нами и выпить коньяку.

Картина въ первый разъ шла въ «Паризіанѣ». Вереница колясокъ и автомобилей тянулась безъ конца вдоль Невскаго. Театръ былъ переполненъ. Демонстрація картины сопровождалась гимномъ, и неописуемъ былъ патріотическій подъемъ зрителей. Въ антрактѣ шелъ сборъ на нужды войны; мужчины давали ассигнаціи, а нѣкоторыя дамы снимали съ себя драгоцѣнныя броши и серьги.

Сцена, гдѣ на экранѣ герой увлекаетъ за собой въ атаку цѣпь солдатъ, сопровождалась бурными оваціями и по адресу патріота-героя и по моему собственному. Апплодировали живому во плоти и крови Морфесси, сидѣвшему въ ложѣ, не отдѣляя его отъ Морфесси, бросившаго на нѣмцевъ роту своихъ солдатъ.

Съ тѣхъ поръ я больше не снимался. И вотъ сейчасъ, когда Великій Нѣмой заговорилъ и запѣлъ, у меня появилось желаніе записать свои пѣсни на кинематографической пленкѣ. Скоро будетъ готовъ мой сценарій экранной драмы, въ которой я хочу воскресить нѣкоторыя бытовыя черты дореволюціонной Россіи и эпизоды изъ современной намъ заграничной бѣженской жизни, запечатлѣть на экранѣ мои пѣсни и себя въ роли стараго русскаго барина.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Большевицкія привиллегіи артистамъ. Переѣздъ изъ Петербурга въ Кіевъ. Бѣгство изъ самостійной Украины въ Одессу. Я — комендантъ «греческаго» поѣзда.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ я коснулся начала большевизма въ Петербургѣ. Было ужасно, хотя этотъ ужасъ мы, артисты, ощущали въ меньшей мѣрѣ, нежели вся остальная буржуазія. На первыхъ порахъ совѣтская власть кокетничала съ нами и осыпала исключительными привиллегіями... съ ея точки зрѣнія. Эти привиллегіи сводились къ тому, что насъ не разстрѣливали и въ то время, какъ все населеніе голодало, мы, вдоволь покривлявшись въ какомъ-нибудь театрѣ передъ красноармейскимъ и комиссарскимъ хамьемъ, получали за это немного муки и немного сахару.

Вначалѣ еще кое-какъ перебивались частные театры и театрики. Одинъ изъ такихъ театриковъ работалъ на Невскомъ. Это было небольшое помѣщеніе подъ кинематографомъ «Паризіана». А въ этомъ театрикѣ работалъ я.

Пою что-то механически и по обязанности, — куда дѣвались прежнія настроенія и подъемъ, — и обозрѣваю почтеннѣйшую публику. Вижу, развалился въ первомъ ряду матросъ Гвардейскаго Экипажа съ чемоданчикомъ на колѣняхъ. А когда я кончилъ свой номеръ, этотъ же самый матросъ съ этимъ же самымъ чемоданчикомъ ввалился ко мнѣ въ уборную и всю ее заполнилъ своей громадной фигурой.

— А и здорово-же поете вы, товарищъ Морфесси! Такъ здорово, даже выпить охота съ вами!

— Пить нечего, — угрюмо отвѣтилъ я.

— Какъ нечего? А что это? — хлопнулъ онъ своей лапищей по чемоданчику. Тамъ оказалось двѣ бутылки шампанскаго «Монополь» и еще какіе-то ликеры.

Все это и было нами выпито тутъ же въ уборной.

Давно я не пилъ ни того, ни другого. Вообще, когда терпишь лишенія, развивается какая-то животная жажда ѣсть и пить, пить и ѣсть. Вотъ почему, будучи уже въ веселомъ настроеніи послѣ матросскаго угощенія, я обрадовался, когда меня пригласилъ къ себѣ на вечеринку одинъ чиновникъ. Я поѣхалъ къ нему вмѣстѣ съ А. Н. Васильевой и мы вдоволь отвели душу, полакомившись такими вещами, коихъ вкусъ даже сталъ забываться.

Глубокая ночь. Пора по домамъ. Вышелъ я на темную, пустынную улицу Песковъ, — 7-я Рождественская, — и закричалъ:

— Извозчикъ! Извозчикъ!

Извозчика нѣтъ какъ нѣтъ. Но вдругъ налетѣлъ откуда то патруль изъ пяти всадниковъ. Впереди на чудесной арабской лошади, сѣрой въ яблокахъ, какое то подобіе кавалерійскаго офицера.

Звонкій окрикъ:

— Чего орешь, — готовый перейти въ трехэтажное ругательство, но передній всадникъ, нагнувшись и оглядѣвъ меня, воскликнулъ:

— Ахъ, это вы, Морфесси! Въ чемъ дѣло?

— Да вотъ извозчиковъ нѣтъ, ѣхать не на чемъ.

Начальникъ патруля приказалъ своимъ людямъ:

— Двое налѣво, двое направо! Доставить извозчика, да поживѣе!

Только искры посыпались изъ подъ копытъ. Я залюбовался арабскимъ скакуномъ начальника патруля. Онъ это замѣтилъ и объяснилъ мнѣ: — Великаго Князя Николая Николаевича. Минутъ черезъ двад-

цать, сломя голову, несется извозчикъ, конвоируемый всадниками.

Сталъ накрапывать дождь. Извозчикъ поднялъ верхъ пролетки. Я усадилъ Васильеву, и мы поѣхали вдоль Невскаго къ Адмиралтейству. У Фонтанки насъ задержалъ пѣшій патруль. Матросъ съ георгіевскими ленточками на безкозыркѣ заглянулъ въ пролетку.

— Ахъ, это вы, товарищъ Морфесси! Пропустите, товарищи.

И я узналъ его рожу. Наканунѣ онъ былъ распорядителемъ на концертѣ 2-го Флотскаго Экипажа, гдѣ мы выступали съ Владиміромъ Николаевичемъ Давыдовымъ, получивъ за это по мѣшечку бѣлой муки и по фунту сахару.

Всѣ эти привиллегіи мало меня тѣшили, и я подумывалъ все чаще и чаще объ оставленіи зачумленнаго Петербурга. Какъ разъ въ это время кино-дѣятель Дранковъ прислалъ изъ гетманскаго Кіева вѣрнаго человѣка, поручивъ ему сманить меня на Украину на гастроли, подъ которые Дранковъ получилъ уже авансъ.

Тогда всѣ вѣрили въ скорое паденіе большевиковъ. Вѣрилъ и я. И поэтому уѣхалъ налегкѣ, съ однимъ чемоданчикомъ, положивъ въ него фракъ, поддевку, да кое-что изъ бѣлья. Тогда еще ходили спальные вагоны. Такимъ образомъ доѣхалъ я до Орши со всѣми удобствами. Мой багажъ изъ одного чемоданчика распухъ до 19 мѣшковъ, сундуковъ и узловъ. Это остальные пассажиры надавали мнѣ до украинской границы.

— Вы извѣстный артистъ, у васъ ничего не возьмутъ, а насъ могутъ ограбить до чиста.

Ставка на меня оправдалась. Чекисты, рывшіеся въ пассажирскомъ скарбѣ, пропустили всѣ мои 19 мѣстъ. Не буду описывать всѣхъ пограничныхъ мытарствъ — они достаточно извѣстны. А скажу только, что и на гетманской территоріи понадобилась цѣлая дюжина разныхъ пропусковъ.

Но и тутъ мнѣ повезло. Гетманскій чиновникъ

изъ бывшихъ правовѣдовъ, Ильинъ, узналъ меня и безъ всякихъ пропусковъ устроилъ въ идущій на Кіевъ поѣздъ. Вагонъ съ выбитыми стеклами, съ ободранной обивкой кое-какъ дотащилъ меня до матери городовъ русскихъ. На вокзалѣ я попалъ въ объятія Дранкова. Жизнь въ гетманскомъ Кіевѣ была сплошной оргіей. Объ этомъ кіевскомъ періодѣ писано переписано, а посему я углубляться не буду.

Подмахнувъ контрактъ, я выступилъ въ театрѣ Бергонье, затѣмъ сдѣлалъ поѣздку — Одесса, Полтава, Черниговъ, Винница и еще нѣсколько городовъ.

Когда я вернулся въ Кіевъ, тамъ уже пахло гарью. Уже успѣли разложиться стройныя нѣмецкія фаланги, уже Германія трещала по всѣмъ швамъ подъ натискомъ Антанты и уже Кіеву грозили Петлюровцы.

Одинъ случай, знаменующій начало конца, запечатлѣлся у меня навсегда. Въ театрикѣ Би-Ба-Бо шло представленіе, игралъ оркестръ Гулеско. Какой-то офицеръ, сидѣвшій въ ложѣ, заказалъ Гулеско романсъ «Пожалѣй же меня, дорогая». Не успѣли стихнуть румынскія скрипки, раздался выстрѣлъ. Офицеръ покончилъ съ собою. А черезъ два-три дня Кіевъ наводнился чубатыми гайдамаками, сѣчевиками и т. д. Пошла расправа съ офицерами. На моихъ глазахъ ихъ было убито нѣсколько, а на Софійской площади я былъ свидѣтелемъ гибели кавалерійскаго генерала графа Келлера. Ему дали честное слово сохранить жизнь, и когда онъ шелъ, окруженный патрулемъ, онъ палъ отъ предательской пули въ затылокъ.

Было-бы чистѣйшимъ безуміемъ оставаться въ Кіевѣ.

Нѣтъ, бѣжать, бѣжать безъ оглядки! Довольно, довольно этихъ голодныхъ и кровавыхъ кошмаровъ, оставшихся тамъ далеко на сѣверѣ въ зачумленномъ и оскверненномъ Петроградѣ. Вновь переживать все это въ Кіевѣ, — слуга покорный!

Я бросился искать греческаго консула, моего консула; его не оказалось въ Кіевѣ, но его замѣсти-

тель оказался на-лицо. Не помню въ точности, но замѣнялъ греческаго консула не то голландскій консулъ, не то одинъ изъ скандинавскихъ консуловъ. Но важно не это, а важно, что отнесся онъ ко мнѣ съ отмѣнной предупредительностью:

— Радъ служить вамъ, чѣмъ могу, особенно же въ это... это неопредѣленное время, — добавилъ съ улыбкой мой скандинаво - голландецъ, дипломатически назвавъ неопредѣленнымъ свирѣпую анархію петлюровцевъ съ убійствами, грабежами, насиліями и прочими завоеваніями самостійной Украины.

Да, какъ я уже сказалъ раньше, это былъ голый, стопроцентный большевизмъ, съ тою разницею, что заодно съ буржуями и офицерами петлюровскіе молодцы не давали спуску и евреямъ. Итогъ моего визита къ консулу превысилъ всѣ ожиданія. У петлюровскаго правительства изъ вчерашнихъ волостныхъ писарей и ветеринарныхъ фельдшеровъ я, благодаря отчасти консулу, отчасти собственнымъ хлопогамъ, отвоевалъ три вагона для себя и греческой колоніи, покидающей Кіевъ. Мало того, намъ былъ еще данъ конвой — три головорѣза, грозно увѣшанныхъ оружіемъ. На охрану въ пути со стороны этихъ головорѣзовъ было трудно разсчитывать, — либо разбѣгутся подъ натискомъ бандъ, во власти которыхъ находилась вся страна, или — это, пожалуй, вѣрнѣе — присоединятся къ нимъ, обративъ противъ насъ и свои штыки, и свои ручныя гранаты. Но на самомъ кіевскомъ вокзалѣ эти вооруженные парубки сослужили намъ цѣнную службу, энергично отбросивъ цѣлыя толпы, бѣшено пытавшіяся взять штурмомъ нашъ поѣздъ. Желающихъ покинуть петлюровскій рай была тьма тьмущая!..

Конечно, былъ хаосъ невообразимый, конечно, станція была разгромлена, и вечеромъ, вмѣсто электричества, стыдливо мигали огарки свѣчей; пулеметная и ружейная трескотня не смолкали, шатались пьяные люди въ шинеляхъ, въ гайдамацкихъ жупанахъ, съ чубами и безъ чубовъ.

Въ двухъ вагонахъ размѣстилась греческая колонія, въ третій я втиснулъ около ста русскихъ офицеровъ, спасши ихъ отъ неминуемаго разстрѣла. Всѣ они были загримированы учителями, студентами, словомъ, людьми самыхъ штатскихъ профессій. Вывезъ я и извѣстнаго доктора Акацатова, и милліонера Зміевскаго. Этотъ послѣдній, спасибо ему, былъ щедрымъ и безкорыстнымъ интендантомъ всѣхъ трехъ вагоновъ; онъ продовольствовалъ насъ не только снѣдью, но и напитками. Это спасало насъ, ибо, какъ потомъ показала дѣйствительность, на вокзалахъ ничего нельзя было купить ни за какія деньги, — такъ основательно они были опустошены.

Послѣ многихъ часовъ томительнаго ожиданія тронулись въ путь навстрѣчу самой жуткой неизвѣстности. Никто ничего толкомъ не зналъ, но слухи были одинъ другого мрачнѣе. Говорили, что гдѣ-то южнѣе Махно со своими бандами овладѣлъ цѣлымъ рядомъ станцій, грабитъ поѣзда и выводитъ въ расходъ всѣхъ тѣхъ, у кого мало-мальски буржуазный или семитскій обликъ. Всѣ остальныя сенсаціи въ такомъ же неутѣшительномъ духѣ.

Иногда это скопленіе безотрадныхъ тучъ пронизывалъ яркій лучъ солнца: говорили, что французы, высадившіеся въ Одессѣ, быстро движутся на сѣверъ и возстанавливаютъ порядокъ всюду около желѣзной дороги. Питаясь этими слухами и запасами провизіи Зміевскаго, мы продвигались впередъ, хотя и задерживаемые на станціяхъ: то не хватало паровозовъ, то не хватало машинистовъ. Чаще же были паровозы и машинисты, но машинистовъ приходилось задабривать и умасливать. Они получали тысячу-другую карбованцевъ и, милостиво поднявшись на паровозъ, черезъ пять-шесть часовъ передавали насъ очередному машинисту, получавшему очередную порцію гетманскихъ карбованцевъ. Такъ черезъ двое сутокъ безъ особенныхъ приключеній оказались мы на подступахъ къ Одессѣ. Задержали насъ на станціи Одесса-Малая. Для слѣдованія на Одессу-Главную слѣдовало полу-

чить отъ французскаго командованія пропускъ. Городъ, только что занятый союзниками, объявленъ былъ на военномъ положеніи и пропускали новыхъ путниковъ въ Одессу съ большимъ разборомъ.

Одесса-Малая занята была сильнымъ патрулемъ зуавовъ въ голубыхъ шинеляхъ и красныхъ фескахъ. Видъ этихъ дисциплинированныхъ солдатъ радовалъ глазъ и вселялъ надежды послѣ растерзанной петлюровской вольницы. Начальникомъ зуавовъ былъ молодой, воспитанный лейтенантъ. Я ему заявилъ, что везу греческую колонію Кіева, и лейтенантъ, снесшись по телефону со своимъ начальствомъ, утѣшилъ насъ благопріятнымъ отвѣтомъ:

— Вашимъ вагонамъ разрѣшено безпрепятственное слѣдованіе на Одессу-Главную.

И вотъ мы подъ сводами знакомаго мнѣ вокзала, такого наряднаго и шумнаго въ обычное время. А теперь — пустота, мракъ, безмолвіе...

Почти всѣ тѣ, кого я привезъ, кинулись вразсыпную, второпяхъ забывъ даже поблагодарить меня. Какъ никакъ многимъ изъ нихъ я помогъ сохранить голову на плечахъ.

Вотъ я одинъ тащу свои чемоданы — о носильщикахъ нечего было и мечтать, — кое-какъ нахожу извозчика и ѣду по темнымъ, вымершимъ улицамъ Одессы. Ѣду въ родную семью къ моимъ сестрѣ и брату, отъ которыхъ былъ отрѣзанъ въ годы войны и революціи. И вспоминалась Одесса дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ и такой казалась непривѣтливой и чуждой эта другая Одесса, переходившая изъ рукъ въ руки и только что занятая французскимъ экспедиціоннымъ корпусомъ.

На долго-ли?..

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Ярославское возстаніе. Опереточная примадонна Барковская, премьеръ-Заіончковскій, артистъ Юрьевскій и полковникъ Перхуровъ. 22-хъ дневный адъ.

Я хочу разсказать о событіи, въ водоворотъ котораго я былъ брошенъ слѣпымъ случаемъ, которое пережилъ во всѣхъ его потрясающихъ ужасахъ и котораго врядъ-ли многимъ изъ нашей эмигрантской среды привелось быть свидѣтелемъ.

Событіе это — знаменитое ярославское возстаніе. Прежде чѣмъ описывать его, замѣчу одно: ярославское возстаніе — наглядный и поучительный примѣръ того, что могла сдѣлать въ борьбѣ съ большевиками маленькая горсточка отважныхъ бойцовъ-патріотовъ. Сотня бѣлогвардейцевъ почти безъ артиллеріи 22 дня выдерживала осаду громадныхъ красноармейскихъ скопищъ, съ десятками батарей легкихъ и тяжелыхъ орудій. Если-бы такихъ возстаній, какъ ярославское, вспыхнуло-бы одновременно хотя-бы десятокъ въ другихъ городахъ Россіи, неокрѣпшая совѣтская власть растерялась-бы окончательно, и бѣлые безъ особенныхъ усилій свернули-бы ей шею. Но въ томъ то и трагедія, что Ярославль, никѣмъ не поддержанный, былъ сломленъ послѣ трехнедѣльнаго героическаго сопротивленія!

Начну по порядку.

Въ Петербургѣ сидѣть и бездѣйствовать было и противно и голодно. И, кромѣ того, хотѣлось почувствовать себя опять человѣкомъ сцены, артистомъ. Я

задумалъ дать рядъ концертовъ въ провинціи, въ приволжскихъ городахъ, куда большевизмъ еще не успѣлъ докатиться во всей своей столичной мерзотности. Сопровождали меня — танцовщица Кожухова, піанистъ и управляющій, онъ-же казначей и кассиръ.

Первымъ этапомъ намѣтили древній Ярославль съ его такими-же древними восьмьюдесятью храмами.

Въ нашемъ вагонѣ было много какихъ-то мужчинъ. Хотя они пробовали походить на самыхъ обыкновенныхъ пассажировъ, но невольно угадывалась между ними какая-то конспиративность. Въ дорогѣ я не придавалъ этому никакого значенія, но уже на мѣстѣ, въ Ярославлѣ, выяснилось, что всѣ мои спутники были повстанческимъ ядромъ, спѣшившимъ «на работу».

Остановились мы въ гостиницѣ Бристоль. Вначалѣ все было тихо и мирно и даже красное начальство держало себя довольно прилично, поскольку, вообще, это слово можетъ вязаться съ оголтѣлой совѣтчиной. Мой управляющій уже снялъ на два концерта Волковскій театръ, названный такъ въ честь перваго русскаго актера.

Ближайшая ночь рѣшительно ничего не предвѣщала, и мы безмятежно улеглись спать по своимъ номерамъ. Но далеко не безмятежно было наше пробужденіе: мы повскакали съ постелей отъ стрѣльбы, яростнаго крика, шума и гама.

Черезъ улицу отъ нашего «Бристоля» помѣщались красныя пулеметныя части, и вотъ именно этимъ зданіемъ въ первую голову хотѣли овладѣть повстанцы, и овладѣли, взявъ двѣсти пулеметовъ, что дало имъ возможность сдѣлаться хозяевами положенія и въ городѣ, и на подступахъ къ нему.

Надо-ли говорить, что весь остатокъ ночи былъ полонъ тревоги и кровавыхъ событій. Бѣлые побѣдители расправились съ комиссарами и коммунистами и густо ощетинивали пулеметами старинныя ярославскія стѣны и башни...

Въ «Бристолѣ» имѣлъ жительство видный мѣст-

ный комиссаръ не то Нахимсонъ, не то Натансонъ. Его арестовалъ и увелъ повстанческій патруль, а черезъ полчаса онъ былъ разстрѣлянъ.

Его вдова убивалась страшно. Однако, справедливость требуетъ отмѣтить, что когда красные подавили возстаніе и овладѣли городомъ, она не проявила никакого желанія мстить бѣлымъ, да и во время самой осады въ конфликтахъ нашихъ съ гостиничной прислугою она либо держалась нейтралитета, либо замѣтно склонялась на нашу сторону. А конфликты возникали на той почвѣ, что бристольская челядь все время держала себя вызывающе, немилосердно хамила и грозила намъ всевозможными карами, какъ только вернется «законная народная» власть. Эта плебейская наглость отравляла намъ жизнь. Но челядь въ концѣ концовъ получила заслуженный «урокъ» и внѣшне смирилась, запрятавъ поглубже свою ненависть и злобу... Этотъ «урокъ» заключался въ слѣдующемъ: въ «Бристолѣ» неожиданно появилась молодая, красивая дама въ офицерской формѣ и съ револьверомъ у пояса. Выстроивъ весь штатъ прислуги и пройдя по «фронту», она заявила, хлопнувъ по кобуру съ увѣсистымъ наганомъ:

— Послушайте, вы! Если на кого-нибудь изъ васъ поступитъ хоть малѣйшая жалоба, я сама съ нимъ расправлюсь! Помните это и будьте примѣрными слугами для тѣхъ, кто оплачиваетъ вашу работу!

Челядь моментально притихла и до прихода красныхъ была прямо шелковая...

Кто же эта интересная дама съ офицерскими погонами? Она оказалась примадонной опереточной труппы Барковской, еще до насъ выступавшей въ Ярославлѣ.

Мало того, премьеръ труппы, Заіончковскій и артистъ Юрьевскій были главными участниками переворота. Душою же всего былъ полковникъ Перхуровъ, ставшій исторической личностью. Благодаря его энергіи, отвагѣ и организаторскимъ способностямъ, Ярославль оказалъ безпримѣрное сопротивленье громад-

нымъ совѣтскимъ силамъ, стянутымъ изъ Петербурга, Москвы, и изъ другихъ центровъ.

Ярославская эпопея ждетъ еще своего лѣтописца. Но и мои бѣглыя впечатлѣнія возсоздадутъ картину исключительную.

Кромѣшные дни наступили, когда Ярославль, зажатый въ кольцо большевицкихъ полчищъ, подвергся артиллерійскому обстрѣлу, денно и нощно долбившему по городу. Церкви, самыя высокія точки, выгодныя для прицѣла, пострадали прежде всего. Однѣ были разнесены такъ — не осталось камня на камнѣ, большинство же пылало и сгорѣло до тла. Горѣли казенныя учрежденія, дома, тюрьма, хозяйственныя постройки. Весь Ярославль былъ въ огнѣ и, я думаю, пожаръ Москвы — блѣдное отраженіе того, что мы наблюдали въ этомъ приволжскомъ городѣ русскихъ святынь...

Населеніе дни и ночи проводило въ подвалахъ и погребахъ. Я этого не дѣлалъ, не въ силу какой нибудь необычайной храбрости, а потому, что вѣрилъ въ судьбу. Какъ и куда ни прячься, того, что назначено тебѣ, — не избѣжишь. Мой восточный фатализмъ, моя вѣра въ «кисметъ» — читатель сейчасъ увидитъ, — не лишена основанія.

Какъ мы проводили время?

Вначалѣ все шло вверхъ дномъ, а потомъ притерпѣлись. Привычка дѣлаетъ обыденнымъ и будничнымъ самое невѣроятное. Такъ и мы свыклись съ обстрѣломъ, съ ежеминутной опасностью, свыклись съ пожарами, отъ которыхъ ночью было свѣтло, какъ въ солнечный день. Чтобъ отвлечься и развлечься, музицировали въ опредѣленные часы; для этого служилъ намъ отельный залъ съ роялемъ. Піанистъ садился за рояль, я подъ его аккомпаниментъ пѣлъ.

Однажды въ наши опредѣленные часы и Кожухова и піанистъ зовутъ меня:

— Юрій Спиридоновичъ, давайте, послушаемъ васъ!

— Нѣтъ настроенія, — отвѣчаю я, — до завтра отложимъ.

Мое ощущеніе въ дѣйствительности нельзя было назвать отсутствіемъ настроенія. Это было нѣчто болѣе сложное и неопредѣленное. Меня куда-то тянуло, мнѣ было какъ-то безпокойно и волнующе тревожно...

— Пойдемте гулять, — предложилъ я.

— Гулять? Что вы! Сколько народу такъ зря на улицахъ перебито...

— А я все-же пойду, — упрямо настаивалъ я.

— Такъ и мы съ вами, — неожиданно вдругъ согласились танцовщица и піанистъ.

Съ часъ мы скитались по городу, вѣрнѣе, по его развалинамъ. Съ отвратительнымъ металлическимъ визгомъ проносились надъ нашими головами снаряды. Въ этихъ нестерпимо наростающихъ звукахъ были и тоска, и угроза, и еще что-то, чего не выразишь словами...

А вернувшись въ «Бристоль», мы увидѣли нѣчто чудовищное: въ наше отсутствіе тяжелый большевицкій снарядъ буквально разворотилъ въ щепы залъ, гдѣ мы только чудомъ не музицировали сегодня. Вмѣсто рояля — груда обломковъ. Такую же груду костей и мяса представляли-бы и мы, оставайся мы здѣсь и не вытяни меня на улицу какая-то невѣдомая сила...

Говорятъ — все имѣетъ свой предѣлъ, только одна человѣческая подлость безпредѣльна. Нѣтъ, въ Ярославлѣ я убѣдился въ безпредѣльности силы артиллерійскаго огня.

Сначала казалось, что дальше уже некуда. Но вотъ городъ началъ методически обстрѣливаться по «квадратамъ», нѣмецкою системою. Да и вправду, большевикамъ пришли на помощь нѣмецкіе артиллеристы. Вотъ когда попали мы въ самое пекло Дантова ада!

Это уже было начало конца. Сопротивляться дальше было выше силъ человѣческихъ. Жиденькіе ряды защитниковъ Ярославля съ каждымъ днемъ

таяли, а у красныхъ и человѣческій матеріалъ и все остальное возрастало въ галопирующей прогрессіи. Перхуровскіе пулеметы косили тысячи красноармейцевъ, а вмѣсто нихъ появлялось новое пушечное мясо III-го интернаціонала! И тоже тысячами, полками, дивизіями.

Чѣмъ питались мы послѣднее время — лучше и не вспоминать! И то мы, маленькая моя группа, находились въ исключительно выгодныхъ условіяхъ. Повстанческій штабъ, пока у самого не изсякли его скромные запасы, снабжалъ насъ продуктами и минеральной водою. Обыкновенной воды не было — красная артиллерія разрушила весь сложный аппаратъ водопроводовъ.

Напослѣдокъ значительная часть населенія не выдержала дьявольской бомбардировки. Не выдержали нервы, не говоря уже о физической опасности. Тысячи семействъ, побросавъ дома и квартиры, подъ открытымъ небомъ разбили на берегу Волги какой-то исполинскій таборъ цыганъ. Но это не былъ таборъ веселья и удалыхъ пѣсенъ, — это былъ таборъ голода, горя и слезъ...

И вотъ легендарное сопротивленіе сломлено. Полковникъ Перхуровъ со своимъ штабомъ и сотнею бойцовъ ночью бѣжалъ, съ непостижимой ловкостью прорвавъ кольцо большевицкихъ войскъ, обложившихъ городъ... А красные, пока еще ничего не зная, продолжали «крыть» насъ снарядами не только полевыхъ орудій, но и огнемъ нѣсколькихъ бронепоѣздовъ. И только убѣдившись, что Ярославль упорно не отвѣчаетъ огнемъ на огонь, затаившійся, вымершій, только тогда въ разрушенный городъ стали съ опаскою и съ развѣдкою вливаться «побѣдители».

Этотъ авангардъ состоялъ изъ какихъ-то уже совсѣмъ иррегулярныхъ частей: какое-то юное, преступное хулиганье въ шинеляхъ!.. Совѣтское командованіе, взбѣшенное большими потерями, умышленно бросило это хулиганье въ первую очередь, дабы оно показало мятежному населенію, гдѣ раки зимуютъ...

И показали!

Безчинства, насилія, грабежи, убійства на улицахъ и въ домахъ, — все это повергло Ярославль въ большій ужасъ, чѣмъ двадцатидвухдневный ливень снарядовъ.

Въ первый же день большевики расклеили декретъ: Въ такой-то день, въ такой-то часъ все мужское населеніе должно явиться на вокзалъ. Ко всѣмъ уклонившимся будетъ примѣнена «высшая мѣра наказанія». Въ переводѣ же на ихъ волчій языкъ — пуля въ затылокъ.

Но даже и эта перспектива не подхлестнула меня пойти на вокзалъ. И я остался дома. И поэтому только остался въ живыхъ...

На вокзалѣ творилось невообразимое, чудовищное. Мужчины съ малѣйшимъ проблескомъ внѣшней интеллигентности сгонялись въ одно стадо, а потомъ надъ этимъ стадомъ учинена была массовая бойня...

Я переждалъ нѣсколько дней, далъ красному звѣрю упиться виномъ побѣды и кровью побѣжденныхъ и только тогда заявилъ о своемъ существованіи.

Мнѣ указали:

— Обратитесь къ товарищу такому-то. Онъ все можетъ...

Товарищъ такой-то оказался хамомъ въ кожаной курткѣ и хамомъ довольно мрачнаго вида.

— Вамъ чаво?

— Я артистъ Морфесси.

— Такъ это ваши артисты сдѣлали бунтъ? — обрадовалась кожаная куртка. — Такъ я васъ, знаете...

Благодарю покорно, въ повстанцы влетѣлъ!

Внутри и злоба на этого мужлана - головотяпа и страхъ за себя. Но внѣшне спокойный, отвѣчаю:

— Товарищъ комиссаръ, артисты, которые сдѣлали бунтъ, они уже далеко. Я же пріѣхалъ въ Ярославль за нѣсколько часовъ до ихъ выступленія... Я пріѣхалъ дать два концерта, а вмѣсто этого самъ вы-

слушалъ двадцатидвухдневный концертъ. Да такой — умирая не забуду!..

Кожаная куртка расплылась въ улыбкѣ. Такъ улыбается крокодилъ, но въ тотъ моментъ, я подумалъ одно: ледъ сломанъ! Повѣрилъ!

Комиссаръ уже почти благосклонно:

— Стойте, стойте... Чи-жъ это вашъ патретъ на усѣхъ стѣнкахъ порасклеенный?

— Мой...

— Такъ чево-же вы одъ мене хочете?

— Хочу пропуска для меня и тѣхъ, кто со мною, на выѣздъ изъ Ярославля. Мы потеряли около мѣсяца и желаемъ наверстать упущенное нѣсколькими концертами въ приволжскихъ городахъ...

Кожаная куртка не препятствовала нашему выѣзду. Во всеоружіи соотвѣтствующихъ бумагъ мы сѣли на пароходъ, спустились по Волгѣ, но въ силу цѣлаго ряда соображеній, отказались отъ дальнѣйшихъ выступленій, и было рѣшено вернуться въ Петербургъ.

И когда черезъ два-три дня мы возвращались черезъ Ярославль, на желѣзной дорогѣ, за цѣлую станцію до Ярославля, въ каждый вагонъ вошло по два красноармейца. Они спустили занавѣски оконъ совсѣмъ наглухо, приказавъ еще вдобавокъ:

— Не смѣть въ окна глядѣть. Передъ собою гляди!

Мнѣ все же удалось однимъ глазомъ подсмотрѣть то, что красному командованію желательно было скрыть отъ проѣзжавшихъ мимо Ярославля пассажировъ. А скрыть имъ хотѣлось слѣдующее:

Во-первыхъ, груды хаотическихъ развалинъ, въ которыя превращенъ былъ этотъ великолѣпный древній городъ, а, во-вторыхъ, скопленіе войскъ, понадобившееся для усмиренія горсточки возставшихъ бѣлогвардейцевъ.

Дѣйствительно, войскъ было видимо - невидимо.

Все запружено было пѣхотой, артиллеріей, конницей, техническими частями и просто какимъ-то темнымъ сбродомъ въ кацавейкахъ, пиджакахъ и пальто, но съ винтовками на веревочкахъ вмѣсто ремней.

Таковы были мои послѣднія ярославскія впечатлѣнія...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Одесса подъ французской оккупаціей. Мозаичная власть. Паника. Появленіе красныхъ. Комендантъ Домбровскій. Мои мытарства и единственное «агитаціонное» выступленіе. Большевики бѣгутъ. Одесса вновь бѣлая. Моя чарочка генералу Деникину.

Въ самомъ концѣ 1918 года Одессу, покинутую австрійскимъ оккупаціоннымъ корпусомъ, заняли петлюровцы.

Эти полу-гайдамаки, полу-запорожцы, съ чубами и безъ чубовъ имѣли слабость къ еврейскимъ ювелирнымъ магазинамъ и въ двѣ-три недѣли основательно пограбили черноморскую красавицу.

Но вотъ Деникинъ прислалъ изъ Новороссійска бригаду генерала Тимановскаго, высадился французскій экспедиціонный отрядъ подъ командою генерала д'Анcельма, вѣрнѣе, полковника Фрейденберга, который ворочалъ всѣмъ, и Петлюровцы бѣжали, прихвативъ съ собою сорокъ съ чѣмъ то добровольческихъ офицеровъ. Всѣ они были сначала замучены, а потомъ разстрѣляны. Этимъ злодѣяніемъ Петлюровцы лишній разъ показали, что если между ними и большевиками и существовала какая-либо разница, то лишь въ томъ, что большевики интернаціоналисты, петлюровцы же узкіе шовинисты, да и шовинизмъ ихъ какой-то уѣздный.

Одесса вздохнула свободнѣй.

Дамы показывались на улицахъ въ бриллiантовыхъ серьгахъ, не боясь, что корявыя лапы вырвутъ ихъ изъ ушей съ мясомъ; открывались клубы, не бо-

ясь вооруженныхъ налетовъ. Порядокъ въ городѣ охранялся патрулями французскими, добровольческими и польскими. Но все же твердой власти не было. Было какое-то мягкотѣлое многовластіе. Генералъ Деникинъ назначилъ военнымъ губернаторомъ Одессы генерала Санникова. Молодой колчаковскій генералъ Гришинъ-Алмазовъ самъ себя назначилъ военнымъ губернаторомъ одесской зоны. Французскій полковникъ Фрейденбергъ считалъ себя диктаторомъ Одессы и поступалъ, какъ диктаторъ. Греки знали свое командованіе; польская бригада никому не подчинялась, кромѣ генерала Желеховскаго. Французскій консулъ Энно дѣлалъ высшую политику и объединялъ демократическіе элементы. Это безвластное многовластіе ничего хорошаго не сулило. Большевицкія организаціи до поры до времени сидѣли въ подпольѣ, но подполье ихъ было довольно явное.

Одесса кишмя кишѣла превосходительствами, высокопревосходительствами и сіятельствами. Все самое блестящее, самое сановное, съ крушеніемъ гетманскаго Кіева откатилось сюда, и повторилась та же кіевская пляска на вулканѣ, только вмѣсто германскихъ офицеровъ въ каскахъ съ орлами, были французы въ расшитыхъ золотомъ кэпи.

Какъ грибы въ дождь росли рестораны и клубы, и все это въ лучшихъ особнякахъ, съ лучшими поварами. Флигель-адъютанты и камергеры завѣдывали кухней, буфетомъ, игорнымъ заломъ и такъ ловко орудовали гибкою лопаточкою крупье, словно всю свою жизнь только этимъ и занимались.

Попробовалъ я счастье и тоже въ роскошномъ особнякѣ открылъ ресторанъ. Для этого пришлось заложить въ банкѣ часть уцѣлѣвшихъ у меня драгоцѣнностей. Дѣла съ мѣста въ карьеръ пошли великолѣпно. Оставалось только радоваться, но полной радости не было — ее отравлялъ червячокъ сомнѣнія. Не было вѣры въ прочность положенія. Такихъ скептиковъ, какъ я, было много. Нашъ скептицизмъ оправдывался наперекоръ «видимости». А видимость была

внушительная: сорокатысячный французскій корпусъ, снабженный послѣднимъ словомъ военной техники, двѣ греческихъ дивизіи и добровольческая бригада, — все это являло собою внушительную силу. Высадилось еще подкрѣпленіе въ видѣ двухъ французскихъ дивизій — алжирской и марокканской. Вдобавокъ ко всему этому генералъ Франше д'Эспере поручилъ генералу Шварцу формированіе новаго русскаго корпуса и укрѣпленіе Одесской зоны. Казалось-бы, никакіе большевики не страшны. А между тѣмъ, громъ грянулъ, поистинѣ, среди ясныхъ небесъ. Два-три дня ползли тревожные слухи и оформились окончательно: экспедиціонныя войска покидаютъ Одессу подъ угрозою красной арміи съ сѣвера.

Началась паника, завершившаяся такой же панической эвакуаціей.

Спасайся, кто можетъ!

Я остался въ Одессѣ, желая спасти свои заложенныя вещи, и я видѣлъ, какъ только на третій день послѣ эвакуаціи заняла городъ красная армія. Этой красной арміей была тысяча человѣкъ большевицкаго сброда, одѣтаго и вооруженнаго какъ попало. Вождемъ этого сброда былъ эксъ - акцизный чиновникъ Григорьевъ. Стадо трусливыхъ шакаловъ долго отказывалось вѣрить въ свой успѣхъ. А потомъ, трусость смѣнилась наглостью, и Одесса была большевизирована по всѣмъ правиламъ искусства: грабежи, облавы чрезвычайки, разстрѣлы, изъятіе излишковъ, митинги.

Нѣсколько разъ меня арестовывали, захватывали на облавахъ, но меня спасала моя популярность; меня выпускали изъ-за моего артистическаго имени.

— Ахъ, это вы, Морфесси? Ну, вы свободны!

Особенную симпатію питалъ ко мнѣ какой-то грузинскій отрядъ, онъ дважды выручалъ меня изъ лапъ мѣстныхъ русскихъ большевиковъ.

Вообще же этотъ одесскій режимъ былъ менѣе отвратителенъ, чѣмъ онъ могъ бы быть, — причина— комендантъ Одессы Домбровскій, коммунизмъ кото-

раго былъ подъ большимъ сомнѣніемъ. Впослѣдствіи его разстрѣляли свои-же.

Черезъ него я рѣшилъ добыть изъ сейфа мои заложенныя драгоцѣнности. Но Домбровскій, при всемъ своемъ желаніи быть мнѣ полезнымъ и пріятнымъ, оказался далеко не всемогущимъ.

— На этотъ счетъ поговорите-ка вы лучше съ товарищемъ Дыбенкою.

— Съ тѣмъ самымъ? — спросилъ я.

— Съ тѣмъ самымъ, — улыбнулся Домбровскій. — Я вамъ дамъ къ нему записочку.

Я увидѣлъ знаменитаго Дыбенку, сожителя красной Мессалины Колонтай, здоровеннѣйшаго матроса, красиваго мужицко - разбойничьей красотой. Дыбенко прочиталъ записочку, повертѣлъ ее въ своихъ громадныхъ рукахъ.

— Видите, я, въ сущности, конечно, могъ бы и самъ приказать, но это по части товарища Духовнаго. Пойдите къ нему отъ меня. Стойте, я дамъ вамъ къ нему записочку.

И потѣя отъ напряженія, бывшій совѣтскій морской министръ съ трудомъ выводилъ какія-то каракули.

Насколько Дыбенко былъ громаденъ, настолько товарищъ Духовный оказался крохотнымъ, невзрачнымъ юнцомъ. Этотъ юнецъ пообѣщалъ:

— Я займусь вашимъ дѣломъ. Придите завтра.

На слѣдующій день онъ заявилъ мнѣ:

— Этотъ сейфъ вмѣстѣ съ другими отправленъ въ Москву. Поѣзжайте въ Москву и получите тамъ свои вещи.

— Я въ Москву не собираюсь.

— Тѣмъ хуже для васъ. Это же единственный способъ получить обратно то, что вы на своемъ буржуазномъ языкѣ называете собственностью.

Махнувъ рукой на нѣсколько десятковъ каратовъ, я рѣшилъ въ буквальномъ смыслѣ слова «сидѣть у моря и ждать погоды» и ни въ какомъ случаѣ не забираться въ глубь Россіи.

По всему угадывалась непрочность большевицкой власти въ одесскомъ районѣ. Войскъ было мало, и войска были третьестепенныя, да и комиссарская головка не чувствовала себя крѣпко, а разъ такъ, лучше быть на берегу Чернаго моря, нежели на берегу Москва-рѣки.

Конечно, большевики принесли въ Одессу голодъ. Ничего нельзя было купить на рынкѣ, ни въ лавкахъ, да и лавки , и рынки были упразднены. Рабочее населеніе Одессы, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшее прихода большевиковъ, разочаровалось уже спустя мѣсяцъ. Желудокъ — лучшій политикъ, а желудокъ былъ пустъ. Совѣтская власть кормила рабочихъ не хлѣбомъ и мясомъ, а митингами. Какой нибудь болтунъ, возвышаясь на грузовикѣ, заливается соловьемъ, сулитъ пролетаріату земной рай, а пролетаріатъ, хмурый, блѣдный, оборванный угрюмо слушаетъ программную дребедень.

Чтобы хоть немного поднять эти не имѣвшіе успѣха митинги и заманивать на нихъ толпы несчастныхъ, одураченныхъ людей, комиссары начали привлекать артистовъ, — одинъ продекламируетъ, другой пропоетъ. Конечно, пѣніе и декламація должны были носить агитаціонный характеръ. Артисты были всѣ на учетѣ и ихъ назначали на митинги по наряду; кто уклонялся, того — въ чека.

— Это въ буржуазныхъ странахъ искусство свободно, — поясняли совѣтскіе чиновники, — а въ странѣ совѣтовъ искусство должно быть классовымъ, пролетарскимъ.

Такъ же мобилизованы были кое-кто изъ буржуазныхъ газетчиковъ и журналистовъ. Имъ давались заказы высмѣивать Деникина, Колчака и воспѣвать вождей революціи.

Я всячески ловчился, но и мой чередъ пришелъ быть потребованнымъ на одинъ изъ митинговъ. Передо мною говорилъ какой-то стопроцентный коммунистъ, товарищъ Ануловъ, онъ обѣщалъ народу мо-

лочныя рѣки, кисельные берега и жареныхъ рябчиковъ на деревьяхъ.

Когда онъ кончилъ — ни одного хлопка, ни одного возгласа одобренія. Ораторъ сконфужснно слѣзъ съ платформы, уступивъ мнѣ свое мѣсто.

— Спойте что-нибудь, товарищъ Морфесси.

Сверху окинувъ взглядомъ толпу и увидѣвъ повеселѣвшія лица, я запѣлъ:

Понапрасну, мальчикъ, ходишь,
Понапрасну ножки бьешь,
Ничего ты не получишь,
Дуракомъ домой пойдешь.

Послѣднія слова потонули въ оглушительныхъ оваціяхъ. Никогда, нигдѣ за всю жизнь я не имѣлъ такого безумнаго успѣха. Изступленные крики восторга десятитысячной толпы, гамъ, шумъ, грохотъ рукоплесканій.

Незадачливый ораторъ позеленѣлъ, и мнѣ казалось, что онъ тутъ же меня арестуетъ, но все обошлось благополучно; а только больше меня уже не приглашали пѣть на митингахъ. Я же старался меньше и меньше попадаться на глаза мѣстнымъ властямъ.

Мучительно и гнусно тянулось время. Все болѣе и болѣе голодный, обнищавшій видъ принимала Одесса. Люди продавали все, что еще уцѣлѣло — послѣднее пальто, послѣднія простыни, чтобы купить хлѣба. Вся энергія, вся сила, вся изворотливость ума уходила на добываніе пищи. Терроръ усилился. По ночамъ живыхъ буржуевъ складывали, какъ дрова, на грузовики и, прикрывъ всю эту человѣческую гущу брезентомъ, мчали на разстрѣлъ, а затѣмъ, уже совсѣмъ какъ дрова, сваливали на грузовикъ деревенѣющія тѣла жертвъ и везли за городъ для того, чтобы въ послѣдній разъ дочиста ограбить и, раздѣвъ трупы, закопать ихъ въ общую яму.

Если всю жизнь я пилъ для веселья, для настроенія, для подъема нервовъ, то въ эти кошмарные дни я пилъ забвенья ради и чтобы утопить въ алкоголѣ

чувство безконечной жути и безконечнаго отвращенія.

Но и спиртные напитки были привиллегіей господствующаго класса. Имъ, вождямъ трудящихся — всевозможныя марки шампанскаго, ликеры, коньяки, испанскія и сицилійскія вина, словомъ, все то, въ чемъ эта сиволапая рвань не понимала толку. Трудящимся же — денатуратъ. Я до денатурата не унизился и пробавлялся какимъ-то подозрительнымъ пойломъ, которое мнѣ выдавали за ромъ. Дѣлилъ я эту смѣсь съ моимъ старымъ другомъ, былымъ сотрудникомъ «Новаго Времени» Костею Шумлевичемъ. Онъ тоже, бѣдняга, застрялъ въ Одессѣ.

Интересный, остроумный собесѣдникъ, авторъ вдохновенныхъ экспромтовъ, милый Костя Шумлевичъ не отличался избыткомъ отваги. Плотный, коротконогій, съ обвислыми усами, напослѣдокъ онъ пріучился бояться собственной тѣни. Когда говорили объ ужасахъ чрезвычайки, его прошибало холоднымъ потомъ, и еще ниже обвисали его густые усы. Только хмѣль заглушала на время вѣчный страхъ Кости Шумлевича, и тогда, теряя чувство мѣры, онъ былъ способенъ выкинуть умопомрачительное колѣнце.

Такое колѣнце выкинулъ Костя на вечеринкѣ у комиссара Домбровскаго. Я уже отмѣтилъ, что большевизмъ Домбровскаго былъ подъ большимъ сомнѣніемъ; его тянуло къ буржуазной компаніи и онъ задыхался въ обществѣ грубой, тупой и скучной, какъ сѣрое солдатское сукно, комиссарщины.

На свои вечеринки Домбровскій приглашалъ артистовъ, и не только рабски служившихъ совѣтской власти, но и такихъ непримиримыхъ, какъ я. За длиннымъ столомъ, буквально ломившимся отъ вкусной, обильной снѣди и такихъ же обильныхъ напитковъ, сталкивались два міра — нашъ, буржуазный, и коммунистическій. Своихъ Домбровскій принужденъ былъ приглашать по политическимъ соображеніямъ. И безъ того уже на него начинали коситься.

На одной изъ такихъ вечеринокъ сидѣвшій меж-

ду помощникомъ Домбровскаго, матросомъ Шульга, съ одной стороны, — а, съ другой, Тамарой Грузинской, Плевицкой и мною, встаетъ Костя Шумлевичъ достаточно багровый и вспотѣвшій. Держитъ бумажку свѣже исписанную имъ же самимъ. И, о ужасъ, читаетъ стихотворный экспромтъ — къ сожалѣнію, не могу привести его въ подлинникѣ, — но общій смыслъ таковъ: Домбровскій единственный здѣсь человѣкъ изо всей большевицкой банды: онъ, какъ пасхальное яичко, красенъ снаружи, а внутри бѣлый изъ бѣлыхъ. Всѣ же остальные здѣсь рвань и шпана.

Можно себѣ представить впечатлѣніе отъ этого экспромта.

Домбровскій сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ; буржуазія упорно ушла въ созерцаніе своихъ тарелокъ; комиссары столь же многозначительно, сколь и зловѣще переглядывались, и врядъ ли возьму грѣхъ на душу, сказавъ, что кое у кого изъ нихъ потянулись руки къ висѣвшимъ у пояса наганамъ и браунингамъ...

Собравшись съ духомъ, я кое какъ разсѣялъ насыщенную электричествомъ атмосферу и вспугнулъ непріятное молчаніе. Помогъ старый актерскій навыкъ. Съ наигранной развязностью и съ такой же наигранной улыбкой я запѣлъ старый, эпохи моего дѣтства, романсъ: «Задремалъ тихій садъ».

Вниманіе отвлечено, положеніе спасено. А когда все смѣшалось, я поспѣшилъ скрыться и увлекъ за собою Костю Шумлевича. На другой день, когда трезво осмыслилъ онъ вчерашнее, бѣдняга такъ перепугался, что на него и смѣшно и жалко было смотрѣть. Онъ даже похудѣлъ и нѣсколько сутокъ ночевалъ въ разныхъ мѣстахъ, опасаясь ареста и, какъ ему казалось, неминуемаго разстрѣла.

Такъ дожили мы, если только можно это назвать жизнью, до августа, и хотя это было уже осенью, но повѣяло весною. Все росли и росли слухи, что Одесса подъ угрозою удара бѣлыхъ. До насъ доходило это въ смутномъ и неопредѣленномъ видѣ. Но комиссары знали гораздо больше нашего; количество ихъ таяло

съ каждымъ днемъ. Одни сочиняли себѣ командировки, другіе просто уѣзжали, унося свои головы и увозя награбленное добро.

А слухи все опредѣленнѣй и отраднѣй. Уже существуетъ прочная связь между Деникинскимъ десантомъ, который съ часу на часъ долженъ высадиться, и бѣлымъ повстанческимъ ядромъ внутри Одессы, во главѣ котораго полковникъ Саблинъ. Въ рѣшительный моментъ повстанцы захватятъ власть и встрѣтятъ пересѣкшихъ Черное море желанныхъ освободителей.

Планъ осуществился.

Когда два эскадрона Крымскаго Коннаго полка подъ начальствомъ полковника Туганъ-Барановскаго высадились на Большомъ фонтанѣ, организація Саблина уже фактически овладѣла Одессой.

Высыпавшее на улицу населеніе, охваченное неописуемымъ энтузіазмомъ, чинило судъ и расправу. Хватали не успѣвшихъ бѣжать большевиковъ, чекистскихъ дѣвицъ и тутъ же рвали ихъ на части.

Толпа устремилась къ памятнику Екатерины II и въ мигъ сорвала съ него брезентовые покровы. Необходимо добавить, что еще за нѣсколько дней до этого, то-ли отъ сильнаго вѣтра, то-ли отъ другой причины верхній брезентный покровъ обнажился, и были видны голова Императрицы и одного изъ ея сподвижниковъ, насколько мнѣ помнится, Суворова.

За нѣсколько мѣсяцевъ большевицкой власти, строительство свое эти каторжане проявили въ новомъ деревянномъ зданіи бутафорской тюрьмы, вымазанной, конечно, въ красный цвѣтъ. Въ какихъ-нибудь полчаса народъ по бревнышкамъ и дощечкамъ такъ разнесъ этотъ архитектурный шедевръ, что осталось одно лишь голое мѣсто. Ночью шелъ дождь, зданіе было мокрое, руки всѣхъ разносителей были перепачканы красной охрою и было впечатлѣніе сотенъ и тысячъ окровавленныхъ рукъ. Я собралъ воедино всѣ оркестры, какіе только были въ Одессѣ; получилось 70 музыкантовъ въ котелкахъ, старыхъ цилиндрахъ,

въ соломенныхъ канотье и такъ-же разношерстно одѣтыхъ. Я ихъ построилъ въ ряды, и мы пошли по всему городу подъ звуки Преображенскаго марша. Населеніе съ криками присоединялось къ намъ, и насъ было уже нѣсколько тысячъ. Этимъ же Преображенскимъ маршемъ встрѣтили мы оба молодцеватыхъ, подтянутыхъ эскадрона полковника Туганъ-Барановскаго. Многіе истерически плакали при видѣ русскихъ погонъ и русской національной формы. Женщины и дѣти ловили стремена всадниковъ и забрасывали ихъ цвѣтами... Гудѣли колокола кафедральнаго Собора, сзывая на торжественное богослуженіе по случаю паденія власти нечестивыхъ. Съ марта по августъ не слышно было этого звона. Онъ былъ подъ запретомъ. Въ этомъ отношеніи большевики перещеголяли даже турокъ въ эпоху ихъ господства надъ балканскими славянами: турки не запрещали колокольнаго звона, а только требовали, чтобы колокола находились ниже минаретовъ мечетей даннаго города.

Но вернемся къ Одессѣ. Болѣе дробно и менѣе мощно звонили колокола во всѣхъ остальныхъ храмахъ. Не хватало мѣстъ, и народъ сгустился возлѣ церквей. Многіе обнимались и плакали. Неописуемъ былъ подъемъ, неописуемо ликующее настроеніе.

Если-бы не грохотъ артиллерійскихъ орудій, можно было бы подумать, что это дни Святой Пасхи, по странному капризу календаря пришедшіеся на мягкій, солнечный августъ. Грохотъ орудій вотъ почему: добровольческій крейсеръ «Кагулъ» и небольшой англійскій корабль «Карадокъ» перекиднымъ огнемъ бомбардировали подступы къ Одессѣ, внося разстройство и потери въ ряды послѣднихъ красныхъ бандъ, покинувшихъ городъ.

Но вотъ уже поистинѣ волшебное превращеніе. Я раньше сказалъ, до чего анафемскій голодъ царилъ въ Одессѣ и что ни за какія деньги нельзя было достать самыхъ незатѣйливыхъ продуктовъ. Но въ первый же день изгнанія большевиковъ возы, наполненные всѣмъ съѣстнымъ, сотнями и тысячами запруди-

ли площади и улицы, а изъ окрестныхъ селъ и нѣмецкихъ колоній стягивались все новые и новые караваны. Чего-чего только не было на этихъ возахъ! Караван чернаго хлѣба, давно невиданныя бѣлыя булки, кольцевидныя змѣи всевозможныхъ колбасъ, пышные окорока, сало и телятина...

Вскорѣ Одессу посѣтилъ генералъ Деникинъ, торжественно и пышно встрѣченный военными, духовенствомъ, всевозможными организаціями и несмѣтными толпами населенія. Главнокомандующему Вооруженными Силами Юга Россіи устроенъ былъ въ Лондонской гостиницѣ обѣдъ. На этомъ обѣдѣ я поднесъ генералу Деникину «Чарочку» и пропѣлъ, на мотивъ «Ямщикъ, не гони лошадей», привѣтствіе собственнаго сочиненія. Вотъ оно:

Пускай осуждаетъ иной
Всѣхъ тѣхъ, кто здѣсь пьетъ и поетъ,
Я вѣрю, Деникинъ-герой
Спасенье Россіи пришлетъ.
О нѣтъ, не забытъ нами онъ
Повсюду царитъ его тѣнь,
И праздничный говоръ и звонъ
Простятся въ сегодняшній день.

Боже, какъ тогда вѣрилось, что это уже навсегда, и что русская національная власть укрѣпится на вѣки вѣчные, не только въ Одессѣ, а и на всей русской землѣ. Хотѣлось, мучительно хотѣлось вѣрить.

Но бѣжали дни за днями, и вѣра падала, блѣднѣла, отравляемая горечью сомнѣній. Власть бѣлыхъ оказалась такою же непрочной, какой была съ января по мартъ до прихода красныхъ, и какой была здѣсь совѣтская съ марта по августъ. Къ январю все уже такъ разложилось, что сорокатысячный офицерскій корпусъ не могъ оказать сопротивленія наступавшимъ на Одессу бандамъ, приблизительно такимъ же, какъ и григорьевская банда въ мартѣ.

О дальнѣйшемъ не охота и вспоминать, такъ это тяжело и больно...

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Судорога «бѣлаго» Крыма. «Плыви, мой челнъ, по волѣ волнъ». Въ Константинополѣ. У Піонтковской. Турецкій паша — меценатъ. Столкновеніе съ Изой Кремеръ. Новое дѣло. Его разгромъ. И «Прекрасная Елена» не спасла. Корфу. Венеціанскія впечатлѣнія. Какъ въ Прагѣ мы подвизались въ балаганѣ.

Крымъ — этотъ послѣдній клочекъ русской земли, занятый бѣлыми національными войсками, выражаясь языкомъ тогдашней прессы, «агонизировалъ». Врангель девятый мѣсяцъ героически защищалъ подступы къ горлышку крымской бутылки, но на этихъ подступахъ въ несмѣтномъ количествѣ накапливалась красная армія, снятая съ польскаго фронта.

Большевики хвастались:

— Полъ-милліона уложимъ, а крымскому барону свернемъ шею!

И дѣйствительно, не жалѣли пушечнаго мяса. Сѣрая скотинка съ пятиконечной звѣздою на фуражкѣ, густо и обильно устилала позиціи, а взамѣнъ павшихъ появлялось все новое и новое пушечное мясо.

Учитывая это, Врангель разработалъ планъ эвакуаціи задолго до его осуществленія, а тѣ, кто не былъ прямо связанъ съ арміей, эвакуировались понемногу сами.

Въ то время, такое тревожное и нервное, я на-

ходился въ Ялтѣ, и, какъ говорятъ, жительство имѣлъ въ гостиницѣ «Россія» .

Моей сосѣдкой была моя спутница по эмигрантскимъ скитаньямъ Анна Назаровна Васильева, молодая женщина русскихъ кровей, съ русскимъ именемъ, съ профилемъ римлянки, хотя и бѣлокурая и молочно - розовая. Все было безмятежно, какъ крымское осеннее солнце, чистая лазурь небесъ и легкая зыбь малахитоваго моря. Темнозеленыя горы, упоительный воздухъ. И вдругъ средь этого земного рая — тревожный кличъ, все перевернувшій. Ураганомъ вбѣгаетъ ко мнѣ въ номеръ огненно-рыжій, лохматый скрипачъ:

— Юрій, спасайся, кто можетъ!

— Въ чемъ дѣло?

Скрипачъ, по основной профессіи своей инженеръ, толково и, какъ говорятъ въ Одессѣ, «интеллигентно» нарисовалъ мнѣ грозную картину: Крымъ виситъ на волоскѣ, несмѣтныя полчища вдохновляемыхъ пулеметами, поставленными сзади, прутъ не цѣпями, а тучами чингизъ-хановскихъ ордъ. Неизбѣжна эвакуація, но когда она начнется, будетъ адъ кромѣшный. Тѣмъ, кто не въ рядахъ бойцовъ, рекомендуется заблаговременно оставить послѣднюю пядь родной земли, чтобы не попасть въ окровавленныя лапы совѣтскихъ гориллъ...

Рыжій скрипачъ, хотя и былъ не пріятнымъ вѣстникомъ, но зато какъ нельзя болѣе своевременнымъ. Тѣмъ болѣе, что моя агитаціонная роль среди бѣлыхъ извѣстна большевикамъ и, попадись я имъ, на лучшій случай я удостоился бы разрывной пули въ затылокъ. А тутъ еще поползъ слухъ, что на Ялту уже отходятъ кавалерійскія части, и когда онѣ продвинутся вплотную и начнутъ грузиться, поднимется столпотвореніе вавилонское.

Мы устроились съ А. Н. Васильевой на пароходѣ, отходившемъ въ Севастополь. Тамъ, въ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго будетъ, какъ ни какъ, надежнѣй и лучше. Хотя пароходъ переполненъ тифоз-

ными, но одна мысль, что мы покидаемъ Ялту, не защищенную и кишащую тайными большевиками, заставляла забыть всѣхъ тифозныхъ на свѣтѣ. Но въ Севастополѣ тоже было затишье передъ бурей. Гостиница Киста, гдѣ мы остановились, носила слѣды развала, и въ номерахъ было такъ же холодно, какъ и на улицѣ въ осеннюю ночь.

Здѣсь мой старый прiятель по Петербургу, капитанъ перваго ранга, бывш. командиръ Императорской яхты «Александрiя» Мясоѣдовъ-Ивановъ, узнавъ, что А. Н. Васильева оставила въ Одессѣ много цѣнныхъ вещей, устроилъ ей поѣздку въ Одессу, на пароходѣ, которымъ онъ командовалъ. Но оказалось, большевики, уже занявшiе Одессу, обстрѣляли бѣлогвардейскiй пароходъ, и онъ вынужденъ былъ возвратиться въ Севастополь. А А. Н. Васильева, сошедшая на берегъ, застряла въ Одессѣ.

Уже Севастополь, эта послѣдняя цитадель Врангеля, былъ наканунѣ эвакуацiи.

Счастье не отвернулось отъ меня: на Севастопольскомъ рейдѣ стоялъ греческiй миноносецъ «Пантера», новенькiй, только что пришедшiй съ бразильскихъ доковъ, гдѣ онъ сооружался еще съ нѣсколькими миноносцами для греческаго флота. Я, какъ греческiй подданный, имѣлъ шансы найти на борту «Пантеры» прiютъ. Дѣйствительно, командиръ ея, бравый капитанъ Яни-Коста предложилъ мнѣ самое широкое гостепрiимство, давъ право взять съ собою еще кое-кого изъ русскихъ. Я не преминулъ этимъ воспользоваться для извѣстной въ Петербургѣ семьи Ярмонкиныхъ.

Въ самый послѣднiй моментъ я устроилъ на миноносецъ зубного врача Вальтера. Этотъ маленькiй, хромоногiй толстякъ былъ тоже извѣстнымъ петербуржцемъ.

Мы пересѣкли Черное море съ потрясающей быстротою. Мало того, что кормили насъ хорошо, но у Ярмонкиныхъ еще оказался большой запасъ икры и всевозможныхъ закусокъ. Въ каютъ - компанiи мы устраивали концерты, я пѣлъ, а двое молодыхъ лей-

тепантовъ аккомпанировали мнѣ на гитарахъ и превратились съ первыхъ же дебютовъ въ завзятыхъ цыганомановъ.

Недалеко отъ входа въ Босфоръ мы очутились въ густомъ, непроглядномъ туманѣ. И вотъ гдѣ я дивился искусству греческихъ моряковъ! Миноносецъ прорѣзывалъ этотъ туманъ, идя какъ въ ясный солнечный день и, пройдя во мглѣ весь Босфоръ, не задѣвъ ни одного изъ кораблей международной флотіи, бросилъ якорь у Галатскаго моста.

Моей мечтой было какъ можно скорѣе сойти на берегъ и ощутить подъ ногами твердую почву. Первые дни меня удерживало недомоганіе. Въ дорогѣ я простудился и особенно застудилъ полость рта. Причиною былъ холодъ, свирѣпствовавшій на миноносцѣ. Приплывъ изъ жаркихъ странъ, онъ еще не былъ снабженъ отопленіемъ. У меня раздуло щеку, и только хирургическое вмѣшательство Вальтера спасло меня отъ воспаленія надкостницы. Меня это лишній разъ убѣдило, что какъ дурныя, такъ и добрыя дѣянія по заслугамъ воздаются судьбою. Я помогъ Вальтеру, Вальтеръ помогъ мнѣ. Но когда я уже совсѣмъ оправился, капитанъ Яни-Коста ни за что не хотѣлъ меня отпускать. Онъ полюбилъ меня, привыкъ къ моему обществу и въ особенности къ моему пѣнію. Онъ звалъ меня ѣхать въ Афины. Въ концѣ концовъ онъ внялъ моимъ мольбамъ и спустилъ меня на берегъ.

Я очутился въ Константинополѣ, этомъ сказочномъ городѣ съ восемью деникинскими тысячерублевками — «колокольчиками» — что, по тогдашнему курсу, было равно нѣсколькимъ турецкимъ піастрамъ.

Нѣкоторое время я былъ въ уныніи, пока не встрѣтилъ Валентину Ивановну Піонтковскую. Она была директрисой театра «Паризіана», гдѣ собирались по вечерамъ сливки экспедиціоннаго корпуса.

Піонтковская пригласила меня пѣть въ «Паризіа-

нѣ», и я выступилъ въ первый же вечеръ, и гонораръ былъ мнѣ положенъ 35 лиръ въ сутки. Я сразу почувствовалъ себя Ротшильдомъ, но кромѣ этого, я получалъ еще отъ офицеровъ союзныхъ армій и флота денежные подарки за частныя выступленія въ ихъ интимной компаніи. И сплошь да рядомъ, покидая на зарѣ театръ, я уносилъ въ карманахъ валюту всѣхъ странъ — американскіе и мексиканскіе доллары, турецкіе, англійскіе и египетскіе фунты, французскіе и бельгійскіе франки, итальянскія лиры и греческія драхмы.

Но вотъ Босфоръ запрудился 130 кораблями флотиліи Врангеля. Это былъ клочекъ пловучей Россіи, не пожелавшій остаться подъ большевицкимъ ярмомъ. Женщины и дѣти изнемогали отъ голода и жажды. Снабженіе всей этой бѣженской армады въ первые дни совсѣмъ не было налажено. Необходима была немедленная помощь. Я организовалъ бродячій хоръ. и съ мандолинами, гитарами мы давали концерты на улицахъ, на площадяхъ, во дворахъ турецкихъ министерствъ, возлѣ иностранныхъ посольствъ, подъ окнами богатыхъ левантинцевъ, армянъ и грековъ. Деньги сыпались, какъ изъ рога изобилія. Особенно щедры были турки, влюбленные въ русскихъ дамъ. Мы пѣли имъ сантиментальные романсы, а они, расчувствовавшись, давали намъ по пятидесяти и по сто лиръ.

Накупивъ провизіи, фруктовъ, минеральной воды. мы, погрузивъ все это на яликъ, подплывали къ пароходамъ съ бѣженцами и раздавали всѣ свои запасы. главнымъ образомъ, дѣтямъ и женщинамъ. И такъ продолжалось нѣсколько дней. Помощь наша. хотя и незамѣтная съ виду, на дѣлѣ оказалась довольно значительной. Значительной также и въ смыслѣ моральномъ: мы показали нашимъ соотечественникамъ, что они не забыты тѣми. кто находятся на свободѣ и въ лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ.

Я уже отмѣтилъ. что моя служба въ «Паризіанѣ» приносила мнѣ болѣе. чѣмъ достаточно денегъ. На-

столько, что хотя я жилъ широко и еще шире помогалъ, однако-же, въ сравнительно короткій промежутокъ времени я отложилъ двѣ тысячи турецкихъ лиръ. Я уже подумывалъ, какъ-бы распорядиться поцѣлесообразнѣе этой суммою, но судьба за меня распорядилась сама.

Былъ банкъ въ Галатѣ, а въ этомъ банкѣ служилъ нѣкій Книрша, въ прошломъ — маленькій актеръ. Не надо смѣшивать съ его братомъ Книршею, петербургскимъ присяжнымъ повѣреннымъ, сдѣлавшимъ себѣ имя защитою Дмитрія Вонлярлярскаго. Такъ вотъ этотъ Книрша, не присяжный повѣренный и не защитникъ Вонлярлярскаго, соблазнилъ меня на одну финансовую комбинацію, носившую патріотическій характеръ. Этотъ патріотическій элементъ и соблазнилъ меня. Но въ результатѣ, увы и для національнаго русскаго дѣла ничего не получилось, и свои двѣ тысячи лиръ я потерялъ самымъ безнадежнѣйшимъ образомъ.

А изъ «Паризіаны» я ушелъ, да если-бы и не ушелъ, она все равно закрылась-бы. Пришлось серьезно задуматься надъ тѣмъ, какъ быть и что предпринять?..

Но свѣтъ не безъ добрыхъ людей. По странной ироніи судьбы, въ нашемъ бѣженскомъ взбаломученномъ морѣ этими добрыми людьми оказывались большею частью наши недавніе враги по Великой Войнѣ — турки. Много трогательныхъ страницъ можно было-бы заполнить описаніемъ того, что дѣлали въ частномъ, интимномъ порядкѣ для нашихъ бѣженцевъ отдѣльные турки.

Такой «отдѣльный» турокъ выпалъ и на мою долю.

Это былъ богатый, европейски воспитанный и образованный паша, очень мало жившій въ Константинополѣ и очень много жившій въ Европѣ. У него имѣлся роскошный особнякъ, въ которомъ онъ не останав-

ливался, навѣщая изрѣдка столицу своей родины и предпочитая апартаментъ въ Пера-Паласъ отелѣ. Паша предложилъ мнѣ свой трехъэтажный особнякъ, со всѣмъ его убранствомъ и съ многочисленнымъ штатомъ прислуги, начиная отъ поваровъ и кончая лакеями-нубійцами, частью въ восточномъ одѣяніи, частью въ расшитыхъ золотомъ вицъ-мундирахъ съ эполетами и аксельбантомъ на лѣвомъ плечѣ.

— Устраивайте, что хотите, и какъ хотите.

Я и устроилъ: въ одномъ этажѣ ресторанъ съ концертной программой, въ другомъ этажѣ гостиныя комнаты и библіотека, въ третьемъ—карточный клубъ. А если ко всему этому прибавить еще волшебный тропическій уголокъ въ видѣ зимняго сада, то будетъ понятнымъ, почему устремились къ намъ и дамы, залитыя бриллiантами, и тѣ сливки экспедиціоннаго корпуса, которымъ я былъ хорошо извѣстенъ по «Паризіанѣ».

Я былъ главнымъ директоромъ этого предпріятія, а моей главной сотрудницей была Иза Кремеръ.

Однажды у насъ былъ особенно парадный вечеръ; были французскіе, англійскіе и американскіе адмиралы, былъ почти весь штабъ командующаго союзными силами на Ближнемъ Востокѣ генерала Франше д'Эсперэ.

Настроенія въ этой средѣ были явно монархическія, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Россіи. Эти оговорки необходимы для уясненія дальнѣйшаго.

По требованію публики, оркестръ исполнилъ русскій гимнъ. Всѣ встали, какъ одинъ человѣкъ. Всѣ, за исключеніемъ Изы Кремеръ. Она демонстративно продолжала сидѣть.

Ко мнѣ подходитъ французскій полковникъ, весь въ орденахъ и съ возмущеніемъ заявляетъ:

— Какъ вы допускаете это? Какъ смѣетъ эта дама сидѣть, когда всѣ слушаютъ гимнъ стоя, всѣ, до высшихъ чиновъ нашей арміи и флота!

Я былъ и безъ того накаленъ безтактнымъ поведеніемъ Изы Кремеръ, а вполнѣ резонное замѣчаніе французскаго офицера подлило еще масла въ огонь.

Я подошелъ къ Изѣ Кремеръ и сказалъ:

— До вашихъ политическихъ убѣжденій мнѣ нѣтъ никакого дѣла, но хотя-бы потому, что вы являетесь сотрудницей этого предпріятія, вамъ слѣдовало встать, чтобы не быть объектомъ возмущенія всѣхъ нашихъ гостей. И, наконецъ, если ужъ вамъ такъ непріятенъ русскій гимнъ, вы могли незамѣтно уйти. До сихъ поръ я отказывался вѣрить, что въ Одессѣ, во дни большевиковъ, вы пѣли въ мѣстной чрезвычайкѣ одѣтая во все красное, но послѣ того, что произошло, я не сомнѣваюсь, что это было именно такъ!..

Иза Кремеръ начала мнѣ что-то возражать, сейчасъ уже не помню, что именно, я не сдержался и рѣзко потребовалъ:

— Сейчасъ же, сію минуту потрудитесь покинуть залъ.

Мое требованіе было немедленно исполнено. Прошло много лѣтъ, и я ни на одинъ мигъ не жалѣлъ о моемъ поступкѣ, хотя тогда же, въ Константинополѣ, онъ мнѣ дорого обошелся. Читатель увидитъ, какъ и почему наше предпріятіе въ особнякѣ щедраго паши прекратилось самымъ неожиданнымъ образомъ. Нашъ благодѣтель скоропостижно скончался гдѣ то на благодатной французской Ривьерѣ. Наслѣдники паши, а таковыхъ оказалось нѣсколько, совсѣмъ не склонны были продолжать его меценатскую затѣю, и съ восточной деликатностью, но вполнѣ твердо, просили очистить особнякъ.

Я попытался было заикнуться, что теперь мы настолько уже окрѣпли, что можемъ оплачивать помѣщеніе, но и это не имѣло никакого успѣха. Пришлось эвакуироваться въ ударномъ порядкѣ, какъ говорятъ большевики, и устремить свои взоры на поиски чего-нибудь новаго. Увы, это было не такъ легко. Всѣ

лучшія мѣста были уже разобраны, расхватаны, никуда не приткнешься, и надо было превратиться въ ресторапнаго Колумба, дабы открыть что нибудь совсѣмъ невѣдомое, а затѣмъ это невѣдомое приспособить въ надлежащемъ смыслѣ.

За городомъ, вѣрнѣе, почти за городомъ, ибо это уже окраина, пересѣкаемая длинною улицею Шишли, процвѣталъ негръ Томасъ со своею «Стеллою». Этотъ уголокъ привлекалъ кутящую публику и дѣлалъ хорошія дѣла. Кстати, Иза Кремеръ, уйдя отъ меня, начала выступать у Томаса. Невдалекѣ отъ «Стеллы», поближе къ центру, имѣлся маленькій полу-садъ, полу-пустырь, прозябавшій самымъ жалкимъ, самымъ безславнымъ образомъ. И вотъ его то я съ Настей Поляковой взяли въ аренду. Закипѣла работа.

Ближайшими моими помощниками были — многоопытный въ этомъ дѣлѣ и, вообще, на все руки талантливый Александръ Семеновичъ Полонскій и художникъ Непокойчицкій. Въ результатѣ изъ поганаго пустыря мы сдѣлали птербургскій лѣтній «Буффъ» въ миніатюрѣ. Выросли легкіе, изящные павильоны, кіоски, дорожки были усыпаны какимъ то необыкновеннымъ гравіемъ. Весь садъ такъ ослѣпительно былъ залитъ электричествомъ, что надъ нимъ стояло багровое зарево, видимое издалека. У подъѣзда — шесть дуговыхъ фонарей, въ буквальномъ смыслѣ слова небо пылало заревомъ. Потускнѣла томасовская «Стелла». Вся трагедія была въ томъ, что публика, направлявшаяся въ «Стеллу», не доѣзжая, заворачивала къ намъ, въ «Стрѣльну» и у насъ уже бросала якорь.

На амплуа гарсоновъ у насъ были свѣтскія и титулованныя русскія дамы; не потому, что мы къ этому стремились, а такъ выходило случайно.

Мы процвѣтали, больше чѣмъ процвѣтали — блаженствовали. Даже нѣкоторые хозяйственные недоче-

ты и упущенья не могли особенно поколебать нашихъ доходовъ. А недочеты сводились, главнымъ образомъ, къ тому, что завѣдываніе баромъ не находилось на должной высотѣ. Въ завѣдывающіе я взялъ Мейендорфа, высокаго мужчину съ довольно рѣзкимъ и носатымъ профилемъ, а въ помощники къ нему приставилъ моего многолѣтняго друга и аккомпаніатора — Сашу Макарова, нынѣ покойнаго, Царство ему небесное! Но вотъ, уже не знаю, кто кого научилъ — Саша Макаровъ Мейендорфа, или Мейендорфъ Сашу Макарова, но только они рѣшили, что гораздо выгоднѣе, по крайней мѣрѣ для нихъ, торговать своими напитками и деньги класть въ свой карманъ, а мое вино стояло нетронутымъ. Но, повторяю, даже эти комбинаціи не могли свалить насъ, свалило насъ другое.

Оккупаціонная жандармерія и полиція установила предѣльный часъ для торговли въ ночныхъ ресторанахъ, варьетэ и барахъ. За нарушеніе этого правила налагали взысканія и кары. Это въ теоріи, на практикѣ же, если и не всегда, то довольно часто можно было найти обходную лазейку.

У насъ, хотя обходныхъ лазеекъ и не было, но полагаясь на наше отечественное «авось», мы не особенно строго соблюдали предѣльный часъ... И сплошь да рядомъ онъ затягивался до бѣлаго дня.

И вотъ на насъ послѣдовалъ доносъ. Мнѣ передавали, будто это произошло не безъ участія Изы Кремеръ, которая въ это время выступала у нашего конкурента въ ресторанѣ Томаса «Стелла». Если это такъ, то весьма возможно, это была личная месть мнѣ за скандалъ во время исполненія гимна.

Въ итогѣ насъ закрыли на восемь дней, — это было равносильно полному разгрому. Превосходно вертѣвшееся колесо остановилось, замерло. Всѣ тѣ веселящіяся компаніи, которыя направлялись къ намъ, увидѣвъ, что у насъ глухо и пусто, по энерціи попадали въ гостепріимныя объятія «Стеллы». Правда, насъ любили, намъ сочувствовали, но отъ этого намъ

не было легче. Стараясь «сохранить лицо», мы объясняли гостямъ, что у насъ ремонтъ, что мы готовимъ нѣчто изумительное — весь Константинополь ахнетъ — но и эта невинная ложь практически ничего не давала. Хотя не совсѣмъ ложь. Мы, дѣйствительно, готовили нѣчто изумительное, и вправду ахнулъ весь Константинополь, но даже и это не могло покрыть нашихъ убытковъ.

Мы долго и тщательно готовились къ постановкѣ «Прекрасной Елены», съ новыми, чисто Рейнгардовскими трюками. Елену — Піонтковскую выносили въ паланкинѣ чернокожіе рабы, и это не были статисты, вымазанные сажею, а настоящіе колоссальнаго роста негры и нубійцы. Агамемнонъ выѣзжалъ на осликѣ, а Менелая - Полонскаго вносилъ на сцену турецкій грузчикъ «хамалъ». Если прибавить къ этому два оркестра музыки, кордебалетъ и хоръ, оригинальную постановку, дѣйствіе въ публикѣ, при эффектномъ освѣщеніи прожекторовъ, красочность костюмовъ, то будетъ понятенъ ошеломляющій успѣхъ «Прекрасной Елены». Это былъ нашъ послѣдній лучъ солнца, погасшій въ густыхъ, зловѣщихъ тучахъ, скопившихся надъ нашими головами.

Нашей тяжелой, надгробной плитою оказался прозаическій подоходный налогъ. Турецкіе чиновники, вѣдающіе налогами, пользовавшіеся ежедневнымъ нашимъ широкимъ гостепріимствомъ, все время увѣряли насъ, что подоходный налогъ — лишь буква закона, не болѣе, и что намъ платить въ турецкую казну ничего не придется, — они, чиновники, позаботятся объ этомъ. Мы легкомысленно вѣрили имъ.

И вотъ, въ одно скверное утро, я получилъ повѣстку съ требованіемъ въ кратчайшій срокъ уплатить подоходный налогъ въ размѣрѣ 5.000 турецкихъ лиръ! За неплатежъ—изволь садиться въ тюрьму! Чудесный народъ турки, но ужасны ихъ тюрьмы. Перспектива очутиться въ одномъ изъ этихъ клоповниковъ не прельщала меня нисколько, а внести 5000 лиръ было для меня такой же физической невозможностью.

какъ, скажемъ, проглотить великолѣпную мечеть Айя-Софія. Надо было выбирать что-то среднее между этими двумя крайностями. Я рѣшилъ стремительно покинуть берега Босфора, дабы ускользнуть отъ ничуть незаслуженной мною тюрьмы. А то, что турецкая казна не получитъ подоходнаго налога съ меня, русскаго бѣженца и греческаго подданнаго — право же, въ этомъ грѣхъ небольшой для меня и еще меньшій для казны. Да кстати, мое греческое подданство усугубило-бы мои тюремныя страданія, ибо, какъ извѣстно, турки особенной нѣжности къ грекамъ не питали и не питаютъ.

Итакъ, жребій брошенъ!

Въ полдень я еще завтракалъ у Токатліана въ обществѣ моихъ друзей и знакомыхъ, а въ часъ дня былъ уже на борту итальянскаго парохода «Клеопатра» и былъ забронированъ экстерриторіальностью. Мои чемоданы отправлены были еще съ вечера на пароходъ.

Не могу не вспомнить о случайномъ эмигрантѣ «грекѣ» Вертинскомъ. Случайно очутился онъ въ Константинополѣ послѣ краха бѣлаго движенія, и тотчасъ же открылъ вмѣстѣ съ талантливѣйшимъ куплетистомъ Сарматовымъ «Русскій трактиръ». Но пайщики не поладили, разошлись и Вертинскій открылъ свое собственное заведеніе «Розъ Нуаръ».

Въ этотъ періодъ часто можно было видѣть на Грандъ рю де Пера, какъ длинный Вертинскій, выступая журавлинымъ шагомъ, ведетъ за руку крохотнаго мальчика. Этотъ мальчикъ былъ сыномъ дамы, за которой ухаживалъ Вертинскій. Однажды, съ балкона трактира Сарматова я вмѣстѣ съ нимъ наблюдалъ картину этого умилительнаго шествія...

Сарматовъ, улыбаясь, схватилъ листъ бумаги и набросалъ слѣдующій экспромтъ:

Вертинскій мальчика съ собою водитъ
По шумнымъ улицамъ. Не знаю, почему?
И глупо это такъ выходитъ,

И въ этомъ мальчикѣ, что надобно ему?
А просто такъ: какъ шутъ елейный...
Всегда лишь полонъ онъ затѣй.
Какъ б. увядшая, чтобъ видъ имѣть семейный.
Таскаетъ за собой кухаркиныхъ дѣтей.

Зло, полно глумленія, но надо отдать справедливость, — очень талантливо.

— Напиши-же и на меня экспромтъ, — попросилъ я Сарматова. — Я не обижусь, даже если онъ будетъ такой-же злой...

Талантливый куплетистъ подумалъ нѣсколько секундъ, лукаво улыбнулся и написалъ:

Вотъ Вамъ яркая фигура:
Вѣчно веселъ, въ мѣру — пьянъ.
Это кто? Морфесси Юра,
Сѣдовласый нашъ баянъ!..

Мою скитальческую судьбу раздѣлила часть моихъ артистическихъ друзей и соратниковъ по работѣ въ послѣднемъ нашемъ прибѣжищѣ, во главѣ съ Настей Поляковой. Послѣ этого краха наши финансы были совсѣмъ не блестящи, наше ближайшее будущее было туманно. Оставалось уповать лишь на Господа Бога.

Не успѣли мы еще пройти Дарданеллы, какъ мнѣ пришла идея, каковую я развѣ только по своей скромности не назову геніальной. Учтя многочисленныхъ нарядныхъ пассажировъ и вообще комфортъ и размахъ, царившій на этомъ почти океанскомъ пароходѣ, я предложилъ моей маленькой труппѣ:

— Дадимъ концертъ и посмотримъ, что изъ этого выйдетъ!

Вышло успѣшно и обогатило нашу тощую кассу безъ малаго на 4.000 итальянскихъ лиръ. Грядущее уже не казалось такимъ мрачнымъ, и даже сѣренькій дождливый день, встрѣтившій насъ въ Пи-

реѣ, показался солнечнымъ. Въ Иреѣ стало на пароходѣ однимъ высокопоставленнымъ пассажиромъ больше — это былъ греческій эксъ-король. Мы проходили узенькую ленточку Коринфскаго канала. Съ обѣихъ сторонъ бѣжали за пароходомъ полунагіе бронзовые мальчишки. Мы имъ бросали мѣдныя монеты, и они ловили ихъ съ ловкостью жонглеровъ...

Первой остановкой былъ дивно живописный островъ Корфу, съ его темно-игольчатыми кипарисами.

Мы сошли на берегъ, на каждомъ шагу любуясь красотами Корфу. Мы видѣли греческихъ эвзоновъ, — людей громаднаго роста въ фескахъ съ длинными кисточками, съ цѣлымъ арсеналомъ оружія, съ замѣчательнымъ поясомъ десятиметровой длины, въ бѣлыхъ пышныхъ юбкахъ, подобныхъ тюникамъ балерины и въ длинныхъ бѣлыхъ обмоткахъ. Это самое воинственное греческое племя, родомъ изъ Эпира. Я говорю по гречески. Одному изъ этихъ эвзоновъ я высказалъ свой восторгъ передъ волшебной природой острова. Мой собесѣдникъ пожалъ плечами.

— Ничего нѣтъ удивительнаго. Здѣсь у насъ, на Корфу, былъ тотъ библейскій рай, который почему то приписывается долинѣ Евфрата.

На Корфу обрѣли вѣчный покой тысячи сербскихъ бойцовъ, которые, послѣ своего легендарнаго отступленія черезъ Албанію, высажены были здѣсь для отдыха и реорганизаціи передъ отправкою на Солоникскій фронтъ. Тутъ родилась пѣсня, которую сейчасъ поетъ вся Югославія:

— «Тамо далеко, далеко, край нашъ родной».

Мы поклонились могиламъ нашихъ доблестныхъ союзниковъ-славянъ. Дальше — Бриндизи и Венеція. Въ Венеціи мы окончательно промѣняли зыбкую морскую стихію на твердую землю.

Въ Венеціи мы продѣлывали традиціонный для всѣхъ путешественниковъ ритуалъ: посѣщеніе дворца Дожей, кормленіе голубей на Плаца Санъ-Марко, катаніе на гондолахъ по большому каналу. Ночью

мы, скользя мимо уснувшихъ палаццо, пѣли цыганскіе романсы, и такъ какъ въ это время все это было еще ново въ Венеціи, наша цыганщина производила сенсацію.

Но еще большую сенсацію произвелъ я съ однимъ моимъ другомъ, полковникомъ. Зашли мы въ баръ, наполненный гостями. И явилась намъ озорная мысль перепробовать всѣ ликеры, имѣвшіеся въ буфетѣ. Каждый изъ насъ выпилъ по 20 рюмокъ густой, маслянистой жидкости всѣхъ вкусовъ, цвѣтовъ и оттѣнковъ. Это произвело потрясающее впечатлѣніе и на хозяина, и на весь персоналъ, и на публику. Насъ провожали съ поясными поклонами и за нами долго слѣдовалъ хвостъ изъ нѣсколькихъ десятковъ любопытныхъ. Мало этого, когда на другой день мы скромно ѣли мороженое на площади св. Марка, подъ портиками кафе Флоріана, которое за триста лѣтъ никогда, ни на одинъ день не запиралось, вокругъ насъ собралась толпа, привлеченная тѣми, кто наканунѣ былъ свидѣтелемъ нашего подвига въ барѣ.

Слѣдующій нашъ этапъ — Вѣна. Въ австрійской столицѣ намъ не повезло, что я и предвидѣлъ. Были переговоры съ дирекціей Большого Театра. Намъ дали дебютъ. Пришелся онъ какъ разъ на православную нашу Страстную Субботу. Я уговаривалъ моихъ коллегъ, убѣждалъ, что въ этотъ день нельзя пѣть, а если мы выступимъ, ничего хорошаго намъ это не принесетъ. Я оказался въ одиночествѣ, всѣ остальные были за дебютъ. Скрѣпя сердце, я долженъ былъ покориться. И получилась неудача. Самый дебютъ прошелъ не плохо, но съ дирекціей вышли тренія, контрактъ не былъ подписанъ. Другихъ предложеній не было, и мы уѣхали въ Прагу. Тамъ дѣла пошли бойчѣе. Мы съ успѣхомъ выступали въ ресторанѣ «Златни Гусли». Но вотъ подоспѣла большая полу-выставка, полу-ярмарка, гдѣ мы

отважились выступить, независимо ни отъ кого, а своей собственной антрепризою.

Мы сняли балаганъ и въ такомъ же балаганномъ духѣ начали свои концерты. Мой другъ полковникъ зазывалъ гостей. Брали мы по двѣ и по три кроны. Публика валомъ валила. Антрактовъ не было, одна программа смѣняла другую. Не успѣвали мы кончить, зрительныя мѣста балагана очищались, наполнялись вновь, и начинался очередной сеансъ. Чистаго искусства въ этихъ ремесленныхъ выступленiяхъ было немного, но зато былъ матерiальный успѣхъ, столь необходимый въ виду полной неопредѣленности дальнѣйшаго.

Вѣсть о нашихъ лаврахъ въ деревянномъ пражскомъ балаганѣ докатилась до Парижа, и мы получили выгодный контрактъ отъ бывшаго русскаго офицера, который держалъ на улицѣ Комартенъ ресторанъ «Тройку», впослѣдствiи перенесенный куда-то на Монмартръ.

Послѣ патрiархальной чешской столицы, Парижъ ослѣпилъ, оглушилъ и очаровалъ насъ. Да и въ «Тройкѣ» была совсѣмъ другая публика. Въ то сравнительно далекое время было еще много богатыхъ русскихъ, и дамы первыхъ рядовъ сверкали такими бриллiантами, что, если-бы ихъ собрать воедино, можно было-бы на вырученныя деньги освободить Россiю отъ большевиковъ...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Моя первая и послѣдняя встрѣча съ Григоріемъ Распутинымъ. Его самозванный секретарь Симановичъ. Поѣздка по Сибири. Сознательные революціонные солдаты. Китайскій театръ. Въ чайномъ домикѣ.

Распутинъ во дни его наибольшей популярности заинтересовалъ собою всѣ круги петербургскаго общества и даже тѣ, которые до самаго послѣдняго времени съ нимъ не соприкасались, да и не имѣли ни желанья, ни практической выгоды соприкасаться.

Я разумѣю артистическіе круги — художниковъ, пѣвцовъ, журналистовъ, актеровъ. Но и здѣсь произошелъ сдвигъ. Этотъ мужицкій сфинксъ, полуюродивый, полу-сектантъ заинтриговалъ многихъ изъ насъ. Свѣтскія и полусвѣтскія дамы, извѣстныя прямой и относительной близостью къ Распутину, устраивали обѣды и на эти обѣды, вѣрнѣе, на «старца» приглашали литераторовъ и артистовъ.

На одинъ изъ такихъ обѣдовъ приглашена была цѣлая группа: неизмѣнные Аяксы — актеръ Ходотовъ и піанистъ Вильбушевичъ, гармонистъ Рампъ, танцовщикъ Шурка Орловъ, еще нѣсколько человѣкъ и я.

Хозяйка дома, по происхожденію полугречанка, была очень горда тѣмъ, что можетъ показать намъ Распутина. Я пріѣхалъ вмѣстѣ съ Ходотовымъ, и первымъ нашимъ впечатлѣніемъ былъ этотъ «винов-

никъ торжества». Въ гостиной, въ тѣсномъ сосѣдствѣ нѣсколькихъ дамъ сидѣлъ тотъ, чье имя широко было извѣстно не только въ Россіи, но и за границей. Длинные, густо напомаженные или намасленные волосы не производили особенно пріятнаго впечатлѣнія, какъ, впрочемъ, и вся фигура знаменитаго старца. Жиденькая борода, крупныя, словно топоромъ вырубленныя черты и маленькіе, пытливые глазки. Одѣтъ онъ былъ въ поддевку поверхъ малиновой косоворотки, а плисовые штаны были заправлены въ высокіе сапоги. При ближайшемъ разсмотрѣніи, ногти Распутина оказались обведенными траурной каймой. Внѣшній обликъ не располагалъ къ себѣ. и не было никакого желанія подойти къ Григорію Ефимовичу, какъ заискивающе величали его здѣсь. Мы съ Ходотовымъ держались въ сторонѣ.

Замѣтилъ это Распутинъ, нѣсколько минутъ наблюдалъ насъ исподлобья. Ходотовъ отвѣчалъ ему не особенно ласковымъ взглядомъ. Старцу, избалованному всеобщимъ поклоненіемъ, это не понравилось. Цѣпко и легко для своей съ виду неуклюжей фигуры сорвавшись съ мѣста, онъ такой же цѣпкой и легкой походкой приблизился къ намъ, вѣрнѣе, къ Ходотову и спросилъ его:

— Что ты на меня такъ нехорошо глядишь? Видно, я не по сердцу тебѣ, не любишь меня?

Ходотовъ, пожавъ плечами, сухо отвѣтилъ:

— Что я? Тебя вся Россія не любитъ.

У Распутина что-то дрогнуло въ лицѣ и насупившись онъ отошелъ. Но недолго тянулось его мрачное настроеніе. За обѣдомъ ему усердно подливали краснаго вина, и онъ такъ же усердно пилъ стаканъ за стаканомъ. Ѣлъ онъ весьма не аппетитно, гораздо чаще прибѣгая къ помощи пальцевъ, нежели къ помощи вилки.

И здѣсь были его поклонницы, но присутствіе постороннихъ нѣсколько сдерживало этихъ дамъ. По словамъ очевидцевъ, на строго интимныхъ обѣдахъ

поклонницы въ какомъ-то благоговѣйномъ экстазѣ облизывали и обсасывали руки Распутина, запачканныя въ рыбномъ или говяжьемъ соусѣ.

Обѣдъ конченъ. Рамшъ, взявъ гармонію, съ виртуозной лихостью началъ исполнять плясовую. Зажженный этими звуками изящный и ловкій Орловъ, однимъ прыжкомъ очутившись на столѣ, пустился въ «русскую». Это подзадорило Распутина и онъ, разогрѣтый виномъ, ринулся въ присядку. Это былъ обыкновенный мужицкій плясъ, но съ несомнѣннымъ придаткомъ особенной волевой силы, мало по малу перешедшей въ хлыстовское радѣніе. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше отъ жестикуляціи старца вѣяло такой откровенной эротикой, что дѣлалось омерзительно. Я поспѣшилъ незамѣтно уйти. Это была моя первая и послѣдняя встрѣча съ фатальнымъ Григоріемъ Ефимовичемъ. Впрочемъ, она могла бы быть далеко не послѣдней, но я сознательно уклонялся отъ приглашенія въ тѣ дома, гдѣ могъ съ нимъ встрѣтиться.

Отъ Распутина вполнѣ понятенъ и логиченъ переходъ къ его личному секретарю Симановичу.

Разумѣется, это секретарство было мифическое и вполнѣ самозванное. Зная, что около старца легко поживиться и на его имени легко играть, Симановичъ назвался его секретаремъ.

Что такое Симановичъ?

Прежде всего мелкій клубный игрокъ, выражаясь клубнымъ языкомъ, «сидящій на швали». Потерпѣвъ пораженіе на карточномъ полѣ, онъ рѣшилъ вознаградить себя, эксплоатируя возможности и связи Распутина. Осѣдлавъ безграмотнаго мужика, Симановичъ преуспѣвалъ, выдумывая и осуществляя одинъ гешефтъ за другимъ. Онъ устраивалъ оргіи, на которыхъ опьянѣвшій Распутинъ дѣлался въ его рукахъ послушнымъ и слѣпымъ орудіемъ.

Если-бы Симановичъ на этомъ и закончилъ свою карьеру, — это бы еще съ полгоря, мало ли такихъ, какъ онъ, не стоило-бы о немъ и вспоминать. Но въ томъ-то и дѣло, что онъ осмѣлился выпустить свои

«Мемуары», къ великому прискорбію, вышедшіе на нѣсколькихъ языкахъ. Все въ этихъ мемуарахъ полно самаго безпардоннаго хвастовства, самаго циничнаго бахвальства. Русское изданіе можетъ вызвать только отвращеніе и смѣхъ, ибо всѣ знаютъ, что изъ себя представлялъ въ то время Симановичъ. Но неосвѣдомленные иностранцы, читая книгу Симановича на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, могутъ дѣйствительно повѣрить многому и даже тому, что Императрица Александра Феодоровна пользовалась его совѣтами. Почитать Симановича, — онъ былъ вхожъ во дворецъ, и въ дѣлахъ государственной важности Императрица прислушивалась къ его, Симановича, голосу.

Послушать его, у Царицы только и было заботъ, какъ бы получше обласкать и одарить семью Симановича. По его словамъ, Государыня выписала изъ Сибири пять горностаевыхъ манто: четыре для Великихъ Княженъ, своихъ дочерей, пятую... для мадамъ Симановичъ.

Но даже если-бы на всемъ этомъ остановилась наивная наглость Симановича, и это было бы еще кое-какъ понятно, и не простительно, нѣтъ, но хоть терпимо, какъ своего рода хлестаковщина человѣка, потерявшаго всякое чувство мѣры. Но главное отвращеніе въ томъ, что этотъ анекдотически невѣжественный человѣкъ, не говорящій ни на одномъ языкѣ, съ мѣстечковой психологіей и мѣстечковымъ кругозоромъ, осмѣливается критиковать поступки Государя, подчеркивая на каждомъ шагу, что вотъ, если-бы дворъ слѣдовалъ его, Симоновича, указаніямъ, то было бы такъ, а не этакъ, и не было бы революціи.

Трудно выдумать болѣе дурной тонъ, чѣмъ языкъ этихъ воспоминаній. «Не по Сенькѣ шапка», можно сказать по адресу этого мемуариста.

А вотъ гдѣ оказался Симановичъ въ своей родной стихіи, это въ роли импрессаріо дочери Распутина Марьи Григорьевны. Онъ возитъ по всему свѣту эту неуравновѣшанную, странную особу и показываетъ ее на подмосткахъ разныхъ кафешан-

тановъ и варьете. Всѣ ея номера и скетчи тенденціозное униженіе бывшей Императорской Россіи. Въ одномъ изъ такихъ скетчей Распутина появляется въ царской коронѣ и съ кнутомъ въ рукахъ, что должно символизировать «кровавую тиранію самодержавія».

Меня удивляетъ равнодушіе эмигрантской печати ко всей этой гнусности, вмѣстѣ съ вдохновителемъ ея — Симановичемъ.

Былъ 1917 годъ. Была керенщина. Я надумалъ большую Сибирскую поѣздку съ цѣлымъ рядомъ концертовъ, начиная съ Вологды и Перми и кончая Владивостокомъ.

Я съ моей труппою занялъ рядъ купэ въ спальномъ вагонѣ Сибирскаго экспресса. До Екатеринбурга все шло благополучно. Вѣрнѣе, какая то видимость благополучія. Никто не врывался къ намъ, но эта угроза висѣла надъ нами и вообще мы чувствовали себя во власти анархіи, быть можетъ, временно и случайно притаившейся. Дальнѣйшее показало, что это именно такъ.

Послѣ Екатеринбурга мы задержались гдѣ то глубокой ночью. Пренепріятно вспугнула нашъ сладкій сонъ громкая, столь же забористая сколь и заборная брань. Тщетно и слабо пытался возражать нашъ проводникъ. Въ вагонъ ввалилась ватага людей въ шинеляхъ, стучавшихъ сапожищами и прикладами винтовокъ.

И раздалась до судорогъ надоѣвшая, трафаретная пошлятина:

— Вотъ буржуи поразвалились себѣ на мягкихъ диванахъ, а мы, которые на фронтѣ проливали кровь..

Пришлось уступить мѣсто этимъ разнузданнымъ дезертирамъ. Они были безпощадны, согнавъ съ дивановъ не только насъ, мужчинъ, но и нашихъ дамъ. Я имѣлъ наивность взывать къ благоразумію этой демократической вольницы:

— Вы забываете, что мѣста оплачены нами...

— Мы вамъ покажемъ оплачены! Теперь все для насъ, довольно вы попили нашей кровушки!

Вольница расположилась на нашихъ диванахъ, а мы, кто сидѣлъ скрючившись, кто короталъ остатокъ ночи, стоя въ коридорѣ. Утромъ, выспавшись, дезертиры смягчились. Уже не было площадной брани и остервенѣлой ненависти къ буржуямъ. Сначала я удивился этому благодушію, но немного погодя, все стало понятнымъ.

Дезертиры начали жалостно скулить:

— Вотъ пока доберемся до родныхъ мѣстъ, ни тебѣ денегъ, ни тебѣ харчей. Воевали, воевали, а разбредаемся по своимъ селамъ, какъ нищіе...

Отходчивъ человѣкъ; такъ и мы отошли. Какъ не бывало злобы и презрѣнія; у мужчинъ руки потянулись къ кошелькамъ и бумажникамъ, у женщинъ къ корзиночкамъ съ провизіей.

Боже, какая перемѣна фронта! Нѣсколько часовъ назадъ эти люди крыли насъ матерной бранью и при малѣйшемъ сопротивленіи готовы были избить прикладами, а сейчасъ собачья угодливоость на всклокоченныхъ, заросшихъ физіономіяхъ и холопское низкопоклонство съ причитаніями:

— Да кто же наши благодѣтели, какъ не вы — господа! Отъ баръ мы завсегда видѣли одно хорошее. Царица Небесная воздастъ вамъ за насъ, мужиковъ темныхъ!..

Было противно. А еще стало противнѣе, когда одинъ изъ этихъ сознательныхъ солдатъ, которому я далъ десять рублей, поймалъ мою руку и чмокнулъ ее мокрыми губами. И этихъ людей Керенскій мечталъ сковать революціонной дисциплиной.

Чѣмъ дальше, тѣмъ ярче сказывались завоеванія революціи. Биткомъ набиты были шинельной чернью всѣ вокзалы и станціи Сибири. Эти орды останавливали движеніе, атаковали поѣзда. Узнавъ, что какой нибудь пассажирскій поѣздъ идетъ раньше, они устремлялись къ этому поѣзду, выламывая окна и две-

ри, терроризируя платныхъ пассажировъ и безчинствуя во всю. Пассажиру мало-мальски прилично одѣтому рискованно было выйти на станціи. Какой-нибудь агитаторъ сейчасъ же науськивалъ на него сѣрую массу.

Такъ было и со мною въ Омскѣ. Чернобородая каналья, увидѣвъ меня, завопила:

— Товарищи, смотрите, въ какихъ шубахъ ходятъ буржуи, а нашъ братъ трудящійся...

И пошелъ, и пошелъ!

Я видѣлъ вокругъ себя искаженныя ненавистью физіономіи и насилу пробился въ вагонъ сквозь гущу нафанатизированной чернобородымъ толпы.

Единственнымъ утѣшеніемъ и моральнымъ подспорьемъ былъ тотъ успѣхъ, которымъ мы пользовались повсюду, гдѣ только давали свои концерты. Переполненныя залы, оваціи и широченное, чисто сибирское гостепріимство.

Благодатная Сибирь еще не успѣла вкусить всѣхъ прелестей переворота съ его голодомъ и разрухою.

Продѣлавъ весь Сибирскій путь, я убѣдился, какъ чудесно поставлена была реклама грамофоннаго общества «Истъ мастерсъ войсъ», законтрактовавшаго меня на цѣлую серію пластинокъ. Всѣ станціи до самыхъ маленькихъ и глухихъ включительно заклеены были большими моими портретами.

Да было еще одно утѣшеніе — необыкновенная живописность пути. Когда мы пересѣкали Уральскій Хребетъ, мы любовались картинами одна другой волшебнѣе и величественнѣе. Желѣзнодорожный путь спиралью огибалъ горныя твердыни, покрытыя внизу дремучимъ лѣсомъ, а вверху ослѣпительной снѣговой шапкой. И такая панорама цѣлыми часами чаруетъ глазъ.

А рѣки! Ангара, съ всегда холодной, изумительно прозрачной водою. Ни въ одномъ акваріумѣ не увидите такъ ясно и отчетливо плавающихъ рыбъ, какъ въ Ангарѣ. Да что рыбы! Серебряная монета,

брошенная на саженной глубинѣ, видна на чистомъ пескѣ мягкаго, бархатнаго дна.

А Байкалъ? Особенно если вы не пересѣкаете его въ поѣздѣ на баржахъ, а пользуетесь Кругобайкальской желѣзной дорогой. По живописности разстилающихся пейзажей блѣднѣетъ даже природа Кавказа. О Крымѣ и говорить нечего: онъ кажется и слащавымъ и жалкимъ. Вообще сибирская природа послѣ Читы поражаетъ и своей суровой красотою и своей мощностью, ни съ чѣмъ не сравнимой.

Дезертиры только тогда перестали истязать насъ своими варварскими налетами, когда мы, истощивъ свое терпѣніе и свои нервы, обзавелись собственнымъ вагономъ. Его удавалось ограждать отъ наводненія дезертировъ.

А когда мы очутились въ Манджуріи, она показалась намъ раемъ, до того напоминала мирныя и безмятежныя времена. Укладъ жизни былъ самый дореволюціонный и, вдобавокъ, съ подневольнаго сухого режима мы сразу перешли здѣсь на мокрый. Алкоголь, запрещенный въ Европейской и Азіатской Россіи, здѣсь имѣлся и продавался въ неограниченномъ изобиліи. Помню, какое ошеломляющее дѣйствіе это произвело на моего піаниста Карлина. Не успѣли мы остановиться въ одномъ изъ харбинскихъ отелей, какъ піанистъ забѣгалъ по корридорамъ, неистово вопя по адресу китайцевъ слугъ:

— Водки, ходя, водки!

И на радостяхъ напился до безчувствія.

Дешевизна въ Харбинѣ была анекдотическая. Я далъ моему лилипуту-мажордому Николаю Сурину рубль съ тѣмъ, чтобы онъ накупилъ всякой всячины. Онъ вернулся перегруженный пакетами, купивъ бутылку водки, хлѣба, соленыхъ, консервныхъ и мясныхъ закусокъ, еще чего-то и къ довершенію принесъ еще около 30 копѣекъ сдачи. Вообще Манджурія плѣнила насъ красочностью и необычайностью всего, что мы увидѣли. До сихъ поръ я только въ опереткахъ видѣлъ гейшъ, и китайскіе фонари, и рикшъ, этихъ

двуногихъ лошадей, а здѣсь мы посѣщали чайные домики съ гейшами, передвигались на рикшахъ, и цвѣтные бумажные фонарики сообщали какую то особенную декоративность и манджурской улицѣ, и манджурской ночи.

Посѣтили мы китайскій театръ, но не въ самомъ Харбинѣ, а въ его окрестностяхъ, въ маленькомъ городкѣ, который называется Фу-Дю-Дянь. Театръ, въ сущности, это большая фанза съ открытой сценой эстраднаго типа. Въ зрительномъ залѣ сидятъ китайцы и пьютъ чай, пьютъ безъ конца. Во время хода дѣйствія, вдругъ раздается голосъ одного изъ зрителей, требующаго отъ спеціально поставленнаго для этого человѣка мокрое полотенце. Ловкимъ жестомъ китаецъ съ ведромъ бросаетъ требующему мокрое полотенце. Обтершись имъ, зритель бросаетъ полотенце обратно слугѣ, который, сполоснувъ полотенце въ ведрѣ, кидаетъ его слѣдующему вспотѣвшему зрителю. И т. д.

Начинается спектакль. Выходятъ на эстраду актеры; у нихъ длинные бороды, длинныя одежды и странные головные уборы. Актеры читаютъ свои роли, написанныя на пергаментѣ, читаютъ монотонно и подъ музыку, такую же примитивную, какъ и самая игра этихъ актеровъ. Намъ все это надоѣло и вскорѣ мы покинули китайскій театръ. Да, еще маленькая бытовая подробность. При входѣ въ театръ мы должны были снять обыкновенную обувь и надѣть деревянныя туфли. Это же самое полагается при посѣщеніи чайнаго домика съ гейшами. И это оказалось не особенно любопытнымъ зрѣлищемъ. Мы застали нѣсколько гейшъ, въ кружокъ сидѣвшихъ на циновкахъ, раскачиваясь, онѣ пѣли что то свое подъ аккомпаниментъ струннаго инструмента съ длиннымъ грифомъ, имѣющимъ отдаленное сходство съ національнымъ кавказскимъ инструментомъ «тари». Намъ подали чай, а

затѣмъ алкогольный напитокъ, зовущійся «саки» и не лишенный привкуса водки самой обыкновенной, но цвѣта зубровки, вдобавокъ теплый. Теплая водка — это совсѣмъ по китайски.

На другое утро меня начала одолѣвать жажда, я выпилъ два стакана воды и сразу охмелѣлъ. Оказалось, что именно таково свойство саки: стоитъ выпить ее наканунѣ, а на другое утро выпить воды — опьянѣешь.

Съ Дальняго Востока мы думали перекинуться въ Японію и тамъ дать нѣсколько концертовъ, но планъ этотъ мы не осуществили, получивъ изъ Петербурга телеграмму о паденіи Временнаго Правительства и торжествѣ большевиковъ. Забывъ про Японію, мы поспѣшили въ Петербургъ, спасать свои квартиры, свое имущество.

Какъ милый курьезъ купилъ я въ Манджуріи нѣсколько маленькихъ мѣшечковъ съ новенькими серебрянными пятіалтынными японской чеканки. Меня прельстило своей оригинальностью то, что это была, какъ теперь говорятъ, продукція не русской столицы, а японской. Монеты ничѣмъ не отличались отъ чеканки петербургскихъ, съ тою лишь разницею, что эти пятіалтынные подъ русскимъ государственнымъ гербомъ снабжены были знакомъ восходящаго солнца. Я эти мѣшечки вспоминаю съ особеннымъ умиленіемъ. Какъ и всѣмъ моимъ остальнымъ добромъ, ими воспользовались большевики, и по какимъ-то комиссарскимъ рукамъ теперь гуляютъ эти маленькія серебряныя монетки съ Россійскимъ двуглавымъ орломъ, на смѣну коего пришелъ серпъ и молотъ. Грустно и тяжело вспоминать все это...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Какъ я сталъ эстраднымъ пѣвцомъ. Бой на Невскомъ Проспектѣ. Донна Мацукки. Кавказскій погребокъ, издательство Давингофа и пластинки «Голосъ своего хозяина». Несостоявшійся боксъ съ Ф. И. Шаляпинымъ.

Вотъ уже моя книга подходитъ къ концу, а я до сихъ поръ еще не разсказалъ, какъ изъ опернаго и опереточнаго премьера я сдѣлался эстраднымъ пѣвцомъ, заслужилъ популярность и дорогое мнѣ званіе, — баянъ русской пѣсни.

Н. Г. Шебуевъ, въ своемъ журналѣ, который онъ издавалъ въ Петербургѣ, однажды сдѣлалъ подъ моимъ портретомъ слѣдующую подпись:

На Руси Баянъ одинъ.
Это Юрій нашъ Морфесси...
И тотъ — грекъ изъ Афинъ!

Впервые исполнилъ я на эстрадѣ русскія народныя пѣсни въ Одессѣ. Я только что всталъ послѣ жестокаго воспаленія легкихъ. Пользовавшій меня врачъ строго-на-строго запретилъ мнѣ возвращаться въ оперетту.

— Вашъ надломленный организмъ не выдержитъ ежедневныхъ спектаклей, когда въ теченіе 3-4-хъ часовъ вамъ приходится жить нервами, пѣть, танцовать, говорить. Ваши легкія въ такомъ состояніи, что при

такихъ условіяхъ работы, я не могу ручаться за вашу жизнь.

Врачъ былъ опытный, серьезный, не вѣрить ему я не могъ, и пришлось серьезно задуматься, — какъ же быть дальше? Жить безъ сцены я не могъ, — я отдалъ ей всю свою молодость, сжился, сроднился съ нею. Съ тоскою смотрѣлъ я въ будущее. Мелькнула было мысль, — сдѣлаться эстраднымъ пѣвцомъ, который можетъ пѣть не утомляясь, беречь себя, но только мелькнула и расплылась, какъ облачко въ небесной лазури. Для концертной эстрады нужны деньги хотя-бы на гардеробъ, а болѣзнь унесла съ собою всѣ мои сбереженія...

Въ одну изъ такихъ тоскливыхъ минутъ зашелъ ко мнѣ мой пріятель г. Розенблитъ, и я повѣдалъ ему всѣ свои невеселыя мысли — мечты о карьерѣ пѣвца русскихъ народныхъ пѣсней, какъ единственномъ выходѣ изъ создавшагося труднаго положенія.

— Такъ въ чемъ-же дѣло, — воскликнулъ онъ, — будешь эстраднымъ пѣвцомъ, будешь давать концерты, пѣть русскія пѣсни. Отлично!..

— Да, другъ мой, но мнѣ не на что даже сшить себя поддевку.

— Что такое поддевка? Сшей себѣ сразу пять. Я тебѣ дамъ триста рублей. Довольно?

Съ этихъ трехсотъ рублей и началось. Еврей Розенблитъ помогъ мнѣ создать новый жанръ національной русской пѣсни своими деньгами, а другой еврей Рѣзниковъ сшилъ мнѣ мою первую національную русскую поддевку. Какъ разъ въ это время пришли ко мнѣ студенты съ просьбою участвовать въ ихъ благотворительномъ концертѣ. Я засѣлъ за піанино и какъ слѣдуетъ разучилъ нѣсколько пѣсенъ: «Ну быстрѣй летите кони», «Пожаръ московскій», «Понапрасно мальчикъ ходишь» и др.

Насталъ день концерта. Не безъ трепета одѣлъ я свою новенькую поддевку и вышелъ на эстраду. Но послѣ первой-же пѣсни я понялъ, что успѣхъ обезпе-

ченъ, распѣлся, зажегъ публику, и потомъ много, по ея требованію биссировалъ!.. Новая моя карьера началась блестяще и обѣщала мнѣ и моральное и матеріальное удовлетвореніе. И мое предчувствіе не обмануло меня.

Однако, сразу совершенно оставить оперетту я не могъ. Когда Полтавцевъ пригласилъ меня къ себѣ на гастроли. я не выдержалъ, поѣхалъ. А затѣмъ не могъ уже удержаться, чтобы не принять приглашеніе Блюменталь-Тамарина въ Москву. Это была моя лебединная пѣснь, о которой я вспоминаю съ большимъ удовольствіемъ. Это былъ чудесный сезонъ. Первоклассныя силы, великолѣпныя примадоны, и лучшая среди нихъ, — по крайней мѣрѣ для меня, — чего ужъ теперь грѣхъ таить, — Никитина: до чего пламенно я тогда увлекался ею и... не безъ взаимности... Чудесный сезонъ!

Лучшія воспоминанія остались у меня и о Блюменталь-Тамаринѣ. Вспоминаю и одинъ характерный для того времени эпизодъ. Случилась у насъ въ дѣлѣ матеріальная заминка. Блюменталь-Тамаринъ думалъ не долго, подошелъ къ телефону и позвонилъ извѣстному московскому меценату М. М. Кожевникову.

— Миша, выручи!..

— Сколько?

— Пятьдесятъ тысячъ.

— Есть. Посылаю съ артельщикомъ...

Недавно встрѣтилъ я М. М. Кожевникова здѣсь, въ Парижѣ. Онъ бодро несетъ въ эмиграціи бѣженскій крестъ и свои безъ малаго 70 лѣтъ.

По окончаніи московскаго сезона, я переѣхалъ на постоянное жительство въ Петербургъ. Потекли беззаботные, веселые дни съ лихими проказами и забавами. Помню одинъ загулъ съ участіемъ Саши Макарова, артиста Ангарова и близкаго нашей артистической богемѣ князя Трубецкого. Было уже утро, ког-

да Саша Макаровъ удралъ отъ насъ. Мы за нимъ. Онъ вскочилъ въ вагонъ трамвая, — мы слѣдомъ. Онъ соскочилъ почти на полномъ ходу и въ пролетку. Мы тоже. Подвернулась торговка съ лукошкомъ яицъ. Я сунулъ ей 5 рублей и взялъ у нея всѣ яйца съ лукошкомъ. Приказали извозчику догнать Макарова, на чай посулили, и онъ понесся по Невскому вскачь. Какъ только Саша оказался отъ меня на разстояніи мѣткаго прицѣла, я, какъ изъ пулемета, началъ забрасывать его сырыми яйцами. Черезъ минуту спина Саши и его извозчика превратились въ сплошную яичницу. Зрѣлище для кишащаго народомъ Невскаго — необычайное, и городовые поторопились поскорѣе остановить обѣ мчавшіяся пролетки. Участокъ. И городовой, и извозчики, въ особенности потерпѣвшій, въ яркихъ краскахъ описали дежурному помощнику пристава произошедшую бағалію. Бѣдняга дежурный едва сдерживалъ смѣхъ и, наконецъ, не выдержалъ, — пошелъ доложить приставу — Рогову. Этотъ милѣйшій гигантъ съ пышными усами зналъ весь артистическій Петербургъ, и мы всѣ его знали, — вѣдь, въ его участкѣ находилась Императорская Опера, и Консерваторія и Лѣтній Фарсъ. Роговъ потребовалъ насъ къ себѣ. Какъ только мы вошли въ его кабинетъ, онъ громко, такъ чтобы было слышно въ канцеляріи, строгимъ, начальственнымъ голосомъ закричалъ:

— Что-же это вы безобразничать вздумали? А еще артисты! — Убирайтесь по домамъ!.. Стыдно.

И, подойдя въ это время къ намъ поближе, тихо добавилъ:

— Идите въ ресторанъ «Тироль», — я сейчасъ прійду туда...

Много было на моемъ петербургскомъ вѣку такихъ приключеній.

При воспоминаніи о нашей артистической семьѣ того времени, приходитъ мнѣ на память моя первая встрѣча съ Вѣрой Артуровой. Познакомился со мною Костя Шумлевичъ и пригласилъ принять участіе въ одномъ изъ субботниковъ драматической школы Суворинскаго театра, что находилась тогда на набережной. Участвовала въ этомъ субботникѣ и Н. И. Тамара. Обратила тогда на себя мое вниманіе молоденькая барышня, ученица школы — Вѣра Артурова, которая особенно экспансивно отнеслась къ моему выступленію. Она оказалась славной, компанейской, чуткой и широкой русской душой, и у меня сохранилось о ней пріятное, красивое воспоминаніе.

Прошло много лѣтъ, и вдругъ недавно я встрѣтилъ ее въ Парижѣ. Какая волшебная перемѣна въ ея положеніи, — точно въ увлекательномъ американскомъ фильмѣ. Свой дворецъ въ Реймсѣ, слуги, автомобили, роскошь, художественная обстановка, богатство необычайное. Но донна Маццуки, — бывшая Вѣра Артурова, а нынѣ жена извѣстнаго короля шампанскаго — дона Маццуки, — осталась все той-же глубоко русской женщиной, сумѣвшей даже мужа своего руссифицировать самымъ основательнымъ образомъ, какъ и весь свой домашній персоналъ.

Я гостилъ у нея въ замкѣ два дня, и они пролетѣли какъ сонъ. Блестящее, интересное общество. Хозяйка — центръ вниманія и восхищенія. Къ обѣду мужчины — въ смокингахъ, дамы въ модныхъ, элегантныхъ пижамахъ. Неподдѣльное веселье, остроумная бесѣда, развлеченія, и неусыпное вниманіе къ своимъ гостямъ хозяевъ.

Показали намъ всѣ достопримѣчательности Реймса лучше всякихъ профессіональныхъ гидовъ, а затѣмъ повезли на историческую мельницу, откуда во время войны Пуанкарэ съ генераломъ Петеномъ и другими начальниками союзныхъ армій, наблюдалъ за ходомъ сраженія. Здѣсь для всѣхъ насъ былъ сервированъ чудесный завтракъ, и тяжелыя воспомина-

нія о войнѣ скоро утонули въ шумномъ и непринужденномъ весельи.

Дона Маццуки отдаетъ дань веселью и радостямъ жизни, но не мало удѣляетъ она времени, — какъ это я недавно узналъ, — сердечности и средствъ на дѣла благотворительности. Но дѣлаетъ это она съ мужемъ такъ скромно и тихо, что мало кто изъ эмиграціи знаетъ, какъ много дѣтей русскихъ бѣженцевъ обязаны ей своимъ содержаніемъ и воспитаніемъ.

Да не посѣтуетъ она на меня за то, что я объ этомъ говорю.

Но возвращаюсь къ Петербургу и къ тому, какъ я сталъ концертнымъ пѣвцомъ. Раньше чѣмъ говорить объ этомъ, укажу, однако, что и въ этотъ періодъ моей жизни опереточная сцена не миновала меня совершенно. Виновникъ этого — Брянскій, который тогда держалъ опереточный театръ на Крюковомъ каналѣ и пригласилъ меня участвовать въ главной роли новой, только что вывезенной изъ Германіи оперетты «Пожиратель дамъ». Этой опереттой мы начали сезонъ, ею-же и кончили, ни разу не измѣнивъ афиши!.. Нужно-ли говорить, какимъ успѣхомъ пользовался «Пожиратель дамъ»...

Послѣ этого я уже больше въ опереттѣ не выступалъ. такъ какъ къ этому времени сдѣлался уже, — говорю это безъ всякой ложной скромности, — широко-популярнымъ исполнителемъ русскихъ народныхъ и цыганскихъ пѣсенъ. И не только въ Петербургѣ, но и по всей матушкѣ Россіи, гдѣ только была витрина музыкальнаго магазина и продажа граммофонныхъ пластинокъ.

Но начну по порядку.

Петербургъ. Туманное утро. Сворачиваю на Фонтанку. около Аничкова дворца. Въ головѣ засѣло твердое рѣшеніе уѣхать изъ столицы. Уѣхать немедленно, сегодня-же! Вдругъ, сзади кто-то оклик-

нулъ меня. Останавливаю лихача, оборачиваюсь. — Саша Макаровъ.

— Куда?

— Домой. Укладываюсь и сегодня-же уѣзжаю изъ Петербурга.

— Почему?

— Ты знаешь...

Дѣйствительно. и Саша Макаровъ, и всѣ мои друзья знали, въ какомъ ужасномъ душевномъ состояніи я въ это время находился.

— Глупости, — безапелляціонно рѣшаетъ за меня Саша Макаровъ. — Никуда ты не уѣдешь. — завтра приходи въ Кавказскій погребокъ князя Макаева, — завьемъ горе веревочкой.

И... я не уѣхалъ! Полъ года не выходилъ изъ подвала на Караванной улицѣ. — старался забыться. утопить въ винѣ тяжелую сердечную рану, а судьба, сама, помимо моего старанія, какъ всегда это бывало во всѣхъ серьезныхъ случаяхъ жизни со мною, — позаботилась въ это время о моей дальнѣйшей карьерѣ, такой отличной отъ того, что я дѣлалъ раньше. такой яркой, бурной и увлекательной.

Какъ у кого, а у меня настроеніе выливается въ пѣснѣ. А душевную боль, большую, серьезную. — безъ пѣсни я не пережилъ-бы. Въ это время въ подвалѣ на Караванной, въ дружной, сердечной компаніи, подъ аккомпаниментъ четырехъ лучшихъ петербургскихъ гитаристовъ: Саши Макарова, графа Кампелло, Мити Всеволожскаго и Мишеля Пайста, — родились романсы: «Мы сегодня разстались съ тобою», «Я забуду тебя очень скоро». «Потому я тебя такъ безумно люблю», «Вы просите пѣсенъ» и «Старинный вальсъ».

Пѣлъ я эти романсы въ подвалѣ для себя, для души. для своей компаніи. Но Мишель Пайстъ, будучи завѣдующимъ нотнымъ магазиномъ Давингофа. счелъ. что они заслуживаютъ болѣе широкаго распространенія, чѣмъ тѣсныя стѣны сводчатаго подвала. Издательство Давингофа выпускаетъ ихъ

въ свѣтъ, и они сразу завоевываютъ симпатіи самой широкой и разнообразной публики. Имя и даже внѣшность моя, — на обложкахъ нотъ Давингофъ помѣстилъ мой портретъ, — дѣлаются популярными. И я неожиданно получаю странное по тому времени, даже болѣе чѣмъ странное и дерзкое предложеніе — пѣть въ кинематографѣ «Солей». Уважающіе себя артисты считали выступленія въ кинематографахъ чѣмъ то унизительнымъ. Но не я, — я согласился, пѣлъ, и по сей день считаю, что хорошо сдѣлалъ. Но какъ меня тогда всѣ осуждали!...

Правда, недолго, такъ какъ вскорѣ всѣ мало по малу начали выражать желаніе попасть пѣвцомъ въ кинематографы, но не всѣмъ это удавалось... Я — же благодаря «Солейлю» попалъ на пластинки «Пишущаго Амура» — нынѣ «Голосъ своего хозяина», а вмѣстѣ съ пластинками и во всѣ, даже самые захолустные, медвѣжьи уголки Россіи.

Хочется мнѣ упомянуть еще объ одномъ характерномъ штрихѣ изъ моей жизни въ Петербургѣ, но уже во время развала его, въ періодъ царствованія недоброй памяти А. Ф. Керенскаго. Улицы были наводнены разнузданными, грубыми, озвѣрѣвшими солдатами и матросами. Каждый изъ насъ ежедневно рисковалъ нарваться на непріятность. И вотъ, въ цѣляхъ самозащиты, многіе, въ томъ числѣ и я, начали изучать нелегкое искусство бокса.

Давалъ мнѣ уроки здоровенный боксеръ-профессіоналъ, негръ, — кажется, по фамиліи Томсонъ, — избивалъ онъ меня нещадно и за это каждое утро получалъ отъ меня 25 рублей. У того-же негра, въ то же время бралъ уроки бокса и Ф. И. Шаляпинъ, жившій въ сосѣднемъ — собственномъ — со мною домѣ. Томсонъ обѣщалъ мнѣ устроить матчъ съ Федоромъ Ивановичемъ, но я, не кончивъ курса обученія, уѣхалъ въ артистическое турнэ по Сибири. Значитъ, не суждено было мнѣ подраться съ Шаляпинымъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Двѣ встрѣчи съ Есенинымъ.

Въ 1922 году я пріѣхалъ въ Берлинъ. Остановился въ отелѣ «Эксельсіоръ», далъ нѣсколько концертовъ, прошедшихъ съ большимъ успѣхомъ. Этотъ успѣхъ привлекъ вниманіе извѣстной антрепренерши Мери-Бранъ. Странное существо! Полу-мужчина, полу-женщина. Во всякомъ случаѣ, мужского «начала» было въ ней больше, чѣмъ женскаго; и одѣвалась она скорѣй по мужски и склонность имѣла къ молодымъ блондиночкамъ съ нѣжной бѣлой кожей.

Мери-Бранъ законтрактовала меня на Данцигъ и на модный польско-нѣмецкій курортъ Цопотъ. Я уже собирался въ путь-дорогу — звонокъ. Снизу какой-то незнакомецъ (онъ такъ и не назвалъ себя) проситъ разрѣшенія увидѣть меня. Получивъ таковое, поднялся ко мнѣ въ номеръ. И хотя онъ зналъ, что онъ у меня и передъ нимъ — я, —однако, для большей увѣренности полюбопытствовалъ:

— Вы господинъ Морфесси?

— Да, я.

— Можно у васъ отнять полчаса?

— Смотря для чего?..

— Одинъ вашъ старый знакомый очень хотѣлъ бы васъ видѣть и прислалъ за вами автомобиль.

— Кто же это?

— Разрѣшите сдѣлать вамъ сюрпризъ. — уклонился посѣтитель отъ прямого отвѣта.

— Въ такомъ случаѣ, я пріѣду съ дамой. Это ничего?

— О, сдѣлайте ваше одолженіе!

Я вышелъ съ моей знакомой артисткой Бэлочкой. У подъѣзда насъ ждала открытая машина, умчавшая насъ въ отель «Эспланадъ». Входимъ въ лифтъ; выходимъ. Лакей распахиваетъ дверь дорогого апартамента. Насъ встрѣчаетъ увядшая дама, любезно произноситъ нѣсколько англійскихъ фразъ. Убѣдившись, что мы не говоримъ и не понимаемъ по англійски, переходитъ на очень ломаный русскій языкъ. Откуда-то изъ глубины появляется еще такая же приблизительно дама. А минуту спустя изъ глубины апартамента выходитъ совсѣмъ молодой человѣкъ въ цилиндрѣ, во фракѣ и въ легкомъ черномъ пальто съ пелериной.

Довольный собой, развязный, — спрашиваетъ меня:

— Вы не узнаете меня? — и, не дождавшись отвѣта, заканчиваетъ: — я тотъ самый Есенинъ, помните?

Да, я его тотчасъ же вспомнилъ, несмотря на фракъ и цилиндръ, и на нѣсколько лѣтъ — и какихъ лѣтъ! — проведшихъ борозду между первой встрѣчею и второй.

Сейчасъ я понялъ, зачѣмъ прибѣгнуто было ко всей этой загадочности. Да и самъ Есенинъ тотчасъ же пояснилъ:

— Я боялся, что если мое имя будетъ названо, вы не пожелаете меня видѣть!.. Хотя, въ сущности, какой же я большевикъ?.. Смѣшно...

Замявъ эту, видимо, непріятную для него тему, онъ предложилъ:

— Можетъ быть, отужинаемъ вмѣстѣ... Я буду очень радъ...

Я особенной радости не обнаружилъ, но согласился. Наши дамы перезнакомились и научились коекакъ понимать другъ друга. Первая дама, встрѣтившая насъ, оказалась женою Есенина, знаменитой танцовщицей Дунканъ.

Ѣхали мы долго, ѣхали на двухъ машинахъ и очутились въ ресторанѣ, гдѣ все — и помѣщеніе, и убранство было на старо-нѣмецкій ладъ. Все было выдержано въ стилѣ тяжелой, монументальной готики. Насъ здѣсь ждалъ чудесно сервированный столъ, весь въ цвѣтахъ, съ тончайшими деликатессами, которые были непостижимы для тогдашняго Берлина, сурово и упорно голодавшаго.

Гастрономическій обѣдъ запивался отборными винами, и хотя никто изъ насъ не былъ умѣренъ въ напиткахъ, но Дунканъ послѣ обѣда потащила меня въ сосѣдній съ нашимъ кабинетомъ баръ, требуя, чтобы я пилъ съ ней какой-то необыкновенно крѣпкій коньякъ. Онъ ударилъ ей въ голову и послѣ третьей рюмки у нея сталъ заплетаться языкъ. Выходимъ и разсаживаемся по автомобилямъ, причемъ въ одномъ изъ нихъ мы были вмѣстѣ — Есенинъ съ Дунканъ и я со своей дамой. Есенинъ только-только разошелся, — необходимо заѣхать въ какой нибудь ночной кабакъ.

Тогда въ Берлинѣ это было легче сказать, нежели осуществить. Соціалистическая власть, съ цѣлью поднятія нравовъ, относилась къ ночнымъ увеселительнымъ учрежденіямъ отрицательно, попросту, позакрывала ихъ. Но Есенинъ зналъ одинъ ночной пріютъ, работавшій всю ночь. Тамъ выпили мы двѣ бутылки шампанскаго и — по домамъ. Но дорогой пьяный Есенинъ затѣялъ ссору съ еще болѣе пьяной Дунканъ. Онъ ее крылъ во всю трехэтажными словами, она же отвѣчала на языкѣ непонятномъ ни самому Есенину, ни благороднымъ свидѣтелямъ, въ нашемъ лицѣ. Все это производило омерзительное впечатлѣніе, но уже совсѣмъ невмоготу стало, когда пролетарскій поэтъ въ цилиндрѣ замахнулся на свою подругу, смѣло годившуюся ему въ маменьки.

— Ахъ ты, шкура барабанная, туда и сюда тебя! Вонъ пошла, вылѣзай! — И, остановивъ шофера, распахнувъ дверцу, онъ сталъ выталкивать Дунканъ на пустынную, предразсвѣтную улицу.

Не дождавшись окончанія этой безобразной сцены, я, воспользовавшись этой остановкой автомобиля, покинулъ его вмѣстѣ съ Бэлочкой.

Такова моя вторая и послѣдняя встрѣча съ Есенинымъ. А теперь скажу нѣсколько словъ о первой.

Это было въ Царскомъ Селѣ, въ 1916 году. Я часто бывалъ въ Царскомъ и потому, что пѣлъ въ лазаретахъ Императорской Семьи, и потому, что въ Царскомъ жилъ мой близкій другъ, полковникъ Ломанъ, несшій обязанности ктитора Федоровскаго Собора.

Однажды Ломанъ говоритъ мнѣ:

— Юрій, у тебя артистическій вкусъ. Я хочу, чтобы ты прослушалъ двухъ юныхъ поэтовъ!.. Самородки изъ мужиковъ...

Я выразилъ живѣйшее согласіе, и самородки изъ мужичковъ были приведены Ломаномъ въ трапезную Федоровскаго Собора. Оба они были въ стрѣлецкихъ костюмахъ. Не берусь утверждать, но, кажется, Ломанъ одѣлъ ихъ въ стрѣлецкое платье, чтобы представить юныхъ самородковъ Императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ. Одного изъ нихъ звали Есенинъ, а другого Кусиковъ. Оба они поочередно стали декламировать свои произведенія. Декламація Кусикова совершенно стерлась у меня въ памяти, нѣкоторые же стихи Есенина не забылись, и въ нихъ тогда еще плѣнили меня мѣста, гдѣ такъ художественно и свѣжо описывались картинки природы.

Ломанъ спросилъ мое мнѣніе. Я высказался въ пользу Есенина, отмѣтивъ его полное превосходство надъ Кусиковымъ. И вотъ, спустя шесть-семь лѣтъ, вмѣсто робкаго деревенскаго подростка въ стрѣлецкомъ кафтанѣ, — денди во фракѣ и цилиндрѣ, познавшій всѣ наслажденія крупныхъ центровъ не только Европы, но и Америки. Вспоминая это, нельзя не вспомнить трагическую обреченность Есенина и Дунканъ — этой нелѣпѣйшей по своей контрастности пары...

Сначала гибнутъ дѣти Айседоры Дунканъ, упавъ вмѣстѣ съ автомобилемъ въ Сену. Затѣмъ гибнетъ

Есенинъ, написавъ своею кровью послѣднее стихотвореніе, такъ и не опубликованное большевиками, и повѣсившись. Совсѣмъ необычайна и фантастична смерть Дунканъ, смерть, технически схожая со смертью Есенина; ее, какъ и его, затянула петля, но не веревочная, а петля шелковаго шарфа, концы котораго попали въ колесо автомобиля. Мало этого, совсѣмъ недавно покончила самоубійствомъ особа, подарившая Дунканъ этотъ шарфъ: ее угнетали угрызенія совѣсти, она считала себя косвенной виновницей смерти Дунканъ. По ея мнѣнію, не будь этого шарфа, Дунканъ осталась-бы жива...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Модный курортъ — Цопотъ. Моторная лодка польскихъ инженеровъ. Наша увеселительная прогулка и ся совсѣмъ невеселый финалъ. На краю гибели. Спасены!

Къ сожалѣнію, мало кто знаетъ, какой имѣется прелестный, комфортабельный и веселый морской уголокъ въ двухъ шагахъ отъ вольнаго города Данцига, уголокъ, называемый Цопотомъ. Пять лѣтнихъ сезоновъ подрядъ я тамъ выступалъ, и это было однимъ наслажденіемъ. Пѣлъ я ночью, а слѣдовательно весь день и весь вечеръ были въ моемъ полномъ распоряженіи.

Въ Цопотъ съѣзжалось много поляковъ, много нѣмцевъ и публики совсѣмъ уже иностранной, слетавшейся на этотъ пляжъ, Богъ знаетъ, изъ какого далека! Да и было зачѣмъ слетаться: букетъ женщинъ умопомрачительный. Казино такое — Монте-карловскому впору. А спортъ во всѣхъ видахъ? А скачки? А моторныя и автомобильныя состязанія? А рѣдкое морское купанье?

Въ Цопотѣ средь бѣла дня вы могли встрѣтить шикарнѣйшихъ, со вкусомъ, по послѣдней модѣ одѣтыхъ женщинъ и полныхъ дамъ изъ Варшавы, разгуливавшихъ съ кисло-сладкой улыбкой въ бѣлыхъ кружевныхъ капотахъ, но съ брилліантами въ ушахъ и на высокой груди, и на короткихъ, какъ пучокъ сосисокъ, пальцахъ.

Но это я такъ, между прочимъ, я не собираюсь описывать курортные нравы въ Цопотѣ, ибо это и заняло бы много времени и завело бы слишкомъ далеко. Я только отмѣчу, что нравы здѣсь были весьма легкомысленные.

А теперь я исполню обѣщаніе, данное благосклоннымъ читателямъ моимъ въ самомъ началѣ моихъ воспоминаній — разсказать о томъ, какъ я тонулъ въ открытомъ морѣ.

Въ Цопотъ поиграть и повеселиться наѣзжала часто группа польскихъ инженеровъ изъ каменноугольнаго района горной Силезіи, точнѣе — изъ Катовицъ. Эти инженеры были поляки по крови, но русскіе по воспитанію и по культурѣ; они любили все русское, вообще, а въ частности меня и мое пѣніе. Это были ребята славные, широкіе, а если еще прибавить, что у нихъ имѣлась изящная, какъ игрушка, моторная яхта, то, право-же, лучшихъ людей и не сыскать!

И вотъ назначена была морская прогулка на этой яхтѣ. Инженеры озаботились украсить всю яхту цвѣтами, погребокъ ея наполнить лучшими винами, а буфетъ всевозможными холодными закусками до зернистой икры, включительно. Дамы были въ лѣтнихъ туалетахъ; мужчины были одѣты по морскому — бѣлые панталоны, синія куртки и фуражки съ якорями.

Яркій, блещущій день, тихая гладь моря, пріятное общество — все сулило намъ чудесное морское путешествіе. Особенно радостно была настроена моя спутница, пѣвица Варя Ласка. Я, кажется, единственный не раздѣлялъ настроенія, царившаго на яхтѣ.

— Что это вдругъ съ тобой? — спросила Варя Ласка.

— Это не вдругъ, — отвѣтилъ я.

Еще утромъ, когда я брился, у меня явилось какое-то смутное предубѣжденіе, и поѣздка на яхтѣ, о которой я мечталъ нѣсколько дней, сразу утратила всю свою прелесть.

— Глупости! — разсмѣялась пѣвица.

Это нисколько не разсѣяло моего настроенія и.

поймавъ тутъ же на палубѣ капитана яхты и собственниковъ ея — инженеровъ, я всѣмъ имъ посовѣтовалъ держаться берега.

— Ну, ужъ это извините! — полушутя запротестовали инженеры. — Вдоль берега это ужъ совсѣмъ стыдно, да и не интересно. Курсъ — въ открытое море!

Я не бывалъ подъ тропиками, но думаю, что только именно тамъ возможна такая быстрая смѣна настроенiй въ природѣ. Откуда только взялись и набѣжали: вѣтеръ, тучи и волны... И какой пошелъ хлестать ливень! Въ двѣ-три минуты ничего не осталось отъ дамскихъ туалетовъ, да и отъ самихъ дамъ: дождь смывалъ румяна и по лицамъ текла какая-то мутная жижа. Сильная качка съ ея неизбѣжнымъ послѣдствiемъ убила въ нашихъ спутницахъ всѣ остатки женственности. Богато сервированный столъ раскачивался до тѣхъ поръ, пока блюда, тарелки, хрусталъ и бутылки съ виномъ не полетѣли на палубу. Цѣлыя груды осколковъ и среди нихъ икра, семга, паштеты, холодная дичь.

А волны росли и росли, и на ихъ высокихъ гребняхъ наша яхта была уже самой настоящей игрушкой. На палубѣ можно было держаться только развѣ лишь крѣпко ухватившись за что-нибудь. Къ довершенiю всѣхъ бѣдъ остановился моторъ, яхта потеряла управленiе, и мы превратились въ ничтожнѣйшую, безпомощную скорлупу, которую свирѣпая буря мчала все дальше и дальше въ открытое море. Теперь, когда волны захлестывали насъ нещадно и надѣяться было не на что, наша гибель казалась неминуемой.

Розданы были спасательные пояса, сначала женщинамъ, потомъ мужчинамъ. Я отказался отъ своего пояса: какой смыслъ въ немъ? Выиграть четверть часа въ борьбѣ со стихiей? И, наконецъ, причиною былъ еще и мой фатализмъ. Суждено утонуть — утону, хотя бы нацѣпилъ на себя нѣсколько поясовъ. А суждено уцѣлѣть — уцѣлѣю безъ всякихъ предохранительныхъ средствъ. Я сталъ на носу яхты, началъ молить-

ся и мысленно прощаться со всѣми близкими. Вспомнилась мнѣ смерть отца и поразило совпаденіе; мой конецъ какъ бы фотографическій снимокъ съ его конца. Та же прогулка въ открытое море, та же тихая солнечная погода вначалѣ и такая же, вдругъ сорвавшаяся, буря. А его послѣдній крикъ съ моимъ именемъ на устахъ?

Были уже всѣ 100% за катастрофу. Самые безпечные не сомнѣвались, что конецъ свой мы найдемъ въ морской пучинѣ. И вотъ тогда то, обернувшись назадъ, я вдругъ увидѣлъ догонявшій насъ большой пароходъ. И ему было нелегко, но все же онъ почти свободно преодолѣвалъ сопротивленіе волнъ...

Мы начали сигнализировать пароходу, взывая о помощи, какъ взываютъ обреченные. Пароходъ замѣтилъ нашу сигнализацію, хотя не сразу. Подойти къ намъ вплотную онъ никакъ не могъ — онъ и самъ то нырялъ въ нѣдра бушующей воды, то его взметало кверху. Въ теченіе цѣлаго часа съ небольшимъ тщетны были попытки соединиться съ нами посредствомъ троса — проволочный канатъ — мы никакъ не могли его поймать. А когда, наконецъ, поймали и закрѣпили, тогда только увѣровали въ свое спасеніе.

Надо было видѣть, съ какой дьявольской энергіей и съ такой-же дьявольской ловкостью работали наши спасатели-матросы! Надо было видѣть сенсацію, произведенную нашей яхтой. На палубу парохода высыпали всѣ пассажиры, насъ снимали фотографы, снимали кино-операторы, а мощное радіо оповѣстило весь міръ о предотвращенной катастрофѣ. И вотъ стеченіе обстоятельствъ. Едва мы очутились подъ защитою морского гиганта, утихла буря, и вдругъ неожиданно заработалъ нашъ бездѣйствовавшій моторъ. Разгадка этого явленія въ томъ, что винтъ засорило водорослями, а потомъ, видимо, эти самыя водоросли были смыты водою.

Все населеніе яхты разбилось на два лагеря: одинъ пожелалъ вернуться въ Цопотъ самостоятельно, другой рѣшилъ, что береженнаго и Богъ бережетъ,

и пожелалъ перекочевать на пароходъ. Я, признаться, очутился во второмъ лагерѣ. Даже въ тихую погоду и съ моторомъ, работающимъ во-всю, яхта не внушала мнѣ больше никакого довѣрія.

Капитанъ польскаго парохода оказался русскимъ, и поэтому съ особеннымъ вниманіемъ пригрѣлъ всѣхъ насъ. Онъ помнилъ меня по моему премьерству въ петербургской опереттѣ, и вспыхнувшія воспоминанія мы подогрѣли нѣсколькими совмѣстно выпитыми бутылками вина. Дамы восхищались капитаномъ, экзальтированно выкрикивая: «Нашъ спаситель! Нашъ спаситель!» А одна изъ нихъ увлеклась имъ не на шутку.

Капитанъ былъ приглашенъ нами провести совмѣстно вечеръ и чувствовалъ себя героемъ дня. Только съ восходомъ солнца мы всѣ разошлись изъ «Иремъ-бара».

Такъ я вышелъ сухимъ изъ воды. И это уже въ третій разъ въ моей жизни.

Видно, внялъ Господь предсмертной молитвѣ отца, чтобы участь его не постигла и его сына...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

П. Троицкій. Еврейская свадьба. Староверы. На берегахъ Днѣстра и Дуная. Комсомолъ «гуляетъ». Бѣлградъ. В. В. Лозовская — героиня легендарнаго подвига при отступленіи Кутепова отъ Ростова — моя жена. Парижскій концертъ. Салонъ г-жи Детердингъ.

Въ 1926 г. Павелъ Троицкій уговорилъ меня сдѣлать концертное турнэ по Румыніи. Новая страна, новыя впечатлѣнія... Подумалъ и поѣхалъ. Вмѣстѣ съ Троицкимъ, — онъ тамъ бывалъ и, по его словамъ, зналъ все наизусть. Прекрасный товарищъ, весельчакъ, забубенная головушка, Троицкій оказался и большимъ путанникомъ. Полагаясь на его знанія, мы такъ однажды застряли на какой-то маленькой захолустной ж.-д. станціи, что едва выбрались, да и то послѣ довольно сложныхъ и совершенно необыкновенныхъ передрягъ. Но все-же вспоминаю я это путешествіе по Румыніи съ большимъ удовольствіемъ.

Много наслышался я о строгости и недружелюбномъ отношеніи румынскихъ властей ко всякой руссофильской пропагандѣ, но на себѣ этого не испыталъ. Въ національномъ русскомъ костюмѣ и поддевкѣ, съ русскими пѣснями я проѣхалъ всю страну совершенно спокойно и вездѣ встрѣчалъ самый радушный пріемъ, не только со стороны знающаго мое имя русскаго населенія, но и со стороны коренныхъ румынъ и властей придержащихъ.

А переѣзды въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бессарабіи изъ одного города въ другой по широкимъ, по-

художественнымъ, чисто русскимъ просторамъ въ архаическомъ дилижансѣ, и поѣздка пароходомъ по Дунаю, — это такое удовольствіе, какого въ другомъ мѣстѣ ни за какія деньги не получишь.

И даже та тяжелая грусть, съ какой я, стоя около г. Сороки рядомъ съ румынскимъ пограничникомъ на берегу Днѣстра, смотрѣлъ на разстилавшуюся по ту сторону рѣки русскую землю, — теперь кажется мнѣ радостью. Словно повидалъ самое близкое, самое дорогое существо.

Было это 1-го мая. И ясно доносились съ того берега звуки разудалой гармоники, горластое пѣніе, и отчетливо видны были пляски комсомольцевъ, собравшихся на берегу рѣки, чтобы отпраздновать, — шумно, пьяно и грубо — свой казенный соціалистическій праздникъ. Жаль, словъ — о чемъ они тамъ кричали и пѣли — разобрать нельзя было. Кто не зналъ былой русской деревни, можетъ быть, могъ принять ихъ за честныхъ, работящихъ деревенскихъ парней и дѣвокъ, отстоявшихъ въ сосѣднемъ селѣ обѣдню и справляющихъ свой престольный праздникъ. Увы, у меня этой иллюзіи не было...

Къ счастью, такія грустныя, щемящія душу переживанія были рѣдки. Чаще-же, благодаря жизнерадостному характеру моего спутника, происходили съ нами приключенія забавныя, подчасъ совсѣмъ анекдотическаго характера. Разскажу только одно.

Ѣхали мы въ дилижансѣ изъ Татарбунаръ въ Сороки. Вмѣстѣ съ нами торопилась туда-же невѣста — молоденькая, хорошенькая евреечка — со своими родителями: на слѣдующій день должна была состояться ея свадьба съ молодымъ сорочанинымъ, котораго она одинъ разъ въ жизни только и видѣла, — когда онъ пріѣзжалъ свататься. Въ дорогѣ всѣ мы перезнакомились и къ Сорокамъ подъѣзжали уже друзьями,

въ особенности П. Троцкій, съ невѣстою и ея родными. Само собой разумѣется, что мы получили самое искреннее приглашеніе на свадьбу. Но у насъ въ тотъ-же вечеръ былъ назначенъ концертъ, а послѣ концерта и длинной, утомительной дороги — не до свадьбы. И я старался, какъ можно деликатнѣе, отказаться отъ любезнаго приглашенія. Иного, однако, мнѣнія въ этомъ отношеніи былъ П. Троцкій, который сумѣлъ такъ обворожить стариковъ, что и самъ началъ чувствовать себя на положеніи чуть-ли не близкаго родственника, отсутствіе котораго на свадьбѣ можетъ омрачить весь праздникъ. Своими безпрерывными шутками и прибаутками онъ привелъ родителей невѣсты въ такое игривое настроеніе, что когда при въѣздѣ въ Сороки мы попали въ толпу поджидавшихъ невѣсту будущихъ ея родственниковъ и свойственниковъ, родители невѣсты представили его, какъ «американскаго дядюшку». Въ первый моментъ встрѣчавшіе повѣрили этой шуткѣ, и трудно описать, что здѣсь произошло. Всѣ съ радостными возгласами бросились обнимать и цѣловать Троцкаго, и нужно было видѣть, съ какой ловкостью онъ ускользалъ отъ объятій стариковъ и старухъ и какъ пылко, — совсѣмъ не по родственному, — онъ взасосъ цѣловалъ молодыхъ дѣвушекъ, — хотѣли онѣ этого или нѣтъ, безразлично. А когда, послѣ концерта, онъ явился на свадьбу, то вскорѣ оказался центромъ вниманія, общимъ любимцемъ и, кажется, вскорѣ, дѣйствительно породнился съ большею частью и хозяевъ и гостей.

Не могъ удержаться отъ соблазна и я, и всю ночь, глядя на Троцкаго, хохоталъ до слезъ, когда онъ съ платочкомъ въ рукахъ отплясывалъ, какъ заправскій еврейскій танцоръ, національные свадебные танцы, или съ видомъ знатока пилъ крѣпкую пейсаховку, закусывалъ сладкими пряниками и подымалъ традиціонные и импровизированные тосты за молодыхъ, за родителей и вообще за всѣхъ добрыхъ ев-

ревъ, почтившихъ «нашъ» праздникъ своимъ присутствіемъ.

Концерты наши проходили повсюду съ большимъ успѣхомъ, и пѣли мы безъ конца. Въ одномъ Кишиневѣ въ большомъ кинематографѣ моего соотечественника — Пападаки — пѣли свыше 2-хъ недѣль подрядъ. И популярность наша была такъ велика, что когда въ городѣ узнали, что я буду пѣть во время богослуженія въ греческой церкви, полиція вынуждена была, чтобы предотвратить давку и несчастные случаи, сдерживать толпу у паперти и церковной ограды.

Но особенно тронуло меня отношеніе старовѣровъ рыбачьей деревни Вилково. Какъ они упрашивали меня дать концертъ у нихъ въ деревнѣ и другъ предъ другомъ старались попотчивать, чѣмъ только могли! При насъ потрошили громадныхъ осетровъ и угощали замѣчательной икрой, а на дорогу поднесли намъ столько сельдей и икры, что мы, при всемъ желаніи, сами съѣсть все это никакъ не могли бы.

Вспоминая свое путешествіе по Румыніи, не могу не упомянуть о сильномъ впечатлѣніи, которое произвелъ на меня рѣдкій по красотѣ скверъ, разбитый вокругъ собора въ Измаилѣ. Если смотрѣть на него съ соборной колокольни, то онъ представляетъ изъ себя — колоссальный русскій двуглавый орелъ, художественно исполненный не только по рисунку, но и по раскраскѣ. Когда то, давно, мѣстный богатый купецъ устроилъ этотъ чудесный и, кажется, единственный въ своемъ родѣ скверъ. Да такъ и остался онъ по сей день — памятникомъ былой Россіи, тщательно поддерживаемый соборными сторожами и садовниками.

Трудно было взбираться по крутымъ лѣсенкамъ на колокольню, но взобравшись, хотѣлось безъ конца оставаться тамъ и любоваться этой прекрасной эмблемой, лучше словъ говорящей о томъ, какъ крѣпка въ русскихъ людяхъ память и любовь къ своему прошлому.

Другое, не менѣе сильное, хотя и совершенно иное по настроенію, пережилъ я впечатлѣніе, когда концертировалъ въ Бендерахъ. Жутко торчатъ изъ тихоструйныхъ водъ прекраснаго Дуная развалины взорваннаго моста и подчеркиваютъ непроходимую пропасть между тѣмъ міромъ, который раньше былъ моей Россіей, и куда доступъ мнѣ заказанъ навѣки, и тѣмъ клочкомъ ея, куда я могу еще пріѣхать со своими пѣснями, но только лишь въ качествѣ гостя-иностранца. А между тѣмъ, кажется, — рукой подать! Купальщики и катающіеся на лодкахъ могутъ безпрепятственно пожимать другъ другу руки и обмѣниваться новостями дня. Но... по причинѣ совѣтскихъ «соціалистическихъ свободъ» этого не дѣлаютъ!

Близокъ локоть, да не укусишь!..

Моя первая поѣздка въ Бѣлградъ, длившаяся семь мѣсяцевъ, сопровождалась рѣзкой перемѣной въ моей одинокой скитальческой жизни. И, какъ всегда почти — Его Величество Случай.

Однажды въ праздничный день, когда всѣ магазины сербской столицы наглухо закрыты, я, желая купить чего-нибудь съѣстного, зашелъ въ русскій ресторанъ Монъ-Репо. Раньше меня, съ этой же самою цѣлью, очутилась у буфета высокая, стройная блондинка, съ пышнымъ свѣтлымъ сіяніемъ густыхъ волосъ вокругъ нѣжно-матоваго лица. Управляющій рестораномъ, Мих. Фед. Снѣсаревъ, — бывшій гвардейскій офицеръ — представилъ меня молодой женщинѣ. Обмѣнявшись нѣсколькими словами, мы разошлись; но образъ Валентины Васильевны Лозовской

неотступно преслѣдовалъ меня. Сложилось такъ, что мы очень долго послѣ этого не встрѣчались. Но вотъ мѣстное объединеніе русско-сербскихъ журналистовъ организовало большой благотворительный концертъ съ участіемъ выдающихся артистическихъ силъ Бѣлграда и въ томъ числѣ съ моимъ. Пропѣвъ нѣсколько вещей, я сошелъ съ эстрады и, къ моему удовольствію, увидѣлъ лицомъ къ лицу В. В. Лозовскую. Первымъ вопросомъ ея было:

— Вы останетесь?

Могъ ли я не остаться? Мнѣ понадобилось какихъ-нибудь полчаса времени, чтобы съѣздить домой, смѣнить рубаху и поддевку на смокингъ и вернуться. Весь вечеръ я танцовалъ только съ нею и подъ конецъ сдѣлалъ предложеніе, тотчасъ же благосклонно принятое.

Моя невѣста оказалась рѣдкой и необыкновенной русской дѣвушкой. Послѣ семейной драмы, — ея отецъ былъ замученъ и убитъ большевиками, — В. В. Лозовская, вдохновляемая жаждой мести, со своими братьями очутилась въ рядахъ Добровольческой Арміи, точнѣе — въ Дроздовской артиллерійской бригадѣ. Передовыя позиціи, три раненія, Георгіевскій крестъ. По странному совпаденію, ближайшимъ начальникомъ Лозовской была женщина-поручикъ Заборская. Заборской и Лозовской выпала героическая роль въ тѣ дни, когда подъ натискомъ большевиковъ оставленъ былъ добровольцами Ростовъ и когда генералъ Кутеповъ короткимъ ударомъ попытался отнять у красныхъ этотъ городъ. Попытка увѣнчалась, къ сожалѣнію, только мимолетнымъ успѣхомъ. Черезъ нѣсколько часовъ пришлось вновь покинуть Ростовъ. Бѣлыя войска, артиллерія и пѣхота, отходили въ походномъ порядкѣ, растянувшейся колонною.

Въ это время показалась развернутая лава несущейся совѣтской конницы. Положеніе создавалось критическое, ибо бѣлые, застигнутые врасплохъ, не имѣли физической возможности принять бой. Грозила бурная кавалерійская атака и вслѣдъ за нею

— безпощадная бойня. Спасла это катастрофическое положеніе Заборская, одна изъ очень немногихъ не растерявшаяся. Вмѣстѣ съ Лозовской, она выкатила пулеметъ, и обѣ женщины такъ мѣтко взяли на прицѣлъ несущуюся лавину, что всадники, словно сдуваемые вихремъ, падали съ сѣделъ, а кони продолжали мчаться. Губительный огонь пулемета внесъ такое разстройство въ ряды противника, что немногіе уцѣлѣвшіе всадники,повернувъ,стремглавъ бросились назадъ къ Ростову. Этотъ легендарный подвигъ поручика Заборской и бомбардира Лозовской былъ отмѣченъ приказомъ по арміи, какъ примѣръ исключительной, безпримѣрной доблести и, переходя изъ устъ въ уста, вызывалъ восхищеніе. В. В. Лозовская, нынѣ Морфесси, эта женщина-воинъ, женщина патріотка, любовь къ Россіи запечатлѣвшая своей кровью, еще ко всему этому, вдобавокъ, и выдающаяся спортстмэнка. На сербскихъ адріатическихъ состязаніяхъ въ плаваньи, она по дальности разстоянія и выносливости побила рекордъ извѣстныхъ мужчинъ-пловцовъ. Въ области автомобильнаго спорта моя жена взяла первый призъ на женскихъ автомобильныхъ гонкахъ Югославіи, на машинѣ «Н. А. Г». Эта побѣда вызвала въ русской колоніи Бѣлграда большую сенсацію, и позже — рядъ предложеній отъ кинофабрикъ участвовать въ съемкахъ для спортивныхъ фильмовъ.

И вотъ, теперь — я у тихой пристани!

Какъ могъ и какъ умѣлъ, разсказалъ я свою жизнь, занимая читателя скромной своей особой ровно настолько, насколько это было необходимо для ясности и образности событій, лицъ, картинъ, мелькавшихъ предо мною на экранѣ моего сознательнаго сорокалѣтняго существованія.

Какъ я выполнилъ это и какъ оно удалось — не мнѣ судить, пусть судитъ читатель. Именно здѣсь, пожалуй, слѣдовало бы поставить жирную, вкусную

точку. Слѣдовало-бы... а вотъ почему-то не соскальзываетъ она маленькимъ сгусткомъ чернилъ съ кончика моего пера. Словно что-то мѣшаетъ. Словно я чего-то не досказалъ... Напослѣдокъ мнѣ хочется провести параллель между русскимъ эмигрантскимъ Парижемъ, который я покинулъ нѣсколько лѣтъ назадъ, и Парижемъ нынѣшнихъ дней, который я вижу и наблюдаю по возвращеніи изъ долгихъ странствованій по Балканамъ, по Германіи и Прибалтикѣ.

Друзья убѣдили меня дать мой большой концертъ. Успѣхъ, всегда меня сопровождавшій, никогда, ни на одинъ мигъ не ослѣплялъ меня, никогда не внушалъ ни самовлюбленности, ни чрезмѣрной самонадѣянности. И вотъ поэтому-то я и задалъ себѣ вопросъ — какъ встрѣтитъ меня русскій Парижъ?

Тѣ, кто знали меня по Петербургу, могли меня забыть, полу-забыть, или, наконецъ, увлекшись модернизмомъ въ пѣніи и музыкѣ, потерять вкусъ ко всему здоровому, національному, бытовому, отзывающемуся той, прежней нашей Россіей.

Молодежь съ революціоннымъ дѣтствомъ и эмигрантской юностью меня не знаетъ, или уже знаетъ чуть-чуть. Да и я со своей русско-цыганской пѣсней теперь врядъ-ли могу быть у нея въ такомъ фаворѣ, какъ джазъ и Жозефина Бекеръ.

Такъ я сомнѣвался, но дѣйствительность опрокинула всѣ мои сомнѣнія.

Концертъ имѣлъ несомнѣнный успѣхъ. Съ перваго появленія на эстрадѣ, съ первой улыбки, съ первымъ поклономъ, я убѣдился, что я уже овладѣлъ моей публикой, и что я ей родной, желанный и близкій. Все это учитывается какими-то неуловимыми трепетами, флюидами, бѣгущими съ эстрады въ партеръ и обратно.

Я увидѣлъ, что молодежь (молодежь внушала мнѣ наибольшія колебанія), съ каждымъ романсомъ подпадала подъ мое настроеніе и я, какъ говорятъ французы, «ее держалъ».

О поколѣніяхъ болѣе раннихъ и говорить нечего. Я видѣлъ, какъ дамы украдкой выти[illegible] шіяся слезы, видѣлъ, какъ супруги, давно перешагнувшіе черезъ серебряную свадьбу, обмѣнивались нѣжными взглядами — отзвукъ далекихъ воспоминаній, несомнѣнно пріятныхъ, способныхъ взволновать даже и теперь немолодую, остывшую кровь...

Нѣтъ, концертъ удался!

Русскій Парижъ оказалъ мнѣ трогательный пріемъ. Никогда не забуду этого вниманія, этой ласки и этихъ вызововъ, такихъ длительныхъ, то затихавшихъ, то вновь разраставшихся!..

Много старыхъ моихъ друзей встрѣтилъ я на моемъ концертѣ, и то, что не забыли они меня и пришли, было для меня великой отрадой

Говоря о моихъ парижскихъ друзьяхъ, не могу не вспомнить милаго, вѣчно юнаго и веселаго Б. С. Мирскаго. Это одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ, въ особенности въ нашей эмиграціи, людей, которые умѣютъ соединять въ себѣ самыя разнородныя качества и таланты, оставаясь неизмѣнно «просто людьми». Ученый, публицистъ, видный общественный и политическій дѣятель. постоянный сотрудникъ газ. «Посл. Нов.», Б. С. Мирскій—пріятный собутыльникъ, остроумный собесѣдникъ и хорошій товарищъ. И, какъ оказывается, умѣетъ писать не только прозою серьезныя статьи и книги, но и стихами шуточные экспромты. Вотъ одинъ изъ нихъ, который я храню въ своей копилкѣ сувенировъ:

Юрочкѣ.

Посѣдѣлъ слегка Морфесси,
Но, по прежнему, румянъ.
Милъ и публикѣ, и прессѣ
Нашъ талантливый Баянъ.
    Лейтъ-мотивъ цыганскихъ пѣсенъ,
    Безъ сомнѣнія, — любовь.
    Оттого напѣвъ Морфессинъ
    Дамамъ всѣмъ волнуетъ кровь.

Въ пѣсняхъ ткетъ Морфесси Юрій
Изъ волшебныхъ чаръ узоръ.
И вздыхаетъ много гурій
По Морфесси до сихъ поръ.
Пусть растетъ въ своемъ прогрессѣ
Здѣсь пѣвцовъ цыганскихъ рой;
Но одинъ изъ нихъ — Морфесси
Всѣми признанный герой.
Знали Юру наши веси:
И Москва, и Петроградъ.
Мудрено-ли, что Морфесси
И Парижъ узнать былъ радъ.
И въ Парижѣ, какъ въ Одессѣ,
Пылъ свой юный сохраня,
Будетъ Юрочка Морфесси
До конца героемъ дня.

Къ числу своихъ друзей я отношу и труппу лилипутовъ, во главѣ со знаменитымъ Андрюшею Ратушевымъ, этимъ крохотнымъ человѣкомъ большихъ, разностороннихъ талантовъ, и еще моимъ вѣрнымъ мажордомомъ петербургскаго періода — Николаемъ Суринымъ.

Надо было видѣть, какъ они сидѣли на эстрадѣ, какъ любовно и чутко воспринимали мой успѣхъ!.. Послѣ концерта я угостилъ лилипутовъ ужиномъ въ Московскомъ «Эрмитажѣ», гдѣ ихъ появленіе произвело настоящую сенсацію, особенно среди иностранцевъ. Ими интересовались, ихъ окружили вниманіемъ, и они затмили собой офиціальную программу. Директоръ «Эрмитажа» А. В. Рыжиковъ пышно привѣтствовалъ отъ себя моихъ миніатюрныхъ гостей.

Концертъ является для меня и для моей души какъ-бы утонченнымъ дессертомъ; мой же хлѣбъ насущный — пѣніе въ ресторанѣ. Долго я выступалъ, чуть-ли не съ открытія его, въ «Большомъ Московскомъ Эрмитажѣ», поставленномъ на исключитель-

ную высоту магомъ и чародѣемъ сложнаго ресторан-наго искусства А. В. Рыжиковымъ. Своей кухней, своей богатой программой, своей обходительностью онъ сумѣлъ привлечь къ себѣ сливки международной колоніи Парижа.

За многіе мѣсяцы моихъ выступленій, никогда, ни разу мое артистическое самолюбіе не было уязвлено хотя-бы малѣйшимъ невниманіемъ со стороны публики, въ громадномъ большинствѣ непонимающей языка, на которомъ я пою.

Иногда меня приглашаютъ пѣть въ частныхъ салонахъ. Само по себѣ это знакомо мнѣ еще по Петербургу и Москвѣ, гдѣ мнѣ часто приходилось пѣть и во дворцахъ и въ барскихъ особнякахъ, но тогда, въ этихъ дворцахъ и особнякахъ было совсѣмъ, совсѣмъ другое общество...

За годы моего отсутствія, въ Парижѣ появились новые люди, новые салоны.

Возьмемъ, напримѣръ, Детердингъ. Я прежде никогда не слышалъ этого имени, хотя и слышалъ и зналъ Манташевыхъ, Нобеля, Ліанозовыхъ и еще другихъ первостепенныхъ нефтепромышленниковъ.

Но вотъ, вернувшись въ Парижъ, я узналъ, что за послѣдніе десять-двѣнадцать лѣтъ выросъ крупнѣйшій нефтяной дѣятель Детердингъ и что вторая жена его, русская. Вскорѣ она пригласила меня пѣть у нея на большомъ раутѣ въ отелѣ «Кріонъ».

Этотъ раутъ не только совпалъ съ парижскимъ тріумфомъ кино-комика Чарли Чаплина, а былъ данъ госпожею Детердингъ въ его честь. Я это оттѣняю, потому что, навѣрное, у лэди Детердингъ часто бывали и высочайшія и высокія особы. А вотъ Чаплина, несравненнаго Шарло, супруга короля нефти принимала впервые. Въ высочайшихъ-же особахъ и на сей разъ не было недостатка.

За столомъ, вблизи хозяйки, густо покрытой

бриллiантами, я увидѣлъ Марiю, Королеву Румынскую, принцессу греческую Елену Владимiровну,одного изъ принцевъ Баварской династiи, еще нѣсколько русскихъ и иностранныхъ Высочествъ. Тутъ-же были и Донна Мацукки, и большая группа экзотической молодежи.

Повторяя «чарочку» за «чарочкой», спокойно и холодно наблюдалъ я, какъ веселится «избранное общество».

Послѣ обильныхъ возлiянiй кто-то началъ разбивать опорожненные бокалы. Эта забава такъ понравилась Чарли Чаплину, что онъ въ мгновенье ока превратилъ въ осколки добрый десятокъ бокаловъ. Румынская Королева была, вѣроятно, въ первый разъ свидѣтельницею такихъ занятныхъ petits jeux, ибо поспѣшила ретироваться.

Одинъ изъ директоровъ отеля, наблюдавшiй эту картину, съ профессiонально учтивымъ безстрастiемъ, полюбопытствовалъ у меня:

— Такъ, вѣроятно, принято въ русскомъ обществѣ, — бить столовое стекло?

Въ отвѣтъ ему я улыбнулся.

А дальше... дальше уже развязная молодежь развернулась и показала себя во всемъ блескѣ. Отъ переполненiя чувствъ и желудка ихъ неотразимо влекло прочь изъ-за стола, но такъ какъ ноги плохо повиновались, гарсоны уводили подъ руки этихъ очаровательныхъ молодыхъ людей. А послѣ неизбѣжнаго финала, имъ нахлобучивали на голову цилиндры и разсаживали, вѣрнѣе, раскладывали по автомобилямъ...

ЭПИЛОГЪ.

Оглядываясь на незабвенное прошлое, которое никогда, никогда больше не вернется, вспоминаю колоритный и въ бытовомъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ уголокъ Александринскаго театра. Это его фойэ и буфетная комната. Въ дни репетицій, въ минуты перерывовъ и послѣ репетицій, сходились тамъ знаменитый дядя Костя — Варламовъ, Давыдовъ, Судьбининъ, Ходотовъ.

Однажды, совершенно случайно, заглянулъ и я туда съ де-Лазари, послѣ чего сдѣлался постояннымъ гостемъ буфетной комнаты. Общеніе съ корифеями русской Императорской драмы давало много захватывающаго. Что ни человѣкъ — то эпоха, и какая эпоха! Въ первый мой дебютъ въ этомъ фойэ я спѣлъ подъ гитару: «Что вы голову повѣсили, соколики?»

Это зажгло Владиміра Николаевича Давыдова и онъ, помолодѣвшій, выхвативъ у де-Лазари гитару, самъ спѣлъ нѣсколько стариннѣйшихъ романсовъ. Правильнѣе сказать, Давыдовъ не пѣлъ, а передавалъ, но что это была за передача! Сколько огня, сколько чувства, сколько умѣнья! Мы всѣ внимали ему, затаившись...

Сплошь да рядомъ изъ фойэ Александринскаго театра мы перескочевывали всей компаніей — это было въ нѣсколькихъ шагахъ, — въ трактиръ Маріинской гостиницы. Онъ славился дешевизною, своимъ органомъ, который назывался оркестріономъ, своимъ чисто московскимъ укладомъ и своими пудовыми пирогами, до которыхъ мы всѣ были большими охотни-

ками. Но самымъ большимъ изъ насъ — Варламовъ. Легендарный дядя-Костя въ одинъ присѣстъ съѣдалъ два, а то и три пирога. Хотя они были воздушные, но жирнаго, промасленнаго тѣста могло хватить на многіе десятки обыкновенныхъ пирожковъ. Маріинская гостиница была единственной въ Петербургѣ съ московскими половыми во всемъ бѣломъ, вмѣсто лакеевъ-фрачниковъ. Тамъ мы проводили время сначала подъ звуки органа, потомъ, перебравшись въ кабинетъ, пѣли подъ гитару.

Все это общество я часто собиралъ у себя на Каменноостровскомъ. Памятенъ мнѣ одинъ ужинъ послѣ моего концерта въ Маломъ залѣ Консерваторіи. Съѣхались у меня и всѣ участники концерта и просто гости. Изъ участниковъ — Тамара Карсавина, В. Н. Давыдовъ, Павелъ Самойловъ и Лопухова съ Орловымъ. Изъ просто гостей — А. И. Купринъ и другіе.

Ужинъ, какъ было принято писать въ газетахъ, затянулся далеко за полночь. Наиболѣе умѣренные подъ утро разъѣхались, менѣе умѣренные остались, и незамѣтно подоспѣлъ завтракъ. Къ обѣду я вызвалъ изъ Новой Деревни цыганъ и, не смыкая глазъ, мы весело провели 48 часовъ. Одни легли костьми, другіе все еще не сдавались. Въ числѣ этихъ несдавшихся оказался и обаятельнѣйшій А. И. Купринъ. Ни за что не хотѣлъ уходить! Въ его гатчинскомъ домѣ тревога, запросы ко мнѣ по телефону. Но Купринъ — хоть бы что, плотно усѣлся въ креслѣ, и не въ силахъ человѣческихъ было заставить его подняться! Тогда мы бережно съ кресломъ снесли его къ подъѣзду и вмѣстѣ съ кресломъ водрузили въ автомобиль. Такъ въ креслѣ Александръ Ивановичъ и доѣхалъ до Гатчины. Черезъ два дня я получилъ свое кресло обратно.

Новодеревенскимъ цыганамъ, которыхъ я всегда вспоминаю съ особенно нѣжнымъ чувствомъ, я обязанъ, во-первыхъ, многими ночами большого подъема

и настоящаго веселья, а, во-вторыхъ, еще тѣмъ, что многому у нихъ научился. Въ моей карьерѣ исполнителя цыганскихъ романсовъ они сыграли далеко не послѣднюю роль.

У нихъ въ Новой Деревнѣ я былъ своимъ человѣкомъ. Иногда я по двое сутокъ пропадалъ у цыганъ со своими друзьями. Нерѣдко создавался общій громадный хоръ изъ нѣсколькихъ соединенныхъ хоровъ.

Мелькаютъ передо мною: Алеша Шишкинъ, Макарычъ, Масальскій, Поляковъ и Лиза Витгенштейнъ — единственная блондинка на фонѣ смуглыхъ, черноволосыхъ цыганокъ — и др. Хотя еще со временъ Пушкина аристократы женились на цыганкахъ — Голицыны, Волконскіе — но даже и при этихъ условіяхъ Лиза сдѣлала ошеломляющую карьеру, ставъ Свѣтлѣйшей княгиней Витгенштейнъ. Ея мужъ, Грицко Витгенштейнъ, потомокъ владѣтельнаго рода, красавецъ, кутила бонвиванъ, любимецъ Государя, офицеръ Императорскаго конвоя, закончилъ свою бурную жизнь нелѣпо и вмѣстѣ трагически: онъ подавился косточкой рябчика.

Порою я вызывалъ цыганъ къ себѣ, и отъ меня пестрою и шумною толпою отправлялись въ Новую Деревню, чаще всего — къ Макарычу, прихвативъ съ собою нѣсколько дюжинъ шампанскаго, а что касается угощенія, то это было уже заботою Макарыча, славившагося своимъ хлѣбосольствомъ и умѣньемъ покушать.

Иду я однажды по Невскому. Вдругъ кто-то меня окликаетъ. Смотрю — Нико Нижерадзе, на лихачѣ, въ ногахъ у него ящикъ съ виномъ.

— Садись ко мнѣ, поѣдемъ!

— Куда?

— Не твое дѣло!

Мчимся по Каменноостровскому.

Миновали мою квартиру. Значитъ, къ цыганамъ. Очутившись у Макарыча, мы оставались у него два дня и двѣ ночи. Никакой загулъ не мѣшалъ у Мака-

рыча патріархальному семейному укладу его жизни. За трапезой въ определенный часъ должны были собираться всѣ отъ мала до велика, начиная съ малышей и кончая 90 лѣтней тетей Матрешей. Она помнила еще тѣхъ цыганокъ, что вдохновляли своимъ пѣніемъ самого Пушкина.

У тети Матреши дрожала голова отъ старости и такой-же былъ дрожащій голосъ, но и какъ у Владиміра Николаевича Давыдова искусство передавать было изумительное. Тетя Матреша научила меня пѣть: «Двѣ гитары», «Полсо было влюбляться» и «Корочку». Ревниво оберегавшая эти старинныя, забытыя вещи, тетя Матреша, въ видѣ особаго благоволенія, передавала мнѣ эти романсы, подобно тому, какъ старый жрецъ посвящаетъ молодого въ тайны древняго и сложнаго ритуала. И только когда я популяризировалъ съ эстрады и «Полсо», и «Корочку», и «Двѣ гитары», и издалъ ихъ ноты, только тогда начали ихъ публично исполнять новодеревенскіе цыгане и играть всѣ петербургскіе цыганскіе оркестры.

Много, много лѣтъ Алексѣй Шишкинъ и Макарычъ были кумирами и баловнями веселящагося Петербурга. Ихъ жадно слушали, ихъ осыпали подарками и деньгами, но когда Алексѣй Шишкинъ и Макарычъ переселились въ другой міръ, гдѣ нѣтъ ни вина, ни пѣсенъ, за ихъ гробами шло два, три человѣка и въ числѣ этихъ двухъ-трехъ былъ я.

Было щемящее чувство, навертывались слезы, а въ ушахъ погребально звучалъ куплетъ Апухтинской «Пары гнѣдыхъ»:

Кто-жъ провожаетъ ее на кладбище?
Нѣтъ у нея ни друзей, ни родныхъ,
Нѣсколько только оборванныхъ нищихъ...
Пара гнѣдыхъ, пара гнѣдыхъ...

Въ 1929 году импрессаріо И. Тетейльбаумъ организовалъ мое концертное турнэ по Прибалтикѣ.

Первый этапъ — Рига. Я не былъ въ Ригѣ съ войны, съ 1915 года и, ѣдучи теперь туда уже не какъ въ Россію, а въ Латвійскую республику, представлялъ себѣ все рѣзко измѣнившимся, чужимъ и чуждымъ. Но первыя же впечатлѣнія развѣяли все это.

Пріѣзжаю. Русскій носильщикъ:

— Это все ваши вещи, баринъ?

Русскій извозчикъ:

— Куда прикажете, баринъ?

Въ гостиницѣ тоже русская рѣчь. Ночной сторожъ — какъ въ Россіи; на груди фонарь, въ рукѣ колотушка. Позваниваетъ ключами. И сама Рига, какъ городъ, почти не измѣнилась, только духъ другой. Тотъ, прежній духъ, отлетѣлъ, исчезъ вмѣстѣ съ исчезнувшей Россіей.

Соотечественники встрѣтили меня болѣе чѣмъ тепло и по русски, радушно и хлѣбосольно. Особенно трогательный пріемъ оказала мнѣ большая русская газета «Сегодня», во главѣ съ редакторомъ ея Мильрудомъ и ближайшимъ сотрудникомъ Лери-Клопотовскимъ.

Послѣдній, сотрудничая еще, въ бытность свою въ Парижѣ, въ газ. «Возр.», однажды тронулъ меня своимъ поздравленіемъ въ пасхальномъ номерѣ газеты:

Былъ Петроградъ. Уютъ «Контана».
Была широкая Москва.
Но все прошло. И очень рано
У голосистаго Баяна
Засеребрилась голова.
        И не узналъ-бы Васъ, Морфесси,
        Такимъ серебрянымъ «Контанъ».
        Но съ Васъ довольно Парижанъ,
        Что знаютъ Васъ. — Христосъ Воскресе!..

Очень доволенъ остался я моими гастролями. Концерты прошли съ успѣхомъ.

Но нѣтъ солца безъ пятенъ, нѣтъ голубыхъ небесъ безъ тучекъ.

Въ концѣ концовъ тѣ, отъ кого это зависитъ, дали мнѣ понять въ весьма деликатной формѣ, что засиживаться мнѣ здѣсь не слѣдуетъ, и мое дальнѣйшее пребываніе въ предѣлахъ республики нежелательно.

Увы, насильно милъ не будешь, особенно въ чужомъ монастырѣ.

Въ смыслѣ успѣха то-же самое и въ Эстоніи, но не то-же самое въ смыслѣ отношенія ко мнѣ мѣстныхъ властей. Никакихъ намековъ, а наоборотъ, полная картъ-бланшъ, оставайся, живи, концертируй сколько душѣ угодно.

Послѣ Ревеля я устремился въ Нарву, потому что меня тамъ ждали и потому что самъ желалъ поскорѣе быть ближе къ родинѣ, подышать уже совсѣмъ русскимъ воздухомъ. Нарва совсѣмъ, вѣдь, недалеко отъ совѣтской границы. Порою у меня была полная иллюзія. Россія? Россія, да и только! Подлинная, бытовая Россія. Звонъ колоколовъ, обиліе снѣга. Санный путь. Русская запряжка, русскіе бубенцы. Чисто русскій пейзажъ съ особеннымъ настроеніемъ, съ особенной равнинной тоской. И было радостно и въ то же время щемяще больно отъ сознанія, что гдѣ-то совсѣмъ близко твоя родина томится въ тискахъ неслыханной тираніи. И съ каждымъ днемъ это чувство овладѣвало мною все больше и больше, такъ что послѣ заключительнаго концерта я въ ту же ночь съ невѣроятной болью въ сердцѣ покинулъ Нарву.

Парижъ, 23-4-31 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Imp. de Navarre, 5, r. des Gobelins, Paris (XIII°)

LUX
LIBERTAS

Printed in France.